

ИВАНОВ ЕГОР

МЫ ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ!

ВЛАДИВОСТОК 2003

OUVERTURE

Почему эта книга обязана стать явлением в отечественной культуре? - недоуменно поморщит лобик скудоумный критик. - Разве мало об этом написано? Сначала писали, как молодёжь призывного возраста закаляет тело и дух, потом выясняли, есть ли в армии дедовщина, потом выяснили, что она там таки есть, а потом чеченская кампания, а потом вторая, всё это уже где-то печаталось, издавалось, читалось и, помнится, с дембелями пьяными в купе ехали, и они пить водку заставляли, волки, и песню орали «Ехали цыгане хуй догонишь!»... короче, да ну на фиг, ещё одну читать, больше делать нечего! Что ж! Оставим критика наедине с его скудоумием. Он, падла, не служил нигде и никогда, лишь прислуживался.

Итак, наш друг служил. Кому? Неважно. Не стоит вторгаться в область иррационального. Для молодого россиянина армия - что-то вроде средневекового похода за Святым Граалем. Поди туда - не знаю куда, принеси то - не знаю что. Но я подозреваю, что все эти военкоматы, министерства обороны и прочая поебень - не более чем ширма для некой Великой Камуфляжной Богини, разгадать замысел которой не под силу ни одному призывнику. А генералы... так, мелкие трикстеры при ней.

Наверняка, немало вопросов вызовет книга и у читающей молодёжи. Ну, тут я спокоен: книга не нуждается в моей «защите», все ответы на вопросы она даёт сама. Уже одно только нежелание автора книги ссаться под себя с целью вызвать антипатию военкомата, на мой взгляд, достойно уважения и говорит о многом. Почему, однако, этот труд не станет явлением в отечественной культуре? Да очень просто. *Такая правда им не нужна.* Какая-то она грубая у вас. С подробностями... Кровь, вон, запекающаяся... кирза. Короче, наберите в «Яндексе» или «Рамблере» словосочетание «штопаный гондон», поисковик разом покажет вам на их сайты, даже если подобного словосочетания там вовсе и нет. *Mystical truth!*

К психологическому портрету рядового срочника. Довелось мне как-то выполнять «шефскую» работу на одном объекте - таскать носилки с камнями. Работа была на свежем воздухе, у самого синего моря, над душой никто не стоял и не ныл. Носилки, ясен хуй, в одиночку не таскают даже больные с раздвоением личности, в напарники мне дали 18-летнего срочника. Вообще, на «объекте» их проживало, тащилось и шароёбилось человек восемь. Мы, не спеша, таскали носилки, часто перекуривали. Все диалоги сводились к его вопросам и моим ответам «где во Владивостоке можно купить чёткий камуфляж и пиздатые берцы». Парень тихо, но серьёзно готовился к дембелю, до которого ему было ещё года полтора. Вдруг он внезапно куда-то «выпал» и минуту пребывал в трансе, после чего, очнувшись, взволнованно глянул своими ослепительно синими, как морская волна (тьфу, блядь!) глазами и произнёс: «Интересно, есть ли у вороны нервные окончания?» Нет, вы поняли? И если кто-то вдруг всерьёз считает, что «понял»... только хорошее воспитание и классическое высшее образование не позволит автору книги сказать прямым текстом: «А вот хуй вам на всё рыло!» И этот вымученный абзац - это даже и не эпизод, так, штрихи к портрету. Сам же портрет во всей его красоте имеет право писать лишь участник событий. Он ловко, со знанием дела, поливает из солдатского котелка место, где по его предположениям, закопан и забыт прах писателей-реалистов, доделывая грязную работу не только за Ивана Бровкина (если нынешней молодёжи вообще знакомо это имя), но и за общество «Мемориал» и «Комитет солдатских матерей». Ибо лишь распоследним идиотам до сих пор не понятно, что всевозможная «дедовщина» начинается приблизительно за 15-18 лет до армии. И потому, разумеется, книга не про «дедовщину». Нет попытки создания новых современных мифов об армии, практически нет опровержения старых. Просто краткий итог полугодового пребывания «в рядах доблестных...» - «молодость плюнула вслед и прошла».

«Винтик в системе» ?

Нет!

Стальной болт в щите родины!

Дранков Роман

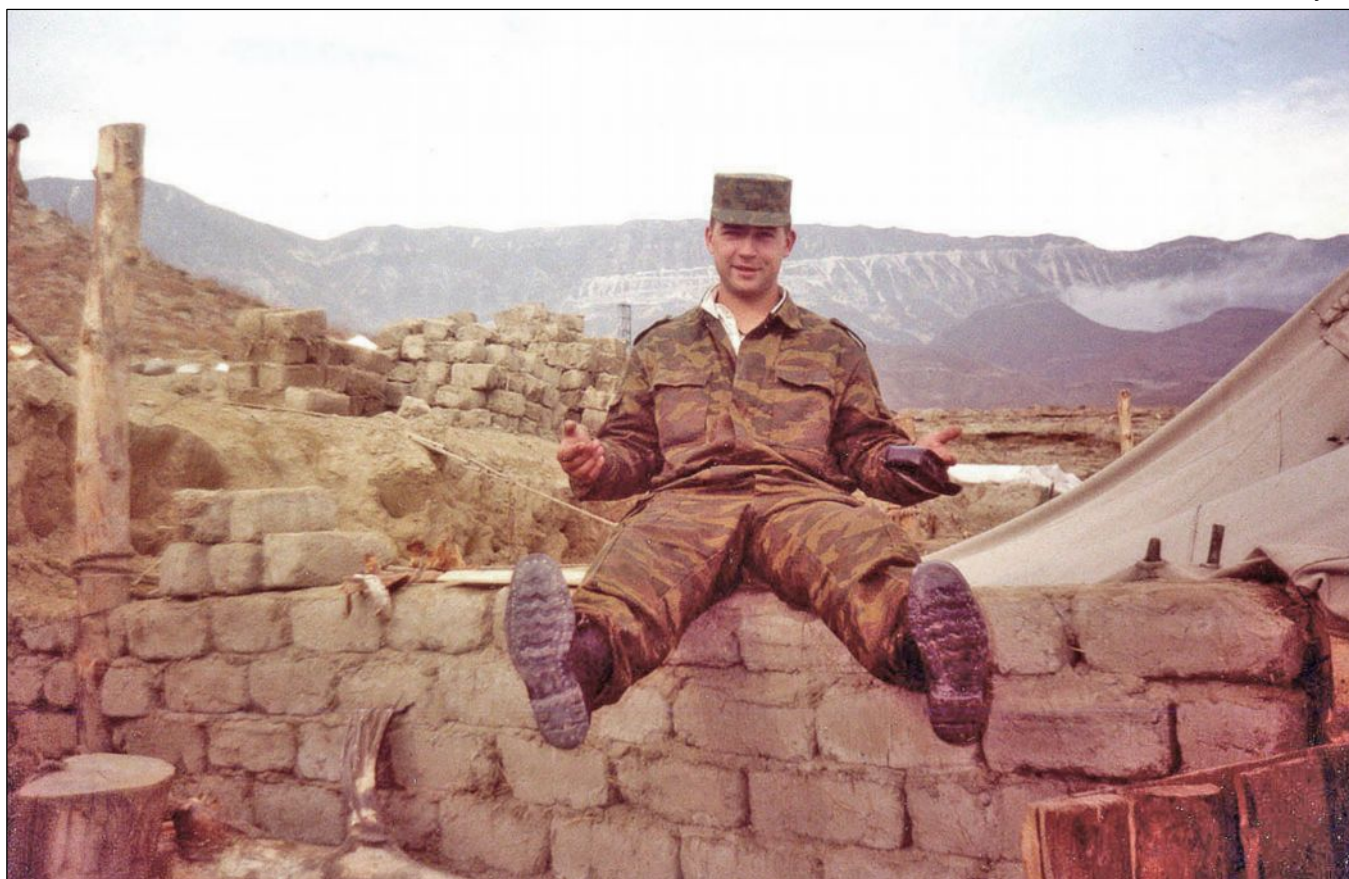
Абдалзабазуль

Гора в составе хребта, разделяющего Дагестан и Чечню, высотой более 2000 м. над уровнем моря. Он как граница между двумя совершенно разными мирами. На [Перевале](#) находился один из наших ротных опорных пунктов, охранявший дорогу из Дагестана в Чечню, а на Абдалзабазуле – [разведзасада](#). [Саид](#) – дагестанец, с которым я служил в [Ботлихе](#) и [Химое](#), утверждал, что название это переводится с аварского как «гора дураков». Если это так, то название свое она вполне оправдала во время войны августа 99-го в Дагестане. Дагестанский мент, стоявший с нами на [блокпосту «Ансалта-Ботлих»](#), рассказывал, что достаточно своих солдат и ботлихских ополченцев положила на этой горе российская авиация. Бомбили без разбора все, что движется. [Таран](#), вернувшись осенью из Буйнакска, передал рассказ одного СОБРовца, с которым познакомился в госпитале. Тот был в августе в самом пекле и говорил с дагом, которого только что спустили с «горы дураков» после очередного налета авиации. Тот, весь в крови, плачет, орет: что же вы делаете, своих же бомбите, прекратите немедленно!!! СОБРовец ему: а я что тебе – министр обороны? Тот не понимает: позвони, брат, прошу тебя, умоляю, скажи – там свои, пусть не бомбят! Боец, чтоб отвязался, снимает трубку [ТАшки](#) (полевой телефон) и рассержено кричит туда что-то вроде: вы что охренели?!?! Немедленно прекратить бомбить такой-то район!!! Даг ему: брат, спасибо... то, се...

Абдула

Абдулин Виктор Гантулхаевич. Если бы не фамилия, его бы прозвали Мультиком. Абдула имел совершенно мультяшную рожицу, смешную манеру говорить и передвигаться. У него не было переднего зуба, к тому же, находясь в Дагестане с января месяца, к осени он так загорел, что был похож на папуасика. Особенно мне нравилось наблюдать, как он сердится: корчит свирепые рожицы и потрясает крохотными кулачками. Я намеренно выводил его из себя, сделать это было нетрудно, а потом получал удовольствие. Когда перед дембелем обменивались адресами, я специально придрался к тому, что он написал мне в блокноте: *Новосибирская обл. г. Болотное ул. Нечетный парк* и т. д. Абдула, - сказал я, - ты, наверное, ошибся. Если город, то должен быть мужской род, а не «Болотное», это село, наверное. Сначала Абдула просто говорил, что ничего об этом не знает, что это ему совершенно все неинтересно, что город так называется и все. А в итоге он начал бегать по палатке взад-вперед, губы у него дрожали, и он свирепо, но неумело, по-детски, матерился.

Однажды Абдула совершил первый свой ночной рейд в [Ботлих](#) вместе с двумя легендарными личностями Моряком и [Умкой](#), а к утру не вернулся. Я обнаружил его за [КПП](#) полка на дороге, опухшего, дрожащего, босого, без ремня и кепки, с синяком под глазом. Сидя на [самане](#), и поглощая завтрак, добытый для него моими [чекистами](#), Абдула

Ботлих. На недостроенной стене караульного помещения. На горизонте - Абдалзабазуль

рассказывал о том, какую гору **балабаса** несли они этой ночью из Ботлиха в полк, делал круглые глаза и разводил руками, демонстрируя размеры мешка со съестным и водкой. Куда делся балабас, кто выпил всю водку, где его кепка и ремень, и обувь, и кто поставил ему синяк, он не знал.

В качестве дембельского аккорда Абдула вызвался (сам!) обнести караульную палатку каменной стеной (это еще до самана) – задача, поставленная нашему ротному командиром полка. Как такое серьезное дело доверили этому карапузу, не знаю. Он стал сразу важным, надулся и бегал по полку, требуя лопаты, раствор и рабочих, и все время мудрил чего-то с отвесом. Камни специально на УРАЛах привозили с реки. С долгими историями, нервотрепкой и чуть ли не истериками в конце концов достроил одну стену, а после «презентации» ее командованию полка едва не угодил на кичу. Что и говорить, стена вышла на редкость кривой. Создавалось такое впечатление, что кто-то специально трудился, чтобы сделать ее как можно хуже. Этот «кто-то», естественно, страшно обиделся и обвинил во всем командиров, которые привозили все время разный камень, а то и вовсе плохой. Послушать его, так и раствор оставлял желать лучшего, а все потому, что некачественная земля. Никто не стал обращать его внимание на то, что по всему Дагестану стоят каменные дома, раствор для которых готовили именно из этой земли по причине элементарного отсутствия другой, а просто вышибли его со строительства, и оставшиеся три стены мы сделали из самана.

Стоит ли говорить, что командир полка отимел во все дыры ротного за халатное отношение к поставленной задаче. Ротный счел это личным оскорблением и приложил все усилия, чтобы Абдула задержался в армии еще на месяц. Уехать он должен был в сентябре, но из-за «недосмотра» батальонного писаря убыл только в начале октября.

Недавно он звонил мне, чтобы рассказать, что работал – валил лес, но два дня назад упал с дерева, поэтому временно не работает, что собрался жениться и хочет поехать обратно на Кавказ.

Авария

Осень 2000-го. Ботлих

Тогда решено было организовать передвижной блокпост **Ботлих** – Шадрода. БТР и десять солдат со старшим офицером. Начала **разведка**. Не знаю точно, заменял ли батальон разведку в тот день, или просто подошла очередь, неважно. Поехали два сержанта, с которыми я учился в **Хабаровске**, восемь чекистов – их я знал по **Ангарску**, а старшим – **майор Калуга**. Обратно их привезли на УРАЛах. Одного из сержантов, Калугу и чекиста по прозвищу

Рука сразу увезли на аэродром, оттуда в госпиталь, в Москву. Остальных – в санчасть с ушибами, переломами. Единственный, кто отделался только испугом, был водитель, из-за которого собственно все и случилось. **Чекист**, прошедший учебку, знал только теорию, а на самом бэтэре выехал в первый раз. В первую очередь виноваты здесь, конечно, командиры, посадившие такого бойца на боевую машину. Он не вписался в какой-то поворот, и БТР махнул с моста. Какая была высота, не знаю. На броне сидели девять человек. Внутри – водитель и наводчик. Я сам некоторое время был **наводчиком БТР** и знаю, как там сидеть в башне, где со всех сторон в тебя упираются всеразличные рычаги, пулеметы, коробки с патронами и прочие железяки. И потому, когда я узнал, что случилось, то подумал в первую очередь о наводчике. Потом увидел его. Лица у него практически не было. Один сплошной синяк. Я представил, как во время удара он ебнулся башкой и грудью в **КПВТ**, а потом его отбросило назад, и он расфигачил затылок о стенку башни. Остальные... Кто-то успел спрыгнуть, кто-то – нет. Все были в кирасах, касках, по полной боевой, короче.

Хуже всех было с Рукой. У него был перелом позвоночника. Позже ходили слухи, что его парализовало. После дембеля в Братске мы с **Тараном** (они земляки) зашли к его родителям, заранее приговив сказочку о том, как долго идут из Дагестана письма. Но они уже все знали. Отец встретил нас белый как мел, с трясущимися руками, мать вообще не могла ни слова сказать. Им уже звонили из Москвы.

Недавно узнал, что с Рукой все в порядке. Они его вылечили и дали какую-то медаль, то ли «За храбрость», то ли «Суворова»...

Аварцы

Весна 2000-го. Ботлих

Милейшие люди. 9 МАЯ приехали в полк делегацией из двух мужчин и семи женщин. Привезли пирог и какао. Но пирога и какао не дали, а всех нас собрали в круг на хоздворе, и какой-то ихний Хафиз начал петь что-то типа «Касабланка», дурным голосом с совершенно диким акцентом. Потом Газманова «Господа офицеры». Песня сама по себе вызывает рвоту, но в исполнении Хафиза... жаль не передать, как он это пел. Но кто хочет, дам кассету (Весь этот бардак снимали на камеру, а потом продавали за деньги в ботлихских ларьках, там я ее и купил), только верните, она мне дорога как память.

Дул сильный ветер, песок летел в глаза, и все давно бы разошлись, так как жалкое зрелище того не стоило, несмотря на искренность потуггов. Ведущий, похоже, это чувствовал и видел наши кривые усмешки, а потому постоянно напоминал, что

вперед пирог. Причем ни к селу, ни к городу: «А пока, уважаемые солдаты, вы не отведали вкус бутлихского пирога, наш талантливый Хафиз, споет еще одну песню»... Снова вышел этот страшный пидор и опять запел: «Касабланка-а-а». Программа была насыщенной. «Наш талантливый Хафиз» три раза спел «Касабланка-а-а», два раза «Господа офицеры», а на десерт что-то из репертуара «Модерн Токинг», что, видимо, являлось в этой забытой Аллахом местности наипоследнейшим свежаком. Над ним уже откровенно смеялись, но тем не менее никто не уходил. Хафиз тоже не хотел уходить. Его уже тянуло танцевать. Выковыривая пальцем из глаза песчинку, я думал о том, что пирог остывает... Потом танцевали лезгинку под магнитофон, что внесло некоторое оживление. Особенно удался танец наших полковых «петрушек» – Моряка и Умки. Моряк был укуранный в жопу, Умка – в сиську. Моряк просто размахивал длинными рукавами своего бушлата и топтался на месте. Гибкий Умка продемонстрировал «танец боксера»: медленно извиваясь, выбрасывал вперед свои крохотные кулачки. Глядя на него, я вспомнил о дискотеках, моей юности, на которых никогда не бывал.

И вот... Наконец-то! Мы двинулись на раздачу. «Ботлихский пирог» оказался пирожным, которое я в своей доармейской жизни знал под романтическим названием «Школьное». Но все равно было очень вкусно.

Автомат Калашникова

Тут, конечно, стоит рассыпаться в восторгах: ах, какой великий человек Калашников! Какой автомат! Самый убойный! Самый простой в обращении! И так оно, наверное, и есть. Пострелять бы сейчас. Или хотя бы неполную разборку сделать...

Стреляли, разбирали, чистили постоянно. Использовался и как орудие физического воздействия. (См. [Фанера](#), [Чистка оружия](#), [Шомпол](#))

Авторота

Запомнилась мне в основном тем, что в [ангарском ОПОНе](#), замученном так называемым [Уставом](#), это был настоящий очаг дедовщины, гнездилище разврата и порока. Именно поэтому авторота была образцовой в плане столь любимого вояками порядка и субординации.

[Капитан Яременко](#) после очередного разгрома батальонной казармы и морального изнасилования дежурного по роте – нужно ли говорить, что им в этот день был именно я? – решил в качестве примера устроить экскурсию по автороте. И вот мы с ним вдвоем спускаемся на этаж вниз. Заходим. Дневальный, как положено, подает команду: «Дежурный по роте – на выход!». Появляется дежурный, представляется – все, вроде, чинно, как по учебнику. Видишь, сержант, - говорит мне Ярема, - как здесь все чисто, аккуратно. Ну-ка, зайдем в туалет. Направляемся к туалету, и вдруг его дверь открывается, и два [чекиста](#) буквально на руках выносят нам на встречу одного из [положняков](#) автороты в исподнем и тапочках. Ярема остолбенело спрашивает: «В чем дело, солдат?» «Ноги болят, товарищ капитан», - не поворачивая головы отвечает дембель, в то время как чекисты продолжают движение по [ЦРП](#). «Почему не приветствуете офицера?!» - уже почти кричит вслед Ярема, разинув рот до неузнаваемости. «Не могу стоять, - отвечает дембель, - грибок, товарищ капитан. Постельный режим, санчасть разрешила». Чекисты плавно уносят его под расположение. Занавес.

Агитация

Ангарск. Март 2000-го.

Незадолго до моего отъезда в [командировку](#), полк собрали в клубе, и жирный полковник из [Иркутска](#) начал слащаво расписывать нам с трибуны все прелести, ожидающие нас, если мы подпишем контракт. Деньги, Кавказ (свежий воздух, горы, когда еще представится возможность повидать? бесплатно тем более!), ордена, на которые будут заглядываться девушки в родном городе, всеобщее уважение и почет, ветеранские льготы... короче, полный наивняк, рассчитанный на откровенных дебилов, которых, впрочем, было немало. Про смерть, оторванные ноги, ночевки в окопах на голой земле, вшей и нехватку воды, плесневелый хлеб, про то, что льгот никаких на самом деле нет, про то, что с боевыми выплатами все равно, так или иначе, кинут, естественно, ничего сказано не было. Все это и еще многое другое каждому в разной степени пришлось испытать на своей шкуре. Были тогда в том зале и люди, которые уже никогда не вернутся из этой командировки. Ну, да ладно. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов.

АГС – 17

В [Химое](#) было два АГС. В том числе и на нашем любимом с [Тараном](#) [втором посту](#). АГС довольно сложный механизм в смысле использования, сборки–разборки и устранения неисправностей. Таран же довольно быстро наловчился, а постреляв по тихой, буквально влюбился в это оружие. Кроме него на РОПе знающим АГС был [Суслик](#), но во время очередных учебных соревнований по поражению кустов на склонах гор, в стволе сусликова АГСа застрял ВОГ (выстрел). Ствол скрутили осторожненько и в спешном порядке с первой же вертушкой отправили в [ПВД](#).¹ Таран носился с АГСом как с писаной торбой. Меня и на метр к нему не подпускал, а за одно прикосновение к оптике готов был убить. На посту мы меняли [чекистов](#), и, прежде чем отпустить их, Таран первым делом тщательно проверял свою игрушку. И если выяснялось, что сбита оптика (ее линзами можно было прикуривать в солнечную погоду, что при вечной проблеме со спичками было весьма удобно), или станок сдвинут хотя бы на сантиметр, начиналась экзекуция. Не каждый день удается попинать ногами живого человека, который и не думает сопротивляться. Люди любят бить друг друга. А пока Таран хуярил [чекару](#), внизу их ждал [разводящий](#) со сменой. Спустившись, чекисты еще получали пизды за опоздание.

Почему-то чем больше мы с Тараном общались, тем больше ругались и спорили. В одну из ночей, на посту, я попросил у него фильтровую сигарету. «Нет, - сказал Таран. - Это последняя пачка. Мы же договорились экономить». (У нас был общий бюджет в то время. Так это, по-дружески.) «В пизду! – сказал я. – Давай покурим». «Только что курили», - сонно ответил Таран. При этом он отвечал как бы нехотя, будто я отрываю его от важного дела, а сам в это время сидел на ящике с выстрелами от гранатомета, закутавшись в бушлат и облокотившись спиной о стену окопа. Еще и кусок поролонки под голову подложил, засранец. Все это раздражало меня, и я начал нервничать. Я вскочил и начал ходить взад-вперед по блиндажу, и говорил-говорил, пытаюсь убедить его в том, что все это

¹ Интересен такой момент. Когда я осенью вернулся в ПВД, то заступал там в течение месяца помощником начкара (см. [ПНК](#)), а потому каждое утро бывал в оружейном складе – менял часового, и офицер, ответственный за оружие и боеприпасы полка, расписывался мне, что, мол, склад на месте, принял, за ночь ничего не попиздили. И там, между ящичков с патронами и минами, и прочей опасной поебенью я увидел этот самый ствол. Достать ВОГ не смогли, а выкинуть ствол, значит испортить машину, стоящую больших денег. И славные наши командиры не смогли придумать ничего лучше, чем хранить ствол с неразорвавшейся гранатой внутри на складе боеприпасов! На боевой взвод ВОГ становится, лишь преодолев какое-то расстояние в полете, но все равно как-то...

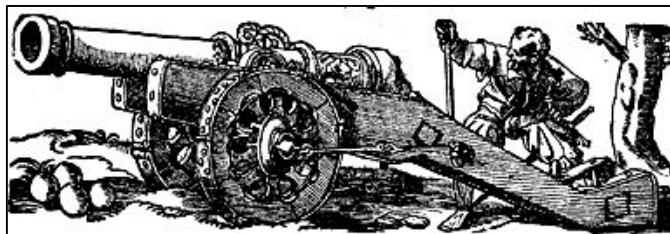
глупости. А его это только забавляло, он оставался демонстративно спокойным и подкалывал, по-прежнему отказываясь дать сигарету. Это еще больше разозлило меня. Вопрос казался ничтожным, я не понимал, в чем проблема, и от просьб перешел к оскорблениям и угрозам. Таран отвечал тем же, стараясь все-таки оставаться спокойным. Я же прилагал все усилия, чтобы и его вывести из себя. Короче, слово за слово, мы очень сильно поругались. Уж не помню, что именно он мне сказал, но я пришел в такую ярость, что начал орать, не понимая уже, что делаю и где нахожусь. Какие [нохчи](#), какая Чечня! Таран же продолжал ерничать, и, уже вне себя, совершенно не думая, я схватил первое, что попало под руку и ебнул об землю. Под руку мне попался ящик с ВОГами. Таран

резко замолчал. Ящики с ВОГами мы только днем принесли в блиндаж и еще не успели пристроить. Все они этакой башенкой стояли друг на друге на моей пулеметной позиции. Я расшвырял их все по блиндажу, пинал их ногами, матерясь и брызгая слюной. Может быть, у меня даже пена изо рта шла. Потом я добрался и до «ракушек» (круглые магазины для АГСа, в них уже готовая лента с ВОГами) и все их тоже свалил на пол. Разрядившись таким образом и дав понять Тарану, что и не собираюсь все это собирать и приводить в порядок, я сел у пулемета, укутался в бушлат и замолчал. Пока я все это проделывал, Таран не сказал ни слова и даже не пошевелился. Когда я закончил, он, уставившись в одну точку, молчал еще с минуту, а потом дрожащим голосом сказал: «Интересно, а если я сейчас сломаю твои ящики и разбросаю все твои патроны, кто из нас будет дальше здесь ползать и все это собирать?» Я ответил: «Попробуй!» Еще немного помолчав, он как-то неловко сполз с ящика на пол и начал собирать ВОГи. Тут я только понял, что, и не желая того, нанес удар по самому больному его месту. Мне стало одновременно смешно и жалко его. Теперь Таран любит вспоминать, как ночью в Чечне, в горах, на посту я орал и матерился, и разбрасывал цинки, а тогда на короткое время я стал его врагом.

АЗДН

Ангарский артиллерийско-зенитный дивизион. Состоял из МБ – минометной батареи, ПТБ – противотанковой батареи, которую позже ликвидировали, так как у основного противника, то есть чеченов, практически не было танков; и, кажется, ЗБ – зенитной батареи. В АЗДН имелась умеренная дедовщина, круче, чем у нас в батальоне, но не такая тяжелая, как, например, в автороте. Тем не менее, случаи СОЧИ были почему-то особенно часты там.

Наблюдая, как АЗДНщики мучаются со своими пушками и зенитками, я мысленно радовался, что не попал с самого начала в эту ебучую роту.

Там служил, кстати, Рева-Бизон. Зимой 2000-го (мы еще не были знакомы) батальон стоял на плацу, только что со стрельбища (нас возили туда и обратно на УРАЛах), и я наблюдал возвращение с учений (пешком) АЗДН. Мокрые и заебанные, они катили свои пушки и зенитки. У одного парня, толкавшего миномет, на спине болтался здоровый

железный ящик. Когда миномет проезжал мимо, я спросил: «Слушай, а что это у тебя на спине?» Не поворачивая головы, Рева бросил: «Бинокль». Еб твою мать!!! Бинокль! Все-таки батальон был самым лучшим местом в этом сраном полку!

Алилен

Это вроде по-аварски, в переводе на русский «Ослиное ухо». Гора по форме своей действительно продолговато-расширяющаяся-закругляющаяся, что на самом деле делает ее похожей на ослиное ухо. С военной точки зрения лучшего места для временных позиций в Ботлихском районе просто нет. В августе 2000-го боевики, заняв Ансалту, поднялись на Алилен и сверху ПТУРами расстреляли аэродром. Большая часть вертолетов просто не успела взлететь. Все это записано чеченами на видео, кассеты теперь продаются в ларьках Ботлиха. У меня такая есть. Хитрые вайнахи успели выкопать на горе окопы, соорудить минометные позиции, подвезти боеприпасы, и бомбежки русских вертушек и самолетов не причиняли им практически никакого вреда, это хорошо видно на пленке.

Фотография неудачная в смысле демонстрации хотя бы примерных размеров горы, но она на самом деле очень здоровая, причем, подняться на нее можно только с одной стороны, что также удобно для обороны.

За нашими спинами – склон Ослиного Уха

Ананников

Был такой мальчик-зайчик откуда-то из Приморья. Мы вместе были в учебке в [Хабаровске](#). Человек бесхарактерный: ни рыба, ни мясо, подлиза и глупый мечтатель. По приезду в [Химой](#) сразу же получил кличку Онанист и соответствующее к себе отношение. Через месяц [разводящий](#) при смене караула спалил Ананникова увлеченно мастурбирующим на посту (слово материально!). С детской жестокостью и наслаждением извращенца, смакуя детали, тут же поведал об этом всему [РОПу](#). Несчастливого онаниста опустили. Выдали ему вечером персональный котелок, ложку и кружку с дырочками. Изощренным шуткам на тему неприкрытого онанизма и аналогий с фамилией, казалось, не будет конца. Ананников весь почернел, осунулся и замкнулся.

В начале августа спалился со сном на [втором посту](#). Тогда на вертолетной площадке я присутствовал при самом жестоком избиении человека, что когда-либо видел. Хуярили прикладами в лицо, и в живот, куда ни попадя, били по очереди восемь человек. Один уставал, начинал другой. Ананников закрывал лицо руками и катался по земле.

Уволился Ананников на месяц раньше меня, тихо и незаметно.

Ангарск

Маленький снежный городишко, единственной достопримечательностью которого является химзавод. Первый раз мы подъезжали к городу ночью, и издали были видны огромные столбы огня. Такое достаточно inferнальное зрелище. Там стоит две части [ВВ](#). 63-й ОПОН и комендантская рота, охраняющая химзавод. Как и везде, вокруг этих частей крутятся барыги и потаскухи. Барыги с квартир торгуют водкой, травой, сладостями, сигаретами и прочим, скупают же хлеб, масло, картошку, армейские одеяла, соляру, запчасти, [УЗК](#), вещмешки и все, что может перебросить через забор и унести на себе солдат.

Герб города Ангарска

Ангарский ОПОН

Оперативный Полк Особого Назначения. Состоял из: трех мотострелковых батальонов, роты [разведки](#), роты спецназа (расформирована весной 2000г. мотив: задачи, возложенные на спецназ, может выполнить любая хорошо подготовленная мотострелковая рота.); роты [саперов](#), [караула](#) (набирается из батальонов, постоянного состава не имеет), [автороты](#) (ты мог служить там, если умел отличить педаль тормоза от газа), [АЗДН](#), роты кинологов и [РМТО](#).

Осенью 2000-го года, в [Ботлихе](#), в [ПВД](#), сидя в палатке, которая называлась «Клуб», на каких-то пидорастических политзанятиях, со скуки стал рассматривать плакаты, развешанные по стенам. Прямо напротив меня висел плакат «История твоего полка». Со скуки же и на память переписал в свой «дембельский» блокнот этот текст и здесь хочу его воспроизвести:

Приказом министра Внутренних дел СССР сформирована в/ч 3695 в г. Ангарск Иркутской области в п. Новый-4 8 июня 1991 г.

В 1992 г. учебная рота специального назначения принимает участие в поддержании правопорядка в г. Нахичевань, патрульный батальон - в г. Нальчике. В августе 1994 г. убывает в пункт временной дислокации - г. Моздок. В октябре передислоцируется в н.п. Терекли-Мектеб, Червленые-Буруны. В декабре 1994 г. в/ч 3695 занимает станцию Червленая Узловая.

В феврале 1995 г. личный состав выводится в г. Ангарск на отдых. С мая 1995 г. по декабрь 1996 г. выполняет служебно-боевые задачи в г. Грозный в Старопромысловском районе.

488 человек награждено правительственными наградами РФ, 138 человек ранено, 30 человек погибли, из них 8 зачислены навечно в списки части.

А до 91-го года, я слышал, в этой части был [стройбат](#).

Ансалта

Деревня в Ботлихском районе, у подножия одноименной горы, почти на границе Дагестана с Чечней. Ее верхушку хорошо было видно с территории нашего полка (см. [ПВД](#)).

Именно через Ансалту в августе 2000-го Басаев вошел в Дагестан. Местные жители не оказали сопротивления. На видеокассетах, которые сейчас можно купить в любом ларьке Ботлиха, снято, как ансалтинские менты сдают оружие боевикам.

На Ансалте с сентября 2000-го располагается один из наших РОПов. Бойцы называют его «штат Невада», не знаю почему. Побывать там не удалось.

Ара

В Химое Ару любили все. Он и сам старался быть клевым во всех отношениях парнем. Его любили даже местные. Они не знали, что он армянин, или просто не знали, что армяне – православные, а потому считали, что в кожаном мешочке с христианской молитвой, который Ара носил на шее, зашит отрывок из Корана. Они сами носили такие же. А потому Ара был единственным солдатом в Химое, которому отпускали в кредит в местном магазине. Мы посылали его (для себя Ара брать не мог, так как был срочником, никаких денежных поступлений у него не предвиделось, и оставалось надеяться только на нашу щедрость), он брал, например, два блока «Петра», через неделю прилетала вертушка, привозила деньги, и мы, **контрактники**, расплачивались с чеченами через него. Это было лучше, чем обменивать гранаты на еду и сигареты, хотя, когда вертушка задерживалась, мы, похоже, были готовы и на это.

Ара был моего **призыва**, служил в АЗДНе. Попав в Химой, благодаря своему легкому характеру и чувству юмора, быстро со всеми сошелся и стал

нашим другом. Он был из Иркутска и очень любил рассказывать о том, какая у него там осталась красивая девушка, и о том, что он состоял в одной из уличных группировок. О том, какой у него богатый и крутой отец. Когда смена собиралась в курилке, Ара с **Тугриком** устраивали настоящие соревнования – кто больше и смешнее анекдотов расскажет.

Особенно мы сдружились с Арой после смерти **Подласа** и отъезда **Тарана**, когда я вдруг очень остро почувствовал свое одиночество здесь. Но по-настоящему пришлось узнать человека только осенью, когда сняли РОП Химой.

Таран к этому времени уже вернулся из ставропольского госпиталя и, отсидев на губе за «неуставную обувь», заступил ко мне в **караул**. И тут снимают Химой! Обрадовавшись возможности снова увидеть Ару и пообщаться с ним, мы даже вышли встречать машину с аэродрома. Мы встретили его как брата и, сидя в караульной палатке, вспоминали наши веселые «химойские» денечки. И я, и Таран – оба были контрактникам и в тот короткий период, что Ара прожил в Ботлихе, помогали ему, чем могли: деньгами, подгоняли иногда балабас, подкидывали сигарет.

Как-то вечером, сидя у нас в карауле, он сказал, что едет этой ночью с проверкой в Ботлих, чтобы

Ансалта. Слева – Рева-Бизон, справа - Ара

позвонить домой, и уже договорился с офицером – старшим проверки. Услышав это, Таран попросил позвонить и ему домой, успокоить мать. Таран не звонил и не писал ей несколько месяцев – не было возможности, а отсюда, из караула, никак не отпустят. Он дал Аре денег – заплатить за звонок, а я подкинул пару сотен, чтобы он купил себе что-нибудь в Ботлихе. На следующее утро Ара сам пришел в караул и просил меня передать Тарану, который в это время был на посту, что дозвонился, что трубку взяла мать, и что он ей все рассказал: Таран жив-здоров, все в порядке, не жизнь, а малина и все такое прочее... Придя с поста Таран метнулся в АЗДН – благодарить.

Ровно через неделю Тарана выдернули прямо со смены караула в штаб, на прямую связь с Ангарском, куда приехала его мать в надежде хоть что-нибудь узнать о пропавшем сыне. Как же так? – спросил Таран. Ведь тебе буквально неделю назад звонили? Никто мне не звонил, - отвечает мать. Этого не может быть! Никто мне не звонил, - повторяет мать. Ну как же! Я же просил, мне сказали, что с тобой разговаривали...

Как только Таран вернулся с поста, мы нашли Ару и без всяких прелюдий спросили, звонил он или нет. Ара был застигнут врасплох и ничего вразумительного ответить не смог. Он растерялся, он не успел ничего придумать и только без конца повторял, потупившись, как первоклашка: я звонил, я звонил... это какая-то ошибка, наверное... Мы оба были в шоке: такой гадости от человека, которого столько времени мы считали самым лучшим, самым надежным нашим товарищем, мы просто не ожидали и прекратили с ним всякие отношения.

Потом минометную батарею отправили на [Ансалту](#), и «по рассказам очевидцев» за время пребывания там Ара ко всеобщему удивлению проявил совершенно несвойственную ему до этого жестокость по отношению к [чекистам](#). Он вернулся за день до нашего отъезда в Махачкалу, сам пришел к нам и предложил купить на дембель по дешевке два зимних комплекта: бушлаты, ватники, камуфляж. У Тарана отец охотник, у меня – рыбак, и мы решили, что это будет неплохим подарком; принять же после случившегося от Ары не было впадлу, так как мы платили за это деньги – чисто деловые отношения. Ара предложил провести форму в УРАЛе АЗДНа. Мы платим ему здесь (сам он в Ботлихе не ехал), а в Махачкале заберем комки у водителя – его хорошего знакомого. Мы согласились, но с небольшой поправкой: деньги мы заплатим только тогда, когда получим [комки](#). Если водитель такой уж приятель, что ему можно доверять, то он и деньги передаст. На следующий день, после построения дембелей на плацу, мы с Тараном намеренно погрузились в тот самый УРАЛ и на первой же остановке переговорили с водителем. Никаких бушлатов не было, Ара ничего не передавал и с водителем ни о чем не разговаривал.

Аргунское ущелье

Никто не знал, где на самом деле оно находится. Некоторые говорили, что [Химой](#) это и есть Аргунское ущелье. Большинство были уверены, что мы располагаемся на выходе из него. Обращаться к офицерам было бесполезно: один капитан, приехавший в Химой с комиссией, произнося речь перед сменой, убывающей на посты, о том, что ни в чем здесь уверенным быть нельзя, и что вот ты смотришь на чечена и думаешь, что он мирный, а у него под кроватью РПГ, а может быть, за этой горой отряд в пятьсот боевиков, а может быть и нет, а может быть, мы все до утра не доживем и т.п., сказал: «Я лично здесь твердо уверен только в одном: что там (он показал рукой на запад) север».

Армия

Хотелось бы выразить свое отношение к армии в целом. У нас великая армия. Но не потому что у нас самое лучшее в мире оружие, а потому, что русский солдат живет и выживает ежедневно в таких дерьмовых условиях, что когда попадает в лес, пустыню или в горы, то вряд ли чувствует себя там намного хуже, чем в своем полку. По-моему, даже лучше. Не надо постоянно строиться. К тому же нищая, полуголодная, дикая совершенно жизнь способствует развитию не только физической и моральной выносливости, но и чрезвычайной смекалки даже у законченных тормозов и неучей. И то, до чего в экстремальных условиях какой-нибудь американский солдат ни за что не додумается, потому что просто не знает, что так может быть,

На хабаровском КПП

обязательно придет в голову русскому солдату и будет для него нормой, делом обычным, да и вообще эти условия не будут для него такими уж экстремальными, так как в экстремальных условиях он живет постоянно.

Арыки

Канавки такие выкапывались в ПВД вокруг палаток – для... «Для азиатского колориту?» - пьяно отрывая жигулевским пивом и сушеной камбалой спросит мой внимательный и благодарный Читатель. Нет, для стока воды. Чтобы вода вокруг палаток во время дождя не скапливалась и внутрь не попадала. Каждый день их надо было прочищать. А вода туда стекала главным образом из мочевых пузырей солдат и офицеров, которым ночью запахло было топтать через весь полк до туалета. Я тоже туда мочился – такое вот нелепое признание русского писателя.

Аэродром

Располагался по соседству с нашим полком в Ботлихе, и каждые десять минут над нами пролетали вертолеты разных видов и габаритов. Самое внушительное зрелище – полет белой пузатой «коровы» – огромного грузового вертолета.

Байки

Просто перечислю различные полумифические истории Ангарского ОПОНа, передававшиеся «из уст в уста» на протяжении нескольких лет существования полка. Почти все они, конечно, касаются солдат, вернувшихся в полк после первой чеченской командировки.

1. Один из лейтенантов полка привез из Грозного банку соленых чеченских ушей. Вариант: гирлянды из ушей были развешаны на ЦРП в роте спецназа. Помнится, кто-то спорил с тем, что уши были именно солеными, но это все детали...
2. Когда была ГСН, они постоянно враждовали с ротой разведки, а так как из Чечни все вернулись без каких либо признаков «башен» и «крыш», то шакалы ничего поделаться с ними не могли, и побоища происходили прямо на плацу или в столовой, где «все было забрызгано кровью». (Есть, кстати, в ангарской столовой памятная надпись, выбитая чем-то острым на одной из колонн, поддерживающих долбаный потолок: «ГСН - лохи!» Три раза в день мимо этой надписи проходит на раздачу весь полк, и каждый, думаю, радуется тому, что ГСН больше нет.
3. Любой спецназовец мог среди бела дня схватить любого срочника из любой роты и запереть на целый день в казарме ГСН, где тот мыл, убирал, чистил и т.д.
4. Когда приехали из Чечни, даже в батальоне, чекисты по ночам запирались в КХО, а шакалы в канцелярии.

С Тараном (стоит слева) в ботлихском ПВД

5. В роте разведки однажды дневальному, прикорнувшему, облокотившись головой о свою тумбочку, прибили гвоздем ухо к крышке.

6. **Старший сержант Бодруг** прибил сапоги дневального к тумбочке, чтобы тот стоял ровно.

7. Дралась и между собой, в казармах. Буянили так, что из окон вылетали двухъярусные койки.

8. Хрестоматийным стал рассказ о том, как рота разведки съебалась в самоход в полном составе, включая дневальных и дежурного по роте, и не спалилась.

Балабас

Балабас – еда. Балабасить – есть. О происхождении слова можно только догадываться.

Смешной случай «с едой» был в ботлихском карауле. Я, укладываясь спать на шесть часов, попросил **Тарана** проследить за тем, чтобы не сожрали мой балабас, который должны были принести в караулку где-то часам к одиннадцати – доппай. Ну и отложить мне чего-нибудь эдакого. Я все-таки был уже **помощником начальника караула** – мог себе позволить. И вот просыпаюсь я в положенное время, заглядываю в стол, а там: хлеб, сыр – да баявый такой кусок, чай, сахар, колбаса, сгущенка. Ну и Таран, думаю, ай молодец, уважил товарища! Хаваю, значит, все это и валюсь на нары. Через полчаса сменяется Таран. Спасибо, говорю, Димон, удружил, а он мне договорить не дает: слушай ты извини, я забыл балабаса-то тебе отложить... И тут мы слышим страшные ругательства. Выясняется, что пропал ужин начкара. Литеха-таджик был вне себя: **чекисты** совсем охуели – у начкара балабас уже пиздят! Мы разделили его негодование и выразили уверенность в том, что виноватого уже, конечно, не найдешь, а потому и пытаться не стоит. Литеха хмурый завалился спать, а мы тихонько обсуждали происшедшее. В какой-то момент, удивляясь тому, как я мог подумать, что это все отложено для меня, Таран повысил голос. Я сделал большие глаза, на что он ответил: «Да спит давно». И тут же с койки начкара послышалось угрюмое: «На голедний желудок хуй уснешь»...

Я аж на улицу вышел – просмеяться...

Бандерлоги

Очень популярное обращение сержантов к **чекаре**. Позаимствовано, естественно, из известного мультфильма про Маугли, в частности эпизода, где Каа гипнотизирует обезьян. Надо признать, что очень удачно. Тем же мультиком, видимо, навеяно менее популярное обращение: «питоны».

Таким тебя увидят твои сержанты

Баня

Обычно представляла собой десять-двенадцать душей, из которых три-четыре не работали, два-три источали только холодную или только горячую воду, из остальных вода бежала тонкой струйкой. В **Хабаровске** эти остальные занимали, естественно, **сержанты**, а мы, толкаясь и отпихивая друг друга, старались пробраться в кабинки, чтобы хоть немного намочнуть.

Первая моя «баня» в армии была на следующий день по прибытии в **Ангарск**. Мы побросали в кучу гражданские шмотки, а выйдя из душа, впервые облачились в камуфляж. Форма была жесткой и неудобной. Что касается портянок, то, как уже было сказано, «тому, кто это придумал, надо гвоздь в голову вбить». Рота уже выходила на построение, а я все еще пытался понять, как это делается, и вспоминал эпизод, когда перед убитием в военкомат мама сказала мне: «Пусть хоть отец покажет тебе, как портянки наматывать». Я тогда посмеялся и напомнил ей фильм «Любовь и голуби», где парня в армию провожали, и он дома по полу учился ползать. Теперь было не смешно. Помучившись еще немного, я просто «бинтом» обмотал ноги и, прихрамывая, ломанул за остальными.

Настоящая баня с каменкой и паром была в **Химое**. В обязательном порядке два раза в неделю. После бани в небольшом дворике пили сок, заедая сникерсами, купленными рядом в магазине.

Батальон

Всегда считая себя человеком физически развитым, я испытал чувство некоторой досады от того, что меня не взяли в **разведку** (а не взяли из-за того, что на год призван, типа, только время на обучение тратить, и потому что **тест Купера** я не прошел). В

Хабаровске последние остатки шелухи из башки выветрились и вернувшись в Ангарск и окончательно разобравшись, что здесь к чему, я уже радовался, что службу именно в батальоне, а не в каком-нибудь специальном подразделении. Примеров перед глазами было много. Не забуду зимой на [стрельбище](#), трех мокрых от пота разведчиков, увешанных оружием и боеприпасами, в белых маскхалатах, на последнем издыхании ползущих по снегу из леса. Весь путь из полка до стрельбища они проделали бегом по пересеченной местности, а мы на УРАЛах... Они вообще многого не могли себе позволить, чтобы не уронить достоинства зеленого берета, и их в полку положение давалось им нелегко. Когда, только вернувшись из Хабаровска, я рассказывал Гордиевскому, как грамотно нас там дрочили сержанты, он только криво усмехался. Потом начал говорить о своей [чекланке](#) в роте разведки, и я почувствовал, что теряю безвозвратно последние остатки веры в человека. Например, о том, как в низком приседе прыгал однажды всю ночь по ступенькам с первого этажа на четвертый и обратно.

Саперов, спецназ дрочили не меньше, а может быть, и больше, чем батальоны – в батальонах хоть из-за большой численности можно было и гасануться иногда, а в роте из пятнадцати человек куда не спрячешься. Когда зимой из-за [командировки](#) в роте разведки осталось всего пять человек, Семен – единственный сержант, три месяца без перерыва заступал в суточный наряд [дежурным по роте](#). Все было гармонично и справедливо: физически

подготовленные и с амбициями попадали в спецы, чмошники и лохи – в [РМТО](#), остальная разнородная публика – в батальоны, и там я насмотрелся столько колоритных персонажей и ситуаций, что хватит надолго.

Батоха

Бурят по имени Бато. Служил в [АЗДН](#) медбратом. В [Химой](#) попал с минометчиками, но скоро гасанулся и вернулся к обязанностям санинструктора. Плохо играл на гитаре, пел дебилные жалостливые песни про тяжелую солдатскую жизнь. Когда из Химоя уехали 8/1, и мы, 9/1, остались старшим [призывом](#), Батоха, по доброте душевной долго не решался трогать [чекистов](#), но как-то на рассвете выглянув из окопа, я увидел, что он боксирует Кукушкина, изоцряясь в прыжках и подножках. Все толстовцы до поры до времени.

Батоха вернулся в [ПВД](#) в октябре 2000-го и сразу почувствовал себя там чужаком, как и все, кто, приехав в командировку, пробыл здесь всего день, кого отправили на шесть-восемь месяцев на [РОПы](#). Он не знал здесь никого. В один из вечеров разведчик Юра – 9/2, он был в моем взводе на [КМБ](#), снял с Батохи дешевые электронные часы. Такого унижения от младшего призыва Батоха, только что вернувшийся с Химоя, где был положняком и мог позволить себе почти все, не вынес. Он зашел ко мне в караул в сильном волнении. Я отыскал Юру и после долгих разговоров и понтов он вернул часы. Дело обошлось без кровопролития.

В палатке ботлихского караула. Фото на память с литехой-таджиком

Белуха

Нижнее белье – рубаша и подштанники.

В [Хабаровске](#) старшина себя выдачей белья никогда не утруждал. Это всегда делали [сержанты](#), а им, естественно, было наплевать на то, какой там у тебя размер. Бежишь иногда по лестнице вверх, в роту, а ноги не сгибаются, – подштанники тугие, – под коленями пережимает.

Берцы

Разумеется, ботинки гораздо удобнее [сапог](#). К тому же солдат в ботинках чувствует себя солдатом, а не деревенским чмошником – трактористом, что тоже немаловажно.

В [Ангарске](#) берцы носили только спецроты: [саперы](#), [разведка](#), [спецназ](#), что давало им, кроме прочего, ощущение превосходства над остальными (спецназ и разведка носили еще и зеленые береты, а не уродские бесформенные камуфляжные кепки).

В [Хабаровске](#) берцы носили только сержанты. Сержант в сапогах – запахло.

В [Иркутске](#) берцы носили все, кто хотел и мог себе позволить, и всем было насрать на твой «статус». Очень здоровое отношение.

Хочется также развить здесь немного тему противостояния «сапог» и «берц», которое сильнее всего проявлялось в [Ангарске](#), где спецы бдительно следили за тем, чтобы те, кому «не положено», не позволяли себе лишнего.

С одной стороны все просто: разведка, саперы и спецназ – положняки по определению, они держали полк. Но при этом саперы оставались на втором плане, а разведка и спецназ находились примерно на одном уровне, что укрепляло их взаимную неприязнь. Разные командиры и различия в назначении подразделений, методах их подготовки приводили к тому, что в разведку попадали парни хоть и крепкие, но спокойные, уравновешенные, применявшие для достижения своих целей чаще давление психическое, нежели кулаки. В спецназе служили люди совершенно безбашенные, тупые. Они никогда не думали, их «делали» не для этого (не один, кстати, солдат был переведен с группой N¹ из спецназа в другие подразделения по требованию медкомиссий), чуть что, они готовы были схватить за кадык или вцепиться пальцами в глаза. За что,

собственно, роту спецназа и не любили больше остальных.

Так вот, я говорю, они держали полк. Однако, как рассказывали офицеры, однажды мотострелкам надоела эта хуевая ситуация, и после очередного особо жестокого избиения спецами «сапога», положняками батальонов был разработан коварный план мщения. Участвовали два батальона, второй и третий. Действие разворачивалось на плацу во время общего построения полка на развод. Второй батальон на большой скорости устремился к только что вышедшей из казармы и едва начавшей строиться роте спецназа, в то время как третий обеспечивал тыл – напал со стороны курилки. Численное превосходство – примерно один к шести, тактика и внезапность атаки сделали свое дело: спецы были нещадно биты.

Историю я слышал от разных офицеров, что убеждает в ее достоверности. Рассказывалась она всегда в назидание: вот, мол, раньше-то мужики служили, а вы – лохи – не можете разведке пизды дать, прогнулись окончательно, традиций не знаете и не блюдете.

Бигус

Жареная квашеная капуста. Вместе с сечкой самое распространенное кушанье, подаваемое в армейской столовой (пару раз, правда, была курица, старая, как [Людмила Гурченко](#)). Ко второму месяцу службы я научился глотать его, не прожевывая.

¹ Ненормален.

Блокпост Ансалта-Ботлих Дагестан. Осень 2000-го

Дорога из [Ботлиха](#) на [Ансалту](#) пересекалась с дорогой, идущей от [Ослиного Уха](#) мимо нашего полка, а потому каждую ночь заступали туда от нас три бойца во главе с офицером. Рядом был КПП, где постоянно дежурили два сапера и круглосуточно стоял батальонный БТР. Приходя на блокпост, мы первым делом на фиг снимали тяжелую и ненужную броню. Далее болтали с Семеном – водителем БТРа, ходили курить к саперам, затем потихоньку начинали приставать к мирным ботлихцам, которым нужно было проехать мимо нас: «Здравствуйте, сержант Иванов, внутренние войска, предъявите, пожалуйста, ваши документы». Хотя, вру, слово «пожалуйста» мы не говорили никогда, мы старались быть строгими. Пялились в документы, в которых ничего не понимали, светили фонарем в лицо водителю, брали предложенные фрукты, желали удачи. Офицер в это время отсыпался в БТРе, заблаговременно предупредив нас о строжайшем палеве. К часу ночи подруливал «козлик» с ботлихскими ментами, вооруженными в лучшем случае свистком и дубинкой. Они, по инструкции, должны были досматривать транспорт, а мы могли их только прикрывать. Они приезжали, мы сбрасывались, и они снова уезжали в Ботлих и привозили «Оболонь» и «Очаковское». Проквасив с дагами часов до четырех, мы возвращались в полк. И все было чинно-благородно, пока командованию полка не взбрело под головные уборы назначить старшими на блокпост контрактников из разведки.

Беда разведчиков в командировке (и не только там) была в том, что они слишком серьезно ко всему относились. Они не могли расслабиться, им постоянно казалось, что кругом война, а это требовало от них немедленного применения всех полученных за время службы знаний. Они заступили, с ног до головы увешав себя ракетницами, рациями, гранатами, ножами, магазинами и еще овчарку с собой приперли. Они не понимали, что выглядят смешно здесь, и делали все, как их учили командиры – очень грамотно, правильно и совершенно не нужно. Первым делом заставили Семена врубить «луну» на БТРе, и ее мощный луч ослеплял едущих на нас водителей. Потом двоих, в том числе и меня, отправили наверх, на горку, в качестве «прикрытия» своих мужественных задниц. При этом была сказана фраза, выдававшая мальчика, пересмотревшего боевиков: «Свистну один раз – тревога, два – боевая готовность, три – отбой. Не курить, вести наблюдение».

Пребывая в сильном недоумении, мы забрались на горку, сняли броники, легли на них, закурили и стали «вести наблюдение». Ночь удалась. Такого концерта в командировке я еще не видел. Гордясь, видимо, возложенной на них важной задачей, разведчики совершенно утратили способность трезво оценивать ситуацию. Напялив на себя маски (!!!), они заняли «боевые» позиции. Они набрасывались с разных сторон на каждую подъезжающую машину, очевидно путая проверку с захватом, и вытаскивали из нее все, что там шевелилось. Один раз я даже услышал слова: «Руки на капот!» В свете «луны» носились

чудовища в масках, увешанные оружием, и пугали до усрачки мирных водителей. Лаяла собака. Мы лежали на броне, тихо улыбались и смотрели на звезды. Где-то на [Абдалзабазуле](#) орал мулла, неизбежно возвращая к одной и той же мысли: «Как же я, черт возьми, далеко забрался!» Снизу доносились ругательства. Раз один водитель крикнул: «Сколько здесь ездю, никогда такого безобразия не видел!» Спасибо тебе, чувак. Кажется, это называется «customer's voice». Ты Путину напиши. А потом, наконец, раздался троекратный свист (это конспирация после такого-то раздрая!), и мы спустились вниз и пошли вместе с довольными разведчиками домо... в полк.

Больше я заступать на блокпост желания не изъявлял, так как в войнушку в детстве отыграл, и

через несколько дней был назначен старшим на изготовлении **самана**. Разведчикам, как я слышал, все же удалось отличиться. Они задержали машину, в которой был бездокументный обрез и два пьяных мужика – тоже бездокументных, но оказавшихся впоследствии ботлихскими ополченцами, которых, конечно же, пришлось отпустить.

Дай, как говорится, дураку в руки стеклянный хуй, так он и хуй разобьет и руки порежет.

Бляха

Эта гнусь тускнеет буквально за несколько часов, и ее постоянно нужно было пидорить пастагем, которого всегда не хватало. Не хватало также и времени. Вопрос на **плацу** перед **разводом**: Почему бляха не начищена? Времени не хватает, товарищ старший лейтенант. Времени? Я тебе найду время. Оно находилось обычно ночью. Несколько раз, кстати, видел, как офицеры пинали бойцов по ногам прямо на разводе. Это не удивляло.

Я всегда завидовал тем, кому доставались бляхи, крашенные паскудной зеленой краской, но сам такой почему-то не обзавелся.

Несколько раз мы умудрялись открывать углом бляхи консервы – сгущенку, тушняк. Больше нечем было.

У дембеля изогнутая изначально бляха выпрямлялась ударом каблука, что символизировало «прямую дорогу к дому». Эх, все-таки романтично до крайности настроен российский военнослужащий!

А еще бляхой хорошо бить по пяткам, когда солдат «сушит крокодила», и по жопе – остаются прикольные синяки в виде звезд. Вся жопа в звездах – чума!

Боевики

Чечня. Химой. Июль 2000-го.

Я был в отдыхающей смене (я все важные события, происходившие в **Химое**, почему-то встречал в спящем состоянии), когда поступила команда «Кольцо!» Я взял свой пулемет, коробки с лентами и ломанулся на гору, на пост. И тут выяснилось, что подрыв вовсе не учебный. Две группы вооруженных людей общей численностью примерно 14 человек, короткими перебежками только что преодолели расстояние примерно в 30 метров от одной «зеленки» к другой на склоне горы, на которой наш **РОП** и находился. Это мне рассказал **Таран**, когда я, мокрый, рухнул, в окоп, где он уже возился со своим любимым **АГСом**. Вокруг прыгал красный от волнения **Батов**. Накануне, кстати, перед разводом на посты, была до нас доведена только что полученная по радиации информация о передвижении группы боевиков в триста человек в районе Цессии (это километра два от нас, за горой). Те, кого мы видели сегодня, предположительно разведка основной группы. Надо сказать, что вчера никто не воспринял это сообщение всерьез. Подобные вещи говорили на каждом построении: за той горой... по данным... до пятисот боевиков... за этой... Если бы мы все это серьезно воспринимали, то наверное передвигались бы только ползком и только в касках... И еще, оставив этот бравый тон, хочу сказать, что обоссались мы тогда порядком. Триста человек! **РОП** простреливается со всех сторон, особенно с той, где они очевидно сейчас находились. Особенно напрягся старшина Андрюха, еще срочником участвовавший в первой кампании. Он и так находился на постоянном нерве, особенно по ночам, а сейчас почуял настоящую жопу.

Таран начал молотить из **АГСа** по «зеленке». Через десять минут непрерывной стрельбы появился разводящий и сообщил, что доктор бежит в сторону **РОПа** со своего хутора, машет руками и что-то кричит громко по-чеченски, видимо, пытаясь нас предупредить.¹ **Батов** ушел с разводящим, а мы с **Тараном** начали готовиться к обороне и близкой смерти. Первым делом вкрутили все запалы в гранаты, которых у нас было аж два ящика, затем **Таран**, обложившись ракушками и ящиками с **ВОГами**, стал поднастраивать оптику **АГСа**, я, подтащив два ящика с патронами, устанавливал на них пулемет, наводя его то на «зеленку» на склоне горы, то в сторону докторского хутора.

¹ Доктор жил в стороне от деревни, и над его хутором всегда развевался белый флаг, который, очевидно, говорил о его нейтральной позиции в этой войне. Рассказывали местные, что в первую чеченскую лечил доктор, как и положено ему, без разбора и чеченов и русских.

Мордой своей наш мощный блиндаж оказался теперь уперт в пустоту. Противник был с тыла. Все эти дела вызвали довольно оживленное обсуждение нашей дальнейшей участи. Настроены мы были весьма пессимистично и еще только не попрощались друг с другом, хотя стоять, конечно, намеревались «до-конца-самого-что-ни-на-есть». Среди прочего Таран сказал: «Давай, Иваныч, сразу договоримся, кто у нас будет командиром». Это показалось мне нервной глупостью (на посту два человека!), и я попытался слабо возразить: «Нас же двое всего! Если один будет командиром, то кем будет второй? И кем командовать?», но Таран настаивал, дав понять, что лучшей кандидатуры в командиры нашего славного боевого отряда, чем он сам, не найти, и я сдался: «Хорошо, когда тебя убьют, я буду вместо тебя».

На нас не напали. Боевики провели ночь на хуторе у доктора. Горели огни, мелькали фигуры. **Батов** отправил на посты все смены, то есть по четыре человека на каждый. Таким образом, вооружение нашего поста состояло из АГС, гранатомета ручного, двух АК, одного ручного пулемета и моего ПКМС, плюс гранаты и мины направленного действия, про которые никто уже не помнил, где они установлены. Всю ночь мы дежурили вчетвером, отбиваясь по очереди на два часа. Спали на дне окопа.

Утром боевики ушли в сторону дагестанской границы. По информации, полученной с соседнего РОПа в Кинхи, они пришли к нам после боя с пограничниками. Им было не до нас.

Боевые

Многие ли поехали в **командировку** из-за денег, не знаю, такие вопросы было не принято задавать. О причинах, по которым там оказался я см. **Курилин**. Но деньги меня тоже интересовали, раз уж так получилось. Напомню суть: каждому из нас обещали по возвращении домой 810 рублей за каждые сутки, проведенные в командировке, плюс контрактникам около 2 тысяч на руки ежемесячно. И надо сказать, что это обещание строго выполнялось вплоть до осени 2000-го, когда пошли разговоры о том, что «боевые» отменяют. Я попал только под их сокращение.

После дембеля я послал различным военным чинам пять писем с уведомлением, приложив копии справки, УПК, военного билета. Когда пошли ответы, я пытался даже проследить, как они меня между собой отфутболивают. Даже схему пытался сосоставить, но запутался в бесконечных черточках и стрелочках.

Все приведенные объяснения были бы вполне приемлемы, если бы перед отправкой в Ангарск из Махачкалы наш финансист не объяснил нам, что денег от Минобороны на последние два месяца пришло мало, и скорее всего полностью выдадут офицерам, солдатам же раскидают оставшееся. Так оно, видимо, и получилось.

Ботлих

По сути, большая деревня. Мало каменных домов, в основном деревянные, недавно построили завод по производству **самана**, теперь лепят из него. Есть хлебозавод и завод бытовой электротехники, качество которой уступает даже китайской.

Ничего особенного в этом городе нет, забавляло только большое количество плакатов, развешанных по всем улицам, содержание надписей которых (на аварском и тут же -перевод на русский) было примерно следующим: «Солнце, воздух и вода – наши лучшие друзья!» Что-то там еще про уважение к родителям и старшим. Наряду с этими встречались и плакаты советских еще времен, типа «Слава КПСС!» или «Партия – наш рулевой!»

В большинстве случаев, когда я здесь говорю «Ботлих», то имею в виду, конечно, не сам город, а его предместье – район **Ослиного Уха** – там стоял наш полк. Просто для удобства.

Иванову Е.В.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГАРНИЗОН
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА

ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА
ГАРНИЗОНА

23. 08. 01

1953

05402

Уважаемый Егор Валерьевич!

Военной прокуратурой Иркутского гарнизона проведена дополнительная прокурорская проверка по Вашему обращению о невыплате дополнительного денежного вознаграждения (боевых денег) за участие в боевых действиях в войсковой части 3695.

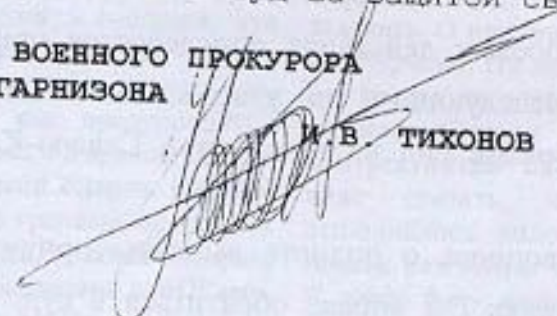
Проверкой установлено, что Вы выполняли служебно-боевую задачу на северном Кавказе в течение 191 дня, о чем свидетельствует справка, выданная командиром войсковой части 3695.

Однако, главным и единственным основанием для выплат боевых денег служат приказы, утвержденные командующим группировкой войск «Высокогорная», которые дислоцируются в Республике Дагестан, и в составе которой Вы проходили военную службу. Именно в этих приказах указывается срок, в течение которого военнотружущий принимал реальное участие в боевых действиях.

Согласно приказов за сентябрь и октябрь 2000 года Вы реально принимали участие в боевых действиях в течение 9 и 10 дней, за указанное время Вам и были выплачены боевые деньги. Данные приказы издаются непосредственно в п. Вотлих Республики Дагестан командиром войскового резерва, над которым осуществляет надзор военная прокуратура СКВО.

Если Вы не согласны с указанными сроками и денежными выплатами, Вы имеете право обратиться в суд за защитой своих интересов.

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ИРКУТСКОГО ГАРНИЗОНА**

И.В. ТИХОНОВ

**МИНИСТЕРСТВО
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

████████████████████
████████████████████

Е.В.Иванову

Главное командование
внутренних войск

111250, Москва, Красноказарменная, д.9

31, 07.2001 г. № 4/24-И-2812

На № _____ от _____

Ваше обращение по вопросу полноты выплаты причитающихся сумм за участие в боевых действиях в Северо-Кавказском регионе рассмотрено в Главном командовании внутренних войск МВД России.

В соответствии с постановлениями Правительства РФ от 20 августа 1999 г. № 930-54 и от 28 октября 1999 г. № 1197-68 период участия каждого военнослужащего в боевых действиях определяется приказами командиров воинских частей с последующим их утверждением командующим Временной оперативной группировкой сил на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации.

Для решения вопроса о полноте выплаты причитающихся сумм за участие в боевых действиях Вы вправе обратиться в суд.

Заместитель начальника финансового
управления ГКВВ МВД России

В.Н. Савкин

Братская могила

Страшная штука. Одно из самых наипоганейших и мерзостных армейских издевательств. Выглядит это так. Рота (взвод) становится в шеренгу. Подается команда: «Все люди братья!». Солдаты обнимают друг друга за плечи и начинают приседать. Все вместе, одновременно. Крайний вслух ведет счет до ста. Когда сделано сто приседаний, начинает считать следующий и т.д. Соответственно, если в шеренге двадцать человек, то каждый из них присядет 2000 раз «за сеанс». Если идет «волна», то есть один не успевает присесть или встает с опозданием, сержант начинает счет снова. А за первую сотню приседаний волна обязательно появится. Ноги-то у всех разные. Высокую скорость счета задает сержант, руки у соседей на плечах, те, кто стоит по краям, закладывают свободные руки за голову, разносится сильный запах газов... Чаше всего качали сразу после обеда или ужина в спортуголке. Ноги болели невыносимо.

«Братская могила» часто применялась в [Хабаровске](#). Вообще способность управлять человеком с помощью психологического и физического давления была доведена в этой треклятой части до высочайшего уровня. Уж не знаю, осознавали ли это наши сержанты. Скорее всего, они действовали интуитивно и основываясь на собственном печальном опыте. Взять хотя бы ту же [зарядку](#). Отжимания выполнялись под счет. Никогда не думал до этого, что, дойдя до трех десятков, могу оказаться полностью физически истощен. Дело в том, что перед окончанием каждого десятка человек психологически настроен на конец этого издеательства. Не в середине, не в начале его, а именно на счете 8... 9... И тут наступает крутой облом. Выглядело это так: ...13 ...14 ...15 ...16 ...17 ...18 (ну, два раза осталось) ...18...18

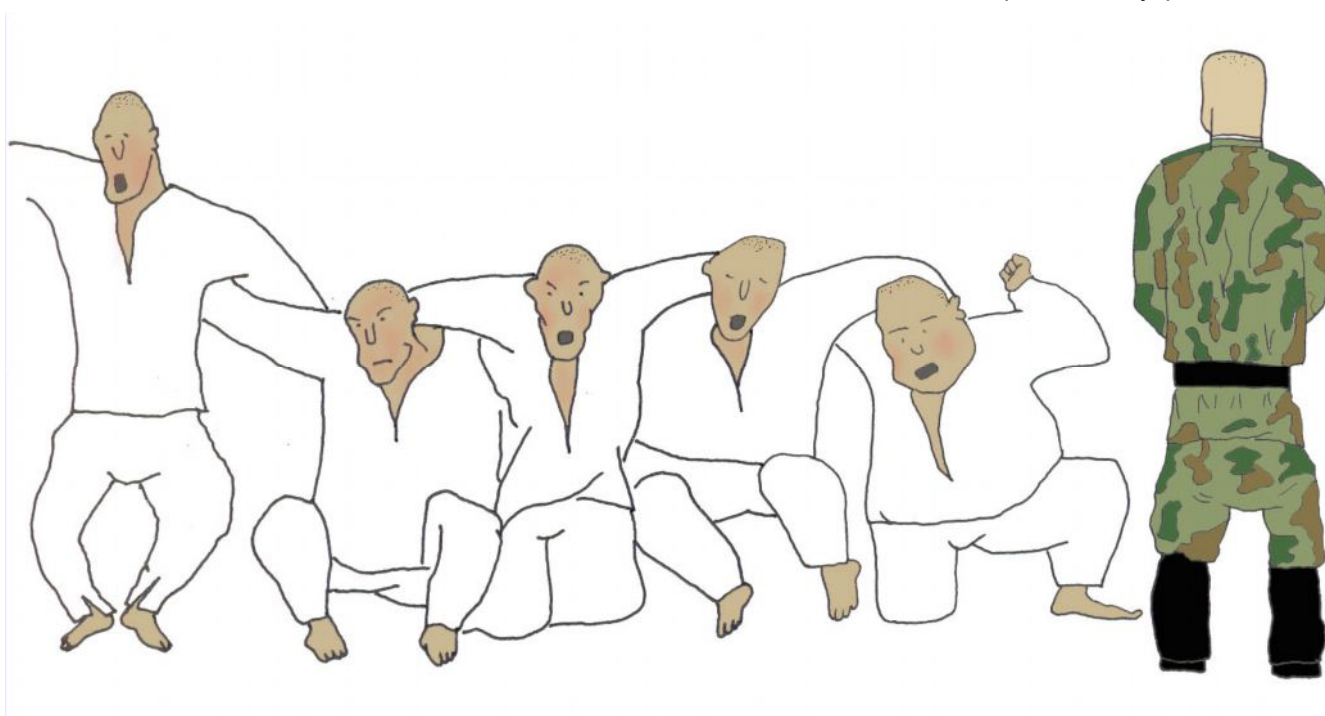
...18 «вас дробит курсант Залупкин» ... 18 ...18 «курсант Залупкин по-прежнему дробит вас»...18 ...18 ...17 ...16 ...15 ...15 ...14 ...15 ...16 и так, пока сержанту не надоест. Курсант Залупкин находился всегда. Опускается не до конца, корпус тела прямо держать не хочет, что угодно, «хули задницу задрал?» Те, кто подвергался подобному издевательству, испытывали сильный моральный стресс. За двадцать минут человека, отданного тебе в полное распоряжение, умеючи, можно отжать по полной. Поскольку препираться с сержантами было чревато, все эмоции обрушивались на голову несчастного «Залупкина», который и виноват-то был только в том, что в двнный момент оказался чуть слабее остальных (см. [Петриченко](#)).

Бумажный дед

То есть ненастоящий. После «вышки», призванный на год и уже после шести месяцев службы становящийся дедом. Таким был я. За всю армию я видел только одного такого же. Городских вообще было мало, а уж идиотов, добровольно подавшихся в войска после университета, тем более.

Бутер

Из-за однообразия армейской пищи каждый начинает рано или поздно проделывать с ней самые невероятные вещи. Я, например, редко когда на «гражданке» пользовался специями, а в солдатской столовой на каждом столе кроме солонки стояли постоянно горчица и перец, и вскоре я, вслед за остальными, начал употреблять их в таком количестве, что сейчас и вспомнить страшно. В Хабаровске особой популярностью пользовался «сержантский бутер». Из двух коряков тщательно выщипывается мякоть-середина, внутрь забиваются

три-четыре колеса масла, отобранные у **чекистов**, коряки кладутся один на другой, ракушкой, и употребляются в таком виде. Солдатский гамбургер, блин.

В хабаровской учебке

Быт

Каждый день мытье полов, чистка овощей, стирка, уборка территории и казармы (палатки), кухонный, суточный и прочие наряды, чистка сапог, латание дырок, натирание бесконечное **бляхи** и тому подобное. Все это заменяет занятия по рукопашному бою, метание ножей, стрельбу по-македонски, атлетические упражнения и прочую романтику. Короче, скука.

Бэтэры

Так называли вшей, бороться с которыми приходилось в течение всей **командировки**. Иногда нашествие этих тварей охватывало роту целиком. Тогда приходила санчасть, мы все дружно раздевались догола и мазались какой-то белой дрянью. Помогало, но не надолго. Рано или поздно кто-нибудь снова начинал чесаться и, глядя на него, ты вдруг понимал, что и сам чешешься.

ВВ

Три основных задачи были возложены на Внутренние Войска: «конвоирование осужденных и лиц, заключенных под стражу» (недавно эта задача

снята с ВВ и возложена на МинЮст), обеспечение правопорядка (ментбаты – такой есть у нас во Владивостоке) и предоставление подготовленных бойцов для всевозможных «горячих точек». В/ч 3695, куда был призван я, выполняла третью задачу (см. **Ангарский ОПОН**).

Верись, нет?

Почему-то одно из самых популярных и ходовых выражений у срочников. Каждый от времени желает узнать, верись ты ему или нет. Применяется, в основном, во время словесного прессования, морального опущения и всевозможных разборок в качестве окончательного удара по столу.

Вертушки

На **РОПах** их ждали как манны небесной. Сначала заканчивалась сгущенка. Потом сигареты, которые при отсутствии денег взять в горах было просто неоткуда. В магазине химойском в кредит не отпускали. От натурального обмена местные отказывались после случая с бушлатом, который был обменян на блок «Петра», а на следующий день пришел офицер, сказал магическую фразу: «Военное имущество», потом еще: «Ничего не знаю» и унес бушлат обратно. Потом становилось просто нечего жрать. Сечка и мокрые плесневелые сухари не могли считаться едой в соседстве с магазином, набитом лавашами, бутылками со свежим молоком и сникерсами. Вертолет кроме **балабаса** привозил деньги. Без забот до очередной вертушки доживали только положняки 8/1, которые в день прибытия вертолета и раздачи **зарплаты** снимали бабки с трех-четырёх лохов – **контрактников**, обеспечивая себе таким образом безбедное существование минимум на месяц. Учитывая эти «бонусы», их химойская «зарплата» могла считаться вполне приличной даже на «гражданке». Обычно прилетали два вертолета. Десантный, набитый жратвой и боеприпасами, садился на площадку, не глуша двигатель, а мы, выстроившись в цепочку, принимали коробки и мешки; боевой – «крокодил» – кружил над ним в качестве охраны.

В **Ботлихе** наблюдалась та же ситуация. Аэродром находился рядом, и в конце месяца мы каждый раз начинали суетиться при шуме винтов и долгими взглядами провожали вертушку, надеясь, что это вернулись из Буйнакса наши финансисты, и что сейчас подорвут водителя УРАЛа забирать их в полк.

Вода

Была дороже золота на **КМБ** в **Ангарске**. На целый день нас выгоняли на плац. Вся жизнь проведя в Приморье, я теперь познавал прелести сухого

климата. Лето в Сибири достаточно жаркое, плюс новая плотная форма, плюс усиленная строевая подготовка. Помню эпизод во время одного из перерывов, когда мимо проходил какой-то солдат, и, увидев фляжку у него на ремне, я спросил воды. Он дал, и тут же на меня накинулось с десяток таких же жаждущих. Имела место совершенно безобразная сцена: мы вырывали фляжку друг у друга, совершенно утратив в тот момент какое-либо достоинство и, надо полагать, человеческий облик. Вообще, было много таких моментов. Часто, например, приходилось выбирать между тем, что ты привык считать позорным и недостойным и возможностью просто нормально поест, поспать или поспать.

Водка

Так повспоминал и точно могу сказать: в армии ни капли не употребил. Хотя возможности были. Но это всегда было связано с серьезным палевом и вероятностью весьма жестких последствий. Полагаю, что употребление алкоголя совместимо с отдыхом, какой-то релаксацией, а если пьешь из-под полы, тайком, оглядываясь по сторонам, постоянно думая о том, спалят или нет, и что будет, если спалили, и что нужно теперь сделать, чтобы не спалили, то это уже не приносит никакого удовольствия. Многие считали просто долгом своим нафляниться при любой возможности - без вариантов.

Водозабор

Насосная станция в [Ботлихе](#), откуда вся группировка брала воду, а потому, чтобы не отравили нас коварные вайнахи, ее охранял БТР из нашего полка и караул из пяти человек. Попасть на водозабор

было мечтой если не каждого, то многих. Это означало спокойную вольготную жизнь, к тому же открытый доступ к воде, которой и в полку, и на [РОПах](#) всегда не хватало. Я несколько раз пытался попать туда, но не удалось. Бывал там только по ночам в составе проверки караула. (см. [Жена-чеченка](#))

Вождение

"Провинившегося" ведут в спортзал, усаживают на скамью так, чтобы спина была прямой, и в этом положении заставляют на вытянутых вперед руках держать диск от штанги (10 кг. - как раз размером с руль), пока не будет дан отбой. Естественно, через минуту руки у [чекиста](#) начинают дрожать, он корчит рожи, покрывается потом, а так как левая рука слабее правой, то "руль" под своей тяжестью склоняется влево. Стараясь удерживать равновесие, чекист изо всех сил возвращает диск в первоначальное положение, потом все повторяется сначала. Таким образом создается впечатление, что он как бы "рулит" и чем дальше, тем интенсивнее. Потеха продолжается обычно до и немного после полного изнеможения наказуемого.

Война

На войну мы опоздали, так что тем, кто мечтал вернуться домой «без башни» и впоследствии рвать на себе рубаху, и хвататься за голову, и мучиться от «синдрома», вызывая тем самым жалость и уважение окружающих, ждало сильное разочарование. Та же скука, тот же утренний [развод](#), [зарядка](#), построения через каждые полчаса, чистка обуви, [труска одеял](#), и т.д. – ни тебе подвига, ни тебе некроромантики. А к диким кавказским красотам привыкаешь за неделю, особенно, если

возможность передвижения ограничена территорией полка.

Пулеметы томились в тревожном, но бесполезном ожидании, стволы плавились на солнце, боеприпасы лежали мертвым грузом. Мужчины жаждали битвы и подвигов, но **РАЗБОРКА** прошла стороной. Остался БЫТ: чистка оружия, стирка, учения, караул и т.д.

В Дагестане война закончилась в конце августа 99-го, полк наш ввели в сентябре, а я приехал туда в мае 2000-го. Естественно, первые вопросы, которые мы задавали тем, кто уже несколько месяцев провел там, были: «Ну, че, как тут? Стреляют?» Они не хотели нас разочаровывать, я их прекрасно понимаю, к тому же, рассказав все, как есть, они бы и сами сильно померкли в наших глазах, утратив моментально ореол святого мученичества, активно пропагандируемый через телевизор с самого начала первой чеченской войны. Они отвечали уклончиво. Чувствуя себя много повидавшими и пережившими по сравнению с нами, только что приехавшими из полка и не знавшими даже, где здесь находится туалет, не говоря уже о том, чтобы знать, где **Ансалта** или Бути, они говорили: «Так... знаешь... иногда...». Но через несколько дней все становилось ясно, и каждый опять принимался за то, что оставил в Ангарске, Иркутске или Чите, за то, что является основным занятием российского солдата на протяжении всей его службы: за поиск теплого «загасного» местечка, где можно было бы спокойно, без лишних эксцессов, ожидать своего неизбежного дембеля. Мы расспрашивали «старожилов», где лучше, где как кормят, где какие офицеры, где как с водой и куревом. Собрав сумму впечатлений от рассказов самых разных лиц, каждый делал выбор - свой в той степени, насколько ему вообще позволяла делать это армия.

Время

Любопытные вещи происходили со временем. Особенно на **чекланке**. С одной стороны казалось, что кто-то там, наверху, нажал кнопку «speed» и забыл об этом. Дни просто проносились один за другим в бессмысленной беготне. С другой, я не мог дождаться, когда же закончится это безумие, эта дикость. Будто кто-то проверял мои нервы и способность трезво мыслить на крепость. Когда сержанты рассказывали о своей чекланке, меня всегда удивляла одна особенность: они говорили так, будто были древними стариками, а все описываемое происходило не год назад, а где-то на заре их молодости. Но закончилась моя чекланка, я получил возможность расслабиться, перевести дух и понял, и прочувствовал этот момент. Теперь время для меня застопорилось, дни тянулись медленно, и странно было вспоминать, что когда-то ты был зверски голоден и позволял себе стоять в упоре лежа перед сержантом на мокром грязном полу. Странно было, что вот этот младший сержант, который сейчас командует людьми, качает чекистов, шкрябал лезвием очки в сортире, и казалось, что все это было

давным-давно, и тех хабаровских пидоров-сержантов уже нет в живых, а учебный полк растворился в тумане или смешан с землей.

Окончательно «выровнялось» для меня время и даже приобрело некоторые «гражданские» ритмы в **командировке**, где я уже был и дед и дембель.

Вспышка слева!

«Вспышка слева!», «Вспышка справа!» – команды популярные и взятые из учебников по начальной военной подготовке. По этой команде **чекист** должен был незамедлительно падать на пол ногами в сторону «вспышки». В командировке эти команды были заменены на «Щелчок слева - щелчок справа». Имелась в виду сработавшая растяжка.

Второй пост

Чечня. Химой. Лето 2000-го.

Когда мы прилетели в **Химой**, и нас построили наверху, на вертолетной площадке, я, помню, оглядывая окрестности, подумал: «Как тут красиво! Совсем на Дагестан не похоже». В тот же день я заступил на десятый пост, который находился внизу, на спуске к реке, возле туалета. В течение недели я каждое утро наблюдал, как смена из пятнадцати человек, проснувшись, идет к туалету, как бойцы достают пятнадцать концов – кто-нибудь обязательно подавал команду: «Передернуть затвор!» – и исторгают пятнадцать желтых зловонных струй (ждать, пока освободится кабинка, никто, разумеется, не желал, да туда и не заходили, все оправлялись рядом – прямо на улице в трех

метрах от моего поста). Не самое приятное зрелище. Запахи тоже не радовали. Повезло **Тарану**, который сразу попал на второй пост, правда, в другую, но тоже лучшую, смену. Именно и только оттуда можно было любоваться теми красотами, которые поразили меня в первый день. Пост был самым отдаленным и стоял намного выше всех остальных. Виден был почти весь Химой, Шаро-Аргун, мусульманское кладбище, очень живописный обрыв, на котором стояли какие-то древние развалины, на горизонте белели горы... Короче, Лермонтов и все такое. Словами не опишешь, это видеть надо. К тому же далеко от офицерских кондеек - можно было сбросить броню и заниматься, чем угодно: читать, писать письмо, курить или просто валяться. А приближающегося с проверкой **шакала** или **разводящего** было видно издали, и ты, приняв подобающую часовому позу, мог встретить его, как положено, суровым «Стой! Кто идет?» Стоять на таком посту было одно удовольствие. И стоять я хотел именно там и, конечно, в одной смене с Тараном. Когда через несколько дней увезли дембелей 8/1, график несения службы изменили, и я, воспользовавшись моментом, попросил перевести меня на второй пост. **Батов** разрешил, и теперь мы могли общаться с Тараном, хотя бы чуть-чуть, при смене постов. А то он на посту – я сплю, он спит – я бодрствую, он бодрствует – я на посту. Еще через неделю отправили по болезни в полк пулеметчика. Я давно хотел изучить **ПКМС**, а потому вызвался взять пулемет. Кроме того, рассудил, что ставить двух пулеметчиков на один пост и в одну смену глупо (а у

моего напарника был РПК), и сказал об этом лейтенанту. Тот согласился, график переписали, и я, только что вернувшись с поста, забыл от радости даже поужинать и снова рванул на пост, но уже на второй. Таран, конечно, обрадовался, но единственным мрачным моментом для него было то, что до этого его напарником был **чекист** 9/2 по фамилии Кукушкин – лох полнейший, которому Таран к тому же приходился уже «прадедушкой», так как сам был 8/1 и, следовательно, мог преспокойно спать, пока Кукушка держал нелегкое двойное палево: с одной стороны не дать чеченам отрезать ему уши, с другой – вовремя разглядеть проверку и успеть разбудить Тарана.

Второй пост стал для нас местом настоящего знакомства и, не побоюсь этого пафоса, символом дружбы. Не одну ночь провели мы в долгих беседах. Но чем больше мы общались, тем фамильярнее становилось это общение. Так всегда. Постепенно дошло до ссор. Я всегда считал себя талантливым в том, что касалось доведения знакомого мне человека до состояния белого каления и мозговой истерики, но тут встретил равного. Бывало, все два часа мы проводили в оскорблениях и ругани, и не могли успокоиться даже после прихода разводящего. Продолжая орать и поносить друг друга, мы спускались на **РОП**. Это были бесплатные концерты для всей смены. Помимо уже описанного в главе **АГС-17** эпизода, хочется вспомнить еще один. Во время очередной перепалки Таран, находясь в крайне раздраженном состоянии от того, что я в ту ночь был явно в ударе, сказал: «Иваныч, не зли

С Тараном на посту в Ботлихе

меня. В ярости я становлюсь совершенно неуправляемым, сам не знаю, что могу сделать». Чувствуя перевес на своей стороне, я поспешил высмеять эти слова и потребовал их немедленного подтверждения действием. Как и было задумано, это еще больше разозлило Тарана. Если бы человек мог лопнуть от злости, то Таран бы в этот момент рванул не хуже килограмма тротила. Наконец он взял себя в руки и, тяжело дыша, но, стараясь и не показывать виду, что нервничает, сказал: «Хорошо. Хочешь, я сейчас выброшу телефон в реку?» Он показал на [ташку](#). Это еще сильнее развеселило меня, и я ответил, что да, очень, с интересом погляжу. «Нет, Иваныч, ты точно этого хочешь? Я ведь это сделаю, мне насрать». Конечно-конечно, - я пересел поближе, являя собой само внимание. Я был уверен, что он этого не сделает. Таран взял телефон, отстегнул провода и вылез на край окопа. И внимательно посмотрел на меня, уверенный, видимо, что я сейчас брошусь останавливать его. Полагая по-прежнему, что он блефует, я спокойно попросил его продолжать. Несильно размахнувшись, он бросил аппарат вниз. Но это было не то, чего я ожидал. Я надеялся, что он уж

сон на посту, курение, самовольный уход с поста, но как объяснить такое? Он ничего не ответил. Посидев немного, мы почти без слов договорились, что ташку надо вытаскивать. Вооружившись зажигалкой и спичками, в кромешной темноте начали сползать по обрыву вниз, придерживая друг друга за рукава бушлатов. Два идиота! Внизу бурлила Шаро-Аргун. Раза два я чуть не сорвался. Изважюкались в земле, исцарапались до крови о траву и камни, но ташку не нашли. В конце концов, придумали нелепую историю о том, как «телефон стоял на краю окопа, а Таран задел его локтем, он вниз и улетел», но так и не смогли придумать объяснения тому, как могли отцепиться «сами» провода, которые, надо заметить, внутри телефона, представляющего собой нечто вроде чемоданчика, крепятся на два болта. В итоге наплевали на все, никому ничего не сказали и после смены, уставшие и злые, завалились спать. Через час пришли разводящие, пинками разбудили Тарана и спросили: где телефон? Кому ты, сука, там обещал его выкинуть? Полусонный Таран несколько сбивчиво, но толково пересказал придуманную нами хуемень, за что сразу получил ногой по роже. Оказалось, что соседи наши, на [КНП](#), слышавшие

действительно швырнет его под откос, в реку, либо вовсе съедет с этой темы. Но он, хитрый, выбросил ташку так, чтобы ее очевидно можно было достать. Он слез в окоп и победоносно посмотрел на меня. «Ну, и что теперь? Ты представляешь, придурок, что нам за это будет?! Как мы это объясним?» Действительно, можно объяснить все что угодно –

все наши вопли истошные, сдали Тарана с легкой душой, когда пришел с поста разводящий и сказал, что второй не докладывает, так как нет телефона, и не было, когда пришли на пост. Я оценил в этой истории молчаливое уважение, проявленное по отношению ко мне (см. [Химой](#)). Мое имя даже не упомянули, хотя все знали, что стоял с Тараном я, и

Гасиво

кому, собственно, он мог обещать выкинуть телефон, как не мне? Короче говоря, пришлось Тарану снова, рискуя жизнью, и теперь уже одному, без чьей либо помощи, ползать по склону с зажигалкой. И он ташку нашел. На этом все тогда закончилось. О том, что каждую ночь мы реально рискуем жизнью из-за того, что пост недостаточно укреплен, первым заговорил Таран. Обсудив все детали, мы пришли к **Батову** и изложили ему свой план переоборудования нашей ямы в высокого класса блиндаж. Батов дал добро.

Для начала мы расширили яму, чтобы было две позиции: под АГС для стрельбы во всех направлениях и одна – для пулемета. Потом мы углубили ее, чтобы стены из камней были минимальной высоты, а естественной защитой служила толща земли, и чтобы можно было стоять внутри во весь рост. Это заняло порядочно времени по причине крайней засоренности чеченской земли камнями всеразличных размеров и разной степени прочности (см. **Окопы**). Затем был самый сложный момент. Предстояло тащить снизу, от реки, наверх, а потом через всю вертолетную площадку огромные валуны для стен. Мне дали в помощь трех человек, но я и сам впахивал в поте лица. В итоге гордостью моей стала, конечно, пулеметная позиция, основу которой составляли три больших камня. На доставку каждого у нас ушло не меньше часа. Два из них были кругло-квадратными, здоровенная плоская плита легла сверху, образовав, таким образом, шикарную амбразуру. Мы уже начали обкладывать все это камнями поменьше, когда пришел Батов и сказал, что плита эта, которую я нарыл возле кухары, и которую мы втроем с таким трудом заперли наверх, предназначена для памятника погибшим в Химое пограничникам, и чтобы ее не трогали, а вернули на место. Сука!!! Какой на хуй памятник!!! Пусть мертвые хоронят своих мертвецов! Кстати, никакого памятника, естественно, так там и не сделали. Другую, почти такую же, я сумел найти только внизу, у реки. Мы тащили ее два с половиной часа! Но зато теперь у нас был лучший пост на РОПе, настоящий крепкий просторный блиндаж, взять который не сможет не только пуля. Для крыши напиздили в деревне стальных балок, уложили их на стены, сверху накрыли листовым железом и оргалитом, потом – плоским камнем. Все это сооружение засыпали землей и накрыли дерном. Таран выпросил у Батова маскировочную сетку, которая гнила на складе, и завесил амбразуры. В итоге увеличился и сектор обстрела, что было немаловажно. Надеюсь, пост цел и по сей день. Нелепое чувство гордости переполняет меня, когда вспоминаю, чего мы там сотворили.

Дома, лежа на диване у телевизора, жуя жвачку и куря сигареты с фильтром, можно, конечно, помечтать о жизни, полной лишений и тягот. О ползании по грязи в камуфляже и с автоматом, о долгих переходах, о маскировке в лесу и пр.хр. Это может казаться романтичным, но когда это становится повседневным, мечтаешь только о том, чтобы найти теплое место, укрыться там и, пребывая в сухости и сытости, ожидать своего дембеля. Подобными поисками и занят солдат на протяжении двух лет. Кто-то гасится на свинарнике, кто-то писарем, кто-то хлеборезом, каптерщиком, водителем и т.п... Я весь срок стремился к этому, но получилось только под самый дембель (см. **ПНК**) и то не в полной мере.

Горные бараны

Скачут, сволочи, по практически отвесным скалам, неизвестно за что цепляясь и от чего отталкиваясь. А на вкус мне не понравились, дерьмо какое-то.

Горы

Впечатления, конечно, сильные. Настоящий катарсис испытал я однажды на **разведзасаде**, сидя на горе, высота которой больше двух тысяч метров над уровнем моря. Было утро. Под ногами клубились облака. Огромное белое море пушистых хлопьев тепло прямо передо мной. Местами проглядывали верхушки гор, которые будили смутные воспоминания о каких-то красивых недоученных стихах из школьной программы...

Часто на разведзасаде появлялись орлы. Мы всегда радостно приветствовали их автоматными очередями. Но не попали ни разу.

Грады

Установки залпового огня. Три «Града» стояли перед аэродромом, недалеко от нашего ПВД в [Ботлихе](#). Когда они стреляли, палатки трясло, и стоял такой грохот и вой, и гром, что было похоже на конец света. Весь полк выходил наружу полюбоваться, и все смотрели, как светящиеся ракеты, вспарывая ночное небо, несутся через [Абдалзабазуль](#) в Чечню.

Гранатомет

Кроме [АГС](#) на вооружении была у нас шайтан-труба – РПГ. Ручной противотанковый гранатомет. В запасе есть два эпизода на тему.

В [Химой](#) однажды прилетела комиссия из двух офицеров. Естественно, к вечеру все четверо (включая двоих наших) были пьяны и решили устроить «тактические учения». По команде «Кольцо!» (см. [Лейтенант Батов](#)) мы носились по [РОПу](#), падали в окопы и палили во все стороны. Больше всех намаялся Кукушка (см. [Второй пост](#)). Долговязый капитан, из приезжих, лично занялся им. Он сопровождал его от самых кондеек наверх до вертолетной площадки и второго поста. Через каждые пять шагов он кричал: «Лечь! Встать! Нохчи справа!» И Кукушка стрелял из гранатомета вправо. Потом опять: «Ложись! Вон они, нохчи! Заряжай!» Кукушка заряжал и снова палил. Выстрел из РПГ производит очень много шума и оказывает сильное давление на уши стреляющего, если тот, конечно, не заткнул их чем-нибудь предварительно. Кукушка, естественно, ни к чему подобному подготовиться не успел. По пути на пост он произвел порядка десяти выстрелов и свалился к нам в окоп совершенно оглохшим и обалдевшим. Тут же подбежал взъерошенный капитан с большими глазами и снова заорал: «Солдат! К бою!» Кукушкин вставил новый выстрел и направил гранатомет на склон горы, а сопло его, соответственно, оказалось почти упертым в стену окопа. При выстреле из РПГ отдача не сильная, но при условии, что пороховым газам есть, куда выйти... «Огонь!» – заорал сверху безумный капитан. «Стой!» – крикнули мы с [Тараном](#) и ломанулись в блиндаж. Раздался выстрел, и газы,

разрушив стену окопа и подняв огромное облако пыли, выбросили, вверх ногами, дурака Кукушкина из окопа. На голову ему уебался РПГ, звонко лязгнув о каску.

Второй эпизод вспомню исключительно из злорадства. Дело было под Ботлихом, на стрельбище. Стреляли в тот день из КПВТ (с бэтэров) под руководством [Яремы](#). Отстреляв свое положенное, мы сидели на броне и наблюдали, как стреляют гранатометчики. Мишенью был ржавый капот, валявшийся на склоне. Выстрелы ложились рядом, но в сам капот никто очень долго попасть не мог. Наконец [Кондрат](#), бывший, как мы знали, все пять лет училища гранатометчиком, уверенно и громко заявил, что стрелять надо с оптикой, и стал подниматься на горку, откуда велась стрельба. Он взял РПГ и стал томительно долго целиться. Ярема, сидевший за моей спиной, вдруг произнес отчетливо, так, чтобы его слышали все солдаты: «Оптика - это хуйня! Не попадет!» И в ту же секунду выстрел врезался в самый центр – красиво, в яблочко! – и капот подбросило на добрый десяток метров. С горки сбегал радостный лейтенант, а тут так и подмывало повернуться и посмотреть в лицо Яреме...

Граница

между Дагестаном и Чечней представляет собой горный хребет, высота которого около 2000 м. над уровнем моря. Из нашего полка там находились [РОП №5](#) (см. [Перевал](#)) и [разведзасада](#) (см. [Абдалзабазуль](#)).

ГСН

Полковая Группа Специального Назначения. См. [Спецназ](#), [Берцы](#), [Байки](#).

Гэдэбери

Небольшое селение Ботлихского района, расположенное на высоте около 2000 метров над уровнем моря. Из нашего полка на УРАЛе туда подыматься часа полтора.

Осенью 2000-го мы заступали на блокпост Ансалта – Ботлих вместе с дагестанскими ментами. Среди них были двое, которые в числе пяти человек смогли удержать Гэдэбери (это по их рассказам) в августе, когда шла война, и не пустить чеченов в село. В отличие от тех же ансалтинцев. Менты этим очень гордились, хотя надо сказать, что в Ансалту вошли неожиданно, а в Гэдэбери хоть окопы успели вырыть. Интересного рассказывали много, но определить, что правда, а что пиздеж, уже невозможно.

В Гэдэбери я был вместе с саперами раза три на заготовке дров. Сразу скажу про капитана роты саперов. Усатый мудака, прекрасно зная, что никаких боевиков в Дагестане давно уже нет, и скорее всего не будет, экипировался словно СОБРовец какой на задание: калаш с подствольником, рация, гранаты – ручные и для подствольника, сигнальные ракеты, полная разгрузка магазинов, на голени нож в кожаном чехле, черные очки. Понты дешевые. А ехал-то он старшим для того, чтобы в Гэдэбери набрать воды в РДВшку (резервуар для воды – большой резиновый бурдюк, по армейскому обыкновению, всегда дырявый) и, пока солдатики деревья валят,

спокойно постирать свое исподнее, что в полку даже офицеру было сделать проблематично из-за постоянной нехватки привозной воды и непрекращающегося дровеца со стороны начальства. А потому ко всем вышеперечисленным видам оружия и средствам связи, и боеприпасам не забывал усатый мудака прихватить розовый пластмассовый тазик. Потеха да и только. «Рэйнджер хуев», - говорили про него саперы.

Мы проезжали Гэдэбери, где набирали воду, - обычное дагестанское селение с узким улочками, домиками, построенными один на другом, - и въезжали в чудный сосновый лес, где было чище, чем у меня дома, и очень сухо.

Капитан принимался за стирку, мы пилили деревья. Потом появлялись два лесника-дагестанца с железными молоточками (чтобы на пеньки печати ставить – ударил по дереву – печать, доска, срублено с разрешения лесничества) и начинали орать, что будут жаловаться в штаб группировки. Капитан доставал заранее припасенное крепкое «Очаковское» или «Оболонь», они пили, потом вместе с капитаном начинали стрелять по бутылкам, а солдаты в низком приседе разбегались от рикошета. Потом, шатаясь, пробивали наши пеньки и уходили. Так было каждый раз. Затем УРАЛ до отказа загружали дровами, сверху ложились мы (человек десять) и натягивали тент, который вминал нас мордами в сосновые ветки, а ноги наши торчали и спереди и сзади. Так ехали назад.

Фото на память: с дагестанцами в палатке ботлихского караула.

Даги

Зимой 99-го мы, молодые сержанты, пройдя курс «обучения» в зловонной хабаровской в/ч снова прибыли в славный город [Ангарск](#), предвкушая наступление новой вольготной сержантской жизни. Мы наивно думали, что в [ОПОНе](#) будем жить так же, как жили в учебном полку наши сержанты. Первым для нас открытием было то, что чекисты 9/2 нас совсем не боятся, их этому никто не учил, и им плевать на наши [лычки](#). Особенно дагестанцам, которых той зимой привезли в Ангарск двести человек.

У учебного сбора, куда определили меня в числе двадцати других сержантов, было две казармы. На первом этаже обитали временно дагестанцы. Туда нас всех и поселили в первый день. Для описания беспредела, творящегося на этаже, достаточно привести несколько эпизодов.

У дагов, как они сами рассказывали, есть традиция, по которой, провозжая мальчишку в армию, ему дают не менее тысячи с собой в зависимости от достатка семьи. Оказавшись в казарме и не имея возможности с толком потратить эти деньги, даги платили сержантам 8/2, чтобы те заправляли за ними койки по утрам. Как когда-то считалось престижным иметь негра в прислуге или гувернера-француза. Это, наверное, то же самое. И те заправляли.

Когда даги первый раз зашли в столовую и сели обедать, какой-то дед, из числа самых умных, позвал одного. Реакции не было. Тогда, не в падлу, дед подошел сам с традиционным: «Че, охуел, чикаго? Растащился?» Тут поднялись все двести человек, окружили дедушку и спросили его, чего хотел. Дедушка улыбнулся и застенчиво спросил солонку.

Даги вели себя вольготно. Слишком вольготно. Вся наша радость, все ощущение превосходства перед «[чекарой](#)» улетучились в первые же секунды пребывания в роте. Они пили, уходили в самоход, отказывались выполнять все грязные работы и мыть полы, мотивируя это запретом Корана, требовали себе определенного времени для молитвы (а дать им это время означало автоматически признать их исключительность), нагло разговаривали с офицерами и вообще плевали на все устои. Мало того, мы чувствовали серьезную угрозу. Оценив ситуацию, договорились не перемещаться по роте в одиночку. Предложил это я, и я же сам облажался, выйдя покурить в туалет. Даги в количестве десяти-двенадцати человек появились неожиданно и обступили меня со всех сторон. С интересом дикари разглядывали мои вставки с лычками, и уже, отстраненно улыбаясь, тянули руки, когда я поднял крик типа «наших бьют!», и что я, дескать, ебался за эти «сопли» полгода, и никому не отдам, и что

только через мой труп и все в таком духе. Даги отступили. Но чтобы рядовые, да еще чекисты прессовали в туалете сержанта! После полугода хабаровской учебки это казалось дикостью и совершенным абсурдом. Этого просто быть не могло!

Мы приехали в Ангарск в шинелях. Их нам выдали там же, летом, когда отправляли в учебку. Чекисты же, призывавшиеся в Ангарск этой зимой, получали новые теплые бушлаты. Нам было сказано, что бушлаты выдадут после окончания учебного сбора (а это три месяца самой лютой зимы), когда всех нас раскидают по ротам. И вот мы в [комнате дóсуга](#) вместе с дагами смотрим телевизор. Показывают какие-то документальные кадры времен революции. По экрану вышагивают солдаты в шинелях - так смешно, как раньше быстро пленка крутилась, и один из дагов орет с задней парты: «Смотрите, наши

сержанты идут!» Громкий ржач с овациями. Ни один из нас не сказал ни слова. Мы не были готовы к таким унижениям и ничего не могли поделать. Двести дагов, готовых стоять друг за друга, и мы из голодной учебки, где нас полгода намеренно стравливали между собой, где мы всех ненавидели, где каждый был сам за себя. Оставалось только молчать в тряпочку. И радоваться тому, что на следующий день меня в числе десяти других сержантов перевели на второй этаж, где были только русские. Там-то мы и расслабились. Управлять русскими гораздо проще: ненависть, зависть, злость, подлость, воровство, предательство – всего этого у русского человека в избытке. Играйся с этим, не хочу. Даги же продолжали охуевать. Навсегда в истории полка останется нападение на роту ментбата, прибывшую из Читы для отправки в [командировку](#), прямо на плацу и грандиозное побоище между двумя учебными ротами: дагестанской и русской, случившееся на лестнице между этажами. Его я наблюдал собственными глазами, но принять участие, к сожалению, не смог, меня затоптали свои. Рота спускалась в полном составе на ужин. Проходили мимо дверей учебки, где обитали даги. Помню, услышав внизу возню и сдавленные вопли, я перегнулся через перила и

увидев, что творится, заорал: «Рота, к бою!» Все ломанулись вниз (единственный, кстати, момент единения среди русских, что я в армии видел), кто-то заехал мне коленом в спину, я упал, и весь этот табун героев пронесся по мне, задевая, перепрыгивая, топча и наступая сапогами на самые интимные части тела, что у меня только есть.

Даги были неуправляемы. Даже когда их начали разбрасывать по разным частям и ротам, они продолжали вести себя нагло и самоуверенно. Их сажали на кичу, приковывали наручниками к решетке штабной **КХО**, где они стояли сутками, но это не помогало. Их продолжали бояться, и отношение к ним было все-таки иным, а это нарушало принцип **коллективного воспитания**, и система давала сбой. Русские **чекисты** видели, что для одних она работает, для других – нет, и тоже начинали расслабляться, иногда даже примыкая к дагестанцам.

Много было мелких стычек и всяких эксцессов. Хочу заметить, что в целом дагестанцы люди добрые и симпатичные. Глядя на них, на их сплоченность, на готовность всем вместе заступиться за самого последнего задрота только потому, что он дагестанец, я завидовал им. Я все вспоминал Хабаровск, где мы постоянно грызлись друг с другом, позволяли над собой издеваться и плевали друг другу в лицо, и становилось обидно. Даги оказывались в привилегированном положении по сумме причин. Во-первых, пока мы с вами, дорогие лопухи, жрем водку, накуриваемся и шибаемся по подвалам, даги занимаются борьбой, бегом, устраивают соревнования по подтягиваниям на турнике, армрестлингу и т.д. В автопарке на уборке снега я попробовал побороться как-то с одним маленьким дагом. Он подкидывал меня как мячик. Во-вторых, они, попадая в армию, оказывались в меньшинстве, а это всегда объединяет. В-третьих, это национальное: в каждом, будь то лезгин или табасаранец, видеть брата, земляка. У нас такого нет.

Дегроды

Еще одно повсеместное обращение старшего **призыва** к молодым.

Дед

Вопреки установившемуся стереотипу деды оказались самыми обычными пацанами (то есть были, конечно, накачанные гады, но мало), а не все сплошь подонками, которые только и ищут случая поиздеваться над духами.

Дежурный по роте

Несчастный человек. Суточный – самый неприятный наряд из всех имеющихся, причем как для

дневальных, так и для дежурного. Если ты заступал дежурным, то знал, что все косяки в роте на ближайшие сутки повесят на тебя, отымеют и опустят ниже городской канализации за такую ерунду, о которой и вспоминать не захочется.

Все мои суточные были в той или иной степени неудачными. В каждый из них хоть что-нибудь да случалось. Первый раз я заступил еще в **Хабаровске**, едва получил звание младшего сержанта. Обрадовавшись возможности загаситься, **Пиво**, сука, проявил инициативу и присел на уши ротному, дескать, пацанам скоро в войска, личным составом командовать, а они еще и в суточном ни разу не были, пусть хоть в последние деньки попробуют. Ротный согласился, и, посоветовавшись, они выбрали меня.

Дежурным офицером в ту ночь был молодой лейтенант. В три часа ночи он явился пьяный в дребодан со своим приятелем – старлеем, находившимся в состоянии ничуть не лучшем. «Чаю хотим!» - они заорали прямо с порога. - «Со сгущенкой!» Ебанные дети! Где я вам посреди ночи возьму сгущенки. Нет, то есть я, конечно, знал где, но на хуй надо. Нет, говорю, у меня сгущенки. Они поругались, поворчали, взяли фонарь, и пошли под расположение шмонать сержантские тумбочки. Стою я возле дневального, и вдруг на меня из темноты по **ЦРП** банка варенья катится. Глупое зрелище.

Напившись чаю, они решили лечь спать в каптерке. Мои дневальные принесли железную койку, но она в дверь каптерки не проходила. Пока дневальные

Выглядеть дедушка должен примерно так

потели, силясь пропихнуть ее, [шакалы](#) стояли рядом и орали: «Энергичнее! Быстрее, суки, спать хотим!» Но койка так и не прошла внутрь, и они дали команду вернуть ее на место. Бегом. Дневальные с койкой протопали мимо меня и скрылись в темноте расположения. Отставить! На исходную! – заорал лейтенант. Они протопали назад и встали перед ним. Медленно! – самодовольно сказал лейтенант. Будем учиться. Бе-егом!... Он дрочил их не меньше часа. Бегом! Отставить, на исходную! Медленно! Бе-егом! Отставить! А они носились с койкой по казарме и едва уже передвигали ноги, и уже все руки себе расцарапали о металлические скобы и колени сбили, когда шакалы, наконец, уgomонились и позволили занести койку в канцелярию.

В [Ангарске](#) в одну из ночей я заснул во время дежурства, сидя за столом возле входной двери и положив голову на руки. Когда дежурный по полку постучал, дневальный, как положено, дал команду: «Дежурный по роте, на выход!», и я проснулся. Попытался встать и тут же грохнулся на пол, так сильно затекли ноги за несколько часов неподвижного сидения в одной позе. В общей сложности дверь я открывал минут пять-восемь. Дежурным по полк был ужасный Гиба (см. [Шакалы](#)), и спасло меня от жестокой расправы только то, что он был на удивление в хорошем расположении духа. «Спал, сержант?» «Никак нет, товарищ капитан!» – а у самого рожа мятая и опухшая. Через неделю в аналогичной ситуации перед ним предстал сержант Баскарев. Гиба взял ручку, вставил ему между пальцев и несильно сжал. Баска долго после этого ходил с опухшими пальцами.

Дембель

В моем понимании дембель – это урод. Физический и моральный. Физическое уродство выражается в его внешнем виде, моральное в так называемом дембельском синдроме.

Я служил полтора года и четыре раза видел дембелей, как убывающих домой из частей, где я в то время служил, так и из других частей, других родов войск. Этих я видел в основном в поездах и на вокзалах. Один раз этот праздник ощутил сам.

Физическое уродство дембеля проистекает, разумеется, из уродства морального. Ведь что такое рядовой, обычный дембель? Это парнишка двадцати лет, два года своей жизни проведший за забором и уже почти забывший, что такое «гражданка», где выбрасывают по полсигареты и выливают в унитаз прокисшие супы, смеются, когда хочется, и трахаются, и жрут без меры, яркие краски, живая нормальная речь, и нет постоянного напряжения: спалют, выебут, посадят... Он уже привык жить в другом режиме, в другом обществе, в другой системе ценностей, общаться на другом языке. Армейская жизнь настолько хуева, что с

первого месяца службы «гражданка» подвергается в мыслях солдата тотальной идеализации. Далекие родные и знакомые представляются во много раз лучше, чем есть на самом деле, возможность, скажем, просто гулять по городу, просто есть, просто спать кажется наивысшей формой блаженства. Я уж не говорю о таких удовольствиях как деньги, секс или телевизор. Два года человека дрочили и днем и ночью, два года он ебался с портянками, подворотничками, грубой одеждой и обувью не по размеру. Два года он бегал, прыгал, таскал, строил и думал только о доме и о том, где бы чего спиздить-пожрать, и зачеркивал дни в календарике и

переписывал в блокнотик тупые стишки. Два года не мог по-человечески помыться и сходить в туалет, и жрал всякое дерьмо три раза в сутки в строго установленное для этого время... И вот его выпускают за ворота. А? Что? Куда идти? Чего делать-то? Два года тобой командовали каждую секунду твоего существования, и вот теперь тебе снова предстоит все решать самому. Но после первой растерянности первое решение приходит. Тут уж каждый поступает в силу своих умственных способностей, воспитания, образования и жизненного опыта. Кто-то, вновь почувствовав себя «индивидом», тут же, едва выйдя за ворота, снимает девок и пускается в загул на бабки, отобранные у чекистов за последние месяцы службы, кто-то просто напивается в поезде, а кто-то валит быстрее домой – туда, где никто никогда не узнает, как он служил. Подготовка к дембелю начинается едва ли не в конце первого года службы. Дембельские альбомы в [Ангарске](#) не были особенно популярны: слишком хлопотно, да и [шакалы](#) пидоры все как один. Увидят – отберут обязательно. Вообще из оперативного уволялись просто. Максимум что

приобретал себе дембель – это берет, берцы, новый комок, тельник, новые шевроны. Зато САшники в украшении самих себя меры знать не хотели. Из-за значков не видно было камуфляжа, берет, какие-нибудь нелепые шевроны, типа «мотострелковые войска», (кстати, из Хабаровска дембеля, два года проработавшие на свинарнике, уволились в шевронах «Спецназ России», сам видел), белые парадные ремни, спизженные со склада, самопальные или тоже пизженные аксельбанты. Шуты ярмарочные. Мы с Тараном решили вести

себя адекватно. Он взял себе в Иркутске «грязный снег», я какую-то черную форму, что сделало меня похожим на охранника из продуктового павильона. Берцы у нас были старые – с Кавказа. Никаких шевронов, значков, беретов, нашивок.

Три дня мы прожили в Иркутске, погуляли, сходили в церковь, потом поехали в Братск. После трех дней незначительного пьянства и более значительного травокурения у Тарана начало срывать крышу. Сидя у себя в комнате, за столом, он, обхватив голову руками, стонал: Что это, Иваныч, что такое? Что происходит? Я ничего не понимаю! Естественно, я приписал все это конопле и чрезвычайной эмоциональности своего друга, и честно сказал ему об этом. погоди, - ответил Таран, - домой приедешь, у тебя то же самое будет. И действительно, я приехал, отгулял с друзьями и родными, прошла первая восторженность... и появилось такое странное чувство. Ты будто не здесь и не там, ты будто вообще нигде, будто в воздухе повис. Такая тихая вялая внутренняя истерика. Делать нечего, не книжки же читать, а что делать?

Дембельская каша

Это, надо полагать, изобретение голода. Рецепт нехитрый. Покупается, скажем, 2кг. печенья, мелко крошится - до песка, и заливается туда банка сгущенки. Все тщательно перемешивается и оставляется в тумбочке на час-два, чтобы пропиталось хорошенько. Готово. Сытность этого продукта превосходит все ожидания. Первый раз я попробовал кашу на [чекланке](#). Тогда мы втроем скинулись и послали [Макара](#) в магазин. На КПП он сказал, что несет сержантам, назвал их фамилии. Всех сержантов без исключения угнали в тот день в штаб на какую-то переподготовку. Рота сидела в [комнате досуга](#), смотрели кино. В остальных помещениях казармы света не было. В темноте мы занялись приготовлением каши. Ложку спиздили еще за обедом в столовой. Вместо тары использовалась тщательно вымытая каска. Настояться каша, конечно, не успела и, как водится в армии, к моменту ее приготовления нас было уже не трое, а шестеро. Но мы все не только наелись, но и переели! В полной темноте, сидя на полу между койками, вытирали руки о висящие рядом шинели.

Дембельский поезд

Деньги

С деньгами в армии напряг, а потому ценность их возрастает, как у спичек в фильме «Кин-дза-дза». Иногда за двадцать рублей рядились, и истории происходили всякие. Безобразнейшие в том числе. Мне вспоминается вполне невинная, такая легкая... Пришла мне посылка от родителей. Там носки шерстяные. Сходили на почту, взяли. Старшина в роте досматривает и говорит: нельзя тебе, братец, носки шерстяные, не положено. Вот в [Ангарск](#) когда поедете, ко мне подойдешь - получишь. А было это в [Хабаровске](#) по [чекланке](#), что тут сделаешь. Ладно думаю, зима впереди. Через неделю приходит письмо от мамы. Пишет: получил ли носки, я туда тридцать рублей положила...

Прошло два месяца. Чекланка заканчивалась. Ротный выбрал двух самых образованных [чекистов](#) и говорит: характеристики себе писать сами будете. Вот вам бумага, вот ручки, образец, от всех нарядов освободить, в каптерке у старшины запереть, пока все не напишут, не выпускать. Сидим мы, стало быть, с этим вторым, характеристики на самих себя – на всю роту - пишем. Я у старшины по полочкам взглядом пробежался – вот и носочки мои лежат. Эй, говорю, хочешь фокус? Спорим, что вон в тех носках тридцать рублей лежат?

Дизентерия

Имела место в [Ботлихе](#). Вернувшись из [Химоя](#) осенью 2000-го, я встретил там чекиста, имени которого не помню. Зимой, на [КМБ](#) в Ангарске, это был здоровый накачанный детина под два метра ростом. А теперь худющий как жердь, бледный дрыщ. Я глазам своим поверить не мог. Он постоянно бегал на толчок, что являлось вечным поводом для шуток, типа «хранитель унитазов». Жестоко, конечно, но согласитесь, если в любое время суток заходишь в туалет и видишь одного и того же человека... Его увезли обратно в Ангарск с сентябрьской партией.

Дисбат

Я очень сильно смеялся над появлением генерала Талалаева в фильме «ДМБ» («Расстреляю, сволочи! Расстреляю, как бешеных собак! Запору в дисбате, сволочи...»), так как очень похоже на нашего [кыра](#), тот, правда, чуть поспокойнее, но и серьезнее гораздо мужик. Вообще нас [шакалы](#) постоянно пугали, дисбатом в особенности. Но реальные очертания это слово обрело для меня после рассказов контрактников из читинского ментбата, которым еще «по срочке» довелось несколько месяцев проторчать на вышках дисциплинарного батальона. Подъем в пять утра, зарядка, бегом на завтрак, ФИЗО, строевая, ФИЗО, строевая, бегом на

обед, ФИЗО, строевая, ФИЗО, строевая, бегом на ужин, бегом на вечернюю поверку, отбой. И так без выходных и праздников, каждый день. Чуть что – карцер. Смотреть, говорят, на них без слез невозможно.

Дневальный

Суточный наряд по роте состоял из четырех человек. Сержант – дежурный по роте и трое дневальных. Подготовка к службе по [Уставу](#) должна начинаться с четырехчасового сна, которого никто никогда не имел. Затем подготовка внешнего вида: постирать и погладить [подшиву](#), почистить сапоги, побриться. С этим всегда были проблемы: нет белых ниток, нет утюга, нет мыла, нет лезвия, нет света. Внешний вид для солдата – головная боль, так как командира не волнует совершенно, почему у тебя всего этого нет, и где ты будешь брать; он затрахаёт твоего сержанта, морально опустит его, а тот, в свою очередь, тебя, но уже не только морально. Не имея, допустим, утюга, солдат «гладит» только что выстиранную подшиву так: просто кладет ее на дужку кровати, натягивает и быстро-быстро трет о дужку, чтобы подшива высохла и была ровной; если нет щетки, чистит сапоги зубной: нет лезвия, просит у кого-нибудь, а не дают, просто пиздит.

Далее – изучение обязанностей дневального – две страницы Устава мелким шрифтом. Я ни разу не смог выучить более двух предложений этой Фил ькиной грамоты, и мне всегда везло на разводах, так как дежурный по полку мог спросить, а мог и не спросить – в зависимости от настроения. Нередкими были случаи, когда дневальные после развода круто опиздюлялись от своего дежурного, бывало, что весь наряд отправляли обратно в роту из-за неподготовленности к несению службы. Тогда уж попадал и дежурный.

В суточном наряде были свои плюсы и минусы. Дневальный мог целый день шариться по роте, не зная, чем заняться, а батальон в это время умирал где-нибудь на стрельбище, ползая по грязи. Или

С дневальным в Хабаровске. Я слева

рота смотрит фильм в [комнате досуга](#), а дневальный битый час тычет палочкой в очко, пытаюсь протолкнуть застрявшее дерьмо.

Один дневальный все время должен находиться напротив входа в казарму – стоять на тумбочке, которая имеет весьма символическую форму креста, и подавать соответствующие команды при появлении кого-либо или при построениях. Поэтому один дневальный ходил в столовую с ротой, остальные – после нее. В [Хабаровске](#) делали так: два дневальных идут обедать с ротой, а потом еще и отдельно.

Вечером, после отбоя, положено было ходить с баком для питьевой воды в столовую. Ушедших дневальных дожидаться было бесполезно – они поглощали остатки полкового балабаса (если удавалось, конечно, разжалобить поварих, а то ведь и свиньям могли выбросить).

В то же время часто прилетало за неправильно поданные команды. Казалось бы, чего проще: входит командир батальона или полка – «Смирно!» Остальным – «Дежурный по роте, на выход!» Но они входят, конечно, не думая о том, что дневальному надо успеть отвлечься от своих тяжелых мыслей, сообразить, кто вошел, и подать соответствующую команду. Часто путались, и долго после этого болел кадык. Только [Абросимов](#) заходил медленно. Открывал дверь, переступал порог и устремлял на дневального такой свирепо вопрошающий взгляд, что тот просто терял дар речи.

Про уборку я уж не говорю. В казарме, где живут двести рыл, срущих, ссущих и постоянно гадящих другими способами, дневальный – это чмо с мокрой тряпкой в руках, безумными глазами и изможденным лицом, охуевшее от пинков и затрецин, которое шаробится по роте и ждет, когда крикнут: «Дневальный свободной смены – на выход!» Долго ждать не приходится.

Долина смерти

Армейский фольклор. Так называли спортгородок в хабаровской учебке. Мы умирали там по несколько раз в день: начиная с [зарядки](#), продолжая на ФИЗО.

Дохуя прослужил?

Еще одна ходовая фраза. Всегда использовалась при наездах, разводах и словесном прессовании, как весомый аргумент. «Че тащишься, солдат? А не охуел ли ты, брателло? Че прослужил дохуя, или че?» В половине случаев после этой фразы следовал веселый удар поддых.

Дужки

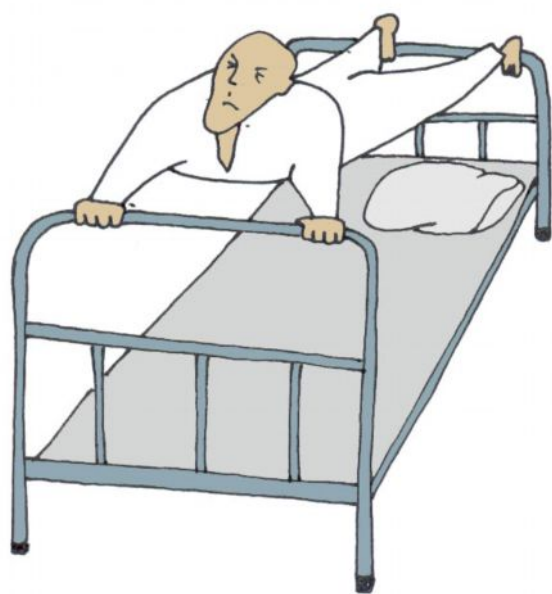
«Сушить крокодила». Руки на одну дужку кровати, ноги – на другую. Твой рост значения не имеет – не ебет. Представьте человек сто в таких позах да еще на двухъярусных кроватях: глухие стоны – настоящий дурдом. Стоять на дужках очень тяжело. Со стороны может показаться, что особенно больно пальцам ног, но на самом деле колоссальную нагрузку здесь получает спина. Руки и ноги еще держат, а она уже прогибается вниз, тело сползает на кровать. Все связки натянуты до предела, но падать нельзя – будет хуже.

Особенной популярностью это развлечение пользовалось у хабаровских сержантов. Мы стояли на дужках часами, а они прохаживались между коек и хлестали по пяткам бляхой намотанного на кулак солдатского ремня. Мне не прилетело ни разу, а вот пацаны, помню плакали от боли.

Сержанты любили предупреждать о том, что ночью будут дужки, заранее. Утром, например, недостаточно быстро и хорошо навели порядок: «Чо, суки, залупились? Ночью охуете!» Хотя «залупаться» никто и не думал. И вот, набегавшись за день, натаскавшись-наползавшись, стоишь на вечерней поверке, едва живой, ноги гудят, и думаешь: блядь, ну скорей уже, скорей. Вот закончилась перекличка, дежурный отнес офицеру расход, чего-то там долго копался в канцелярии, а ты только еще не выпадаешь из строя мордой вниз. Вот наконец выходит: рота, отбой! Рота по койкам, а [Пиво](#) кричит: второе отделение на месте! Блядь! Сколько ж это будет продолжаться? И начинает Пиво нас разьебивать, учить понятиям армейским,

знает, сука, как нам спать охота, сам недавно чекистом был. Долго. Нудно. И... вот блаженство! Падаешь в койку, жесткая ватная подушка лучше всякой перины. Утром, правда, дужки обещали, но, может, забыли... «Рота, дужки!» Секунда, и все стоят.

Потом я часто рассказывал в Ангарске своим чекистам о том, как мы жили в Хабаре. Они даже представить себе не могли тогда, что это такое – всю ночь с переменным успехом стоять на дужках кровати. Для них это было дикостью, но почти всем им предстояло приехать в Дагестан и Чечню, где без всяких «дужек» и «вождений» мы их просто в кровь, в говно убивали руками и ногами, и прикладами, с каждым ударом только убеждаясь в своей правоте.

Духи

Это слово было почти полностью вытеснено ВВшным «чекисты».

Духи-мухи!

Сержанты подавали эту команду после отбоя, когда все уже лежали в «люлях». Рота должна была отзываться на нее дружным жужжанием. Не дай бог, спалют, что кто-то успел заснуть раньше сержантов – дужки до утра обеспечены.

Жена-чеченка

Когда меня спустили с Химоя за пиздеж, провокацию и подстрекательство к бунту и отправили обратно в полк, в Ботлих, мне пришлось заниматься там самыми разными вещами: быть наводчиком БТРа,

рабочим, а потом старшим на маленьком заводике по производству самана; помощником начальника караула, заступать на блокпост «Ансалта-Ботлих» и, среди прочего, ездить в сопровождении с ночной проверкой в город. Проверяли караулы на водозаборе и продовольственных складах. Два солдата, водитель и офицер – старший проверки. Заранее договорившись с офицером, выставив ему пару бутылок «Оболони» или «Очаковского», можно было заехать на обратном пути на переговорный пункт и позвонить домой. Однажды я позвонил маме на работу (во Владивостоке было уже утро). Связь была отвратительной, и я практически ничего не слышал, хотя, подозреваю теперь, меня было слышно хорошо. Какие-то трески, пуки, звяки и сквозь них едва различимый мамин голос. Устав, наконец, орать, я сказал: «Да, да, потом перезвоню», - и повесил трубку. Мне и в голову не могло прийти тогда, что этот незначительный эпизод может иметь такое смешное продолжение.

Прошло два месяца и, только уволившись, с вокзала в Иркутске я снова позвонил домой. И между мной и мамой состоялся следующий диалог:

- Когда приедешь?
- Вот в Братске дня три погощу, а потом, наверное, самолетом из Иркутска.
- Ты с женой?
- С какой женой?!!!
- Ладно, дома поговорим...
- Погоди, мама, - я почувствовал по голосу, что она не шутит. – С какой еще женой?
- Ну, помнишь, ты с Дагестана звонил, когда из Чечни вернулся?
- Помню.
- Я тебя спросила: «Ты там случайно не женился?» Ты сказал: «Да». Я спросила: «На чеченке что ли?» Ты сказал: «да». Я расспрашивать начала, а ты говоришь: «перезвоню» и трубку бросил... Как ее зовут хоть?

Я громко заржал на весь вокзал. Оказывается дома меня на полном серьезе ждали с женой-чеченкой. Мамины фантазии, выросшие на почве дебильных репортажей всяких «Комсомольских Правд», плюс испорченный телефон – и вот я уже женат. Хорошо, хоть без детей обошлось. Когда я приехал, то узнал, что на семейном совете уже обсуждался вопрос, где Мы будем жить. Мама Ей даже тапочки на рынке купила.

Женщины

Их, конечно, было немного, и в большинстве своем они не воспринимались как таковые. Толстые грубые поварихи, прущие каждый вечер к себе домой мясо и овощи из солдатских котлов. Стройная, фигуристая, но сильно потрепанная блядина-прачка, которую перли все, от рядовых до полковников. Матершинница-прапорщица с

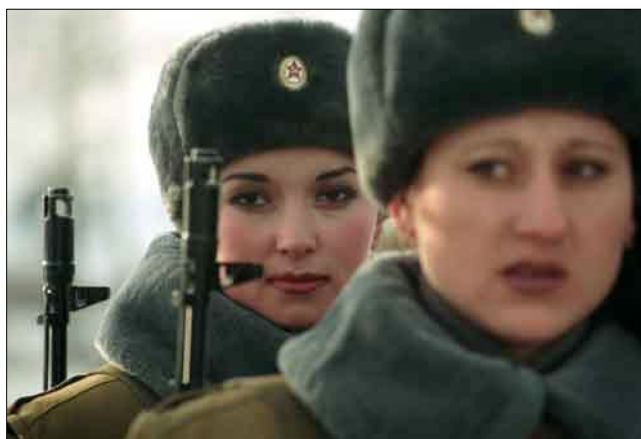
вещевого склада. Бурятка из санчасти охотно демонстрировала красивые ноги с помощью коротких юбок и постоянно «невзначай» распахивающегося халатика, но пила, как лошадь, что ее вовсе не красило. Предметом желаний всего полка была медсестричка с какой-то еврейской фамилией, вот не помню. Скажем, Рацкевич. Но ничего такого не слышал. В целом же, женщины, служившие или работавшие в части, казались мне всегда невероятно черствыми и не по-женски циничными существами. Видимо, годы, проведенные в общении с солдатней, брали свое. Ну, и конечно, бляди-малолетки - глупые самки, которые стаями вьются возле любой части и на выходных приходят потискаться на КПП (см. [Шипа](#)).

За полгода на Кавказе я почти не видел, чтобы мужики работали. В [Ботлихе](#) они иногда местами кое-что строили, но в [Химое](#) бабы вкалывали, как проклятые. Мужчины же чинно разгуливали по деревне или, сидя на крылечках домов, щелкали весь день семечки. С такой уверенностью об этой стороне жизни горцев говорю потому, что сам немало времени провел на постах, а в задачу часового как раз и входит постоянное наблюдение. Причем, так как мы стояли выше деревни, с одного и того же поста прекрасно просматривалась и дорога, и огороды, на которых работали одни женщины, и сама деревня. Мужчины, видимо, отдыхали от боевых подвигов, так как офицеры говорили, что зимой в Химое было всего двое мужчин: старейшина и [наркоман](#). В июне, когда я туда приехал, их было уже около двадцати. В комендатуре они так отчитывались о времени своего отсутствия: были на заработках в Грозном¹. За три месяца лета я видел, как они работают только один раз: в августе они косили. Никогда мужчина не приходил к роднику за водой. А находился родник на порядочном расстоянии от деревни, и воду нужно было таскать не менее трех раз в день. Никогда мужчина не помогал женщине перенести что-нибудь тяжелое. Баба загибаться могла, а он шел рядом, заложив руки за спину. Опять же с поста в бинокль наблюдал я однажды такую картину: идут по дороге молодая женщина с тяжеленным мешком на спине – еле ноги передвигает и средних лет мужчина – налегке и за ручку ведет ребенка. И вот они подходят к громадной луже во всю ширину дороги. Ребенка надо брать на руки. Не раздумывая долго, мужчина берет ребенка и садит его сверху бабе на мешок. Так и идут через лужу. И так, что в Дагестане, что в Чечне.

¹ Наивность кавказцев иногда просто поражает. Однажды через КПП Химоя пытался пройти неместный мужчина, на требование часовых предъявить документы показавший «поддельный» паспорт, сделанный из разрезанного пополам школьного дневника.

В Ботлихе после одной из многочисленных пьянок, особенно тяжелой, высшего командного состава полка, наши доблестные парни стоявшие на КПП рядом с палаткой, где все и происходило, не поленились заглянуть внутрь. Уже под утро. Они обнаружили командира полка и его заместителя на полу пьяных до бесчувствия, а также выебанную, как следует, толстую повариху, тоже пьяную и без сознания - с обнаженной грудью. Не долго думая, возбудившись и закипев, бойцы по очереди отпингвинили повариху, которая так и не проснулась, а на утро поведали о своих подвигах всему полку.

Круче всего «по женской части» залетел Рыжий из [ИСР](#). В Ботлихе, ночью, он стоял на КПП дороги «Ансалта – Ботлих». Подъехала машина с пьяными дагами. Предложили ему бабу. Уж не знаю, как он с ними там сторговался, но оставили они ее, накачанную то ли спиртным, то ли наркотиками. Рыжий, по его словам, пер ее стоя, не снимая брони и каски - удовольствие весьма сомнительное, а утром просто вывел ее на дорогу, и она ушла в сторону Ботлиха. К обеду приехали в полк шестеро мужчин – родственники этой бабы, и, говорят, предлагали деньги командиру полка за голову Рыжего. Командир с ними как-то уладил, а Рыжего отдал в разведку контрактникам. Когда мы потом спрашивали его, что с ним там делали, он рассказывал только, как пытали электричеством. Про остальное молчал. Сам Рыжий был контрактником, и срочники из разведки грузанули его, воспользовавшись случаем. А потому в Махачкале, в поезде, когда выдавали месячную зарплату перед отъездом в Ангарск, Рыжий был невесел. Разведчики сопровождали колонну и теперь практически в затылок ему дышали. И вообще на него неприятно было смотреть. Казалось, что он даже постарел за несколько ночей, проведенных в палатке разведчиков.

Жук

Моего [призыва](#), тощий такой прыщавый ганс. Такая уж у него была фамилия, и всегда, на всех переключках и построениях вызывала она смех у [сержантов](#). Ума у них хватало на такую приколюху: они говорят «Жук!», а он отзывается протяжным жужжанием. Заебался Жук жужжать на [КМБ](#), и днем, и ночью его этим доставали. А в Хабаровск приехали – те же приколы, и так же жужжал он месяца два. А потом «поднялся», оположился, шестерить начал, его сержанты все время на палево ставили. Взвод на [братской могиле](#) умирает, а он на палеве, сука, гасится.

Когда в Ангарск вернулись, укатил Жук с первой же партией в Дагестан за военной романтикой. Наверное, и там, в горах, жужжал, пока старший призыв не уволился. Я приехал, слышал, что он уже четыре месяца на [Ансалте](#), растолстел и [чекистов](#) дрочит. К тому времени, когда я уезжал, он уже десять месяцев с горы не спускался и еще контракт на полгода подписал. А хули! Хули ТАКОМУ и ТАК не (слу)жить? Жаль, в командировке я его ни разу не увидел. Не был я на Ансалте. Пожужжали бы о том, о сем.

Залупа

Продолжая сильную тему [«коллективного воспитания»](#), можно вспомнить о некоторых единичных (не считая, конечно, дагестанцев)

случаях сопротивления духов тем, кто с первых же дней пытался превратить каждого из них в послушную шестерку, в любой момент готовую принести тапочки, почистить сапоги, достать сигарету, сделать массаж, сгонять за [балабасом](#) в столовую, подогнать бабок и прочее.

На самом деле просто сдавали нервы. На [КМБ](#) в Ангарске Семен после трехчасовой муштры на плацу, по жаре не выдержал, громко послал всех на хуй и ушел в кусты, в тенек, перематывать портянки. Естественно, по итогу огребла за это вся рота.

В Хабаровске, опять же на плацу, тоже во время строевой, Петриченко, у которого тогда болел палец на ноге, визгливо раскричался, разматерился, плюнул в лицо сержанту и назвал его «сукой». Ему не сделали ничего, так как тот сержант среди своих имел репутацию лоха.

Был еще в учебке такой интересный типок по фамилии Говоров. Все называли его Говор. Он весь такой врубался в понятия, где можно упасть, где нет, что в падлу, что не в падлу, предпочитал, чтобы его отпиздили вместо кача, и все такое прочее... Наверное, был у него старший брат, отслуживший. «А в упоре лежа, братка, стоять запаadlo, пусть они тебе, суки, лучше грудину пробьют. Пусть тебя, как мужика задрочат...». Кончилось тем, что Говора за его стойкость приблизили, и он стал сам пиздить свой призыв и собирать со слабых чекистов бабки для своих новых хозяев. Гордость понятие гибкое.

Жук (слева) и Рева-Бизон на Перевале

В Ангарске был у меня **чекист** по фамилии Иванников родом, помнится, из Омска. Совершенно неуправляемый тип, доставивший нам много неприятностей. На меня он бросался с ремнем, намотанным на кулак, пытаясь бляхой выбить мне глаз. Сержанту Баскареву, моему другу, умудрился воткнуть в левую ягодицу здоровенный кусок стекла, ловко метнув его, за что и угодил в первый раз на кичу. Сержанту призыва 8/1 распорол руку штык-ножом. Он был просто психически неуравновешен.

По выходу с кичи он заступил дневальным в суточный наряд по роте (я был дежурным). Ночью отправил его в коридор мести лестницу перед входом в казарму. Этот придурок вымел лестницу идеально и весь мусор сгреб в аккуратную кучку к дверям **автороты**, которая находилась этажом ниже. И так оставил. Через какое-то время из автороты ко мне поднялся Клим (мы вместе проходили учебку в Хабаровске), тоже бывший в тот день дежурным, и убедительно попросил меня дать пизды дневальному и прокачать его как следует, чтобы такая хуйня больше не повторялась. Я вызвал Иванникова и велел убрать мусор. Звереныш отказался. Уставший и заебанный я не стал его трогать. К тому же я был весьма и весьма удалбан в ту ночь химкой. Тащило. И я сделал то, что в армии при разборках такого рода делать не принято. Я обратился к дежурному офицеру. Им в те сутки был хорошо знакомый мне **старший лейтенант Ни**. Какие проблемы? – удивился кореец, никогда не упускавший возможности задрочить солдата. Пиши рапорт. И я, с большим трудом, написал под его диктовку следующее:

РАПОРТ¹

Настоящим докладываю, что 11.03.2000 г., будучи дневальным по роте, рядовой Иванников отказался выполнять свои служебные обязанности и проявил халатное отношение к несению службы в суточном наряде. Ходатайствую о применении следующей меры воздействия: арест, содержание на гауптвахте.

ЗКВ-1 мл. с-т. Иванов

Ни показал чекисту рапорт и обрисовал в ярких красках его возможное ближайшее будущее в том случае, если тот продолжит залупаться. Ни слова не говоря, этот гандон взял тряпку и съебался на лестницу.

На этом все заканчивается. О **дагестанцах** отдельно. На Кавказе все было проще – в Ботлихе, как обычно, мирно соседствовали Устав и дедовщина, в Химое же чекистов просто хуярили, чем ни попадя за любой косяк. Ни о каких залупах там речи быть и не могло.

¹ Так как рапорт не понадобился, на обратной стороне я написал письмо домой, – был напряг с бумагой. Поэтому могу сейчас воспроизвести все с такой точностью.

Запахи

В ненадежной и надуманной армейской иерархии – те, кто только-только призван, то есть еще даже не могут духами считаться. Всегда меня смешило выражение «запах не рожденный».

Зарплата

Я даже не помню, каких размеров она была. Двадцать рублей, что ли. В Хабаровске ее получали наши дембеля. В Ангарске я получал раза три и не знал, куда потратить. В **командировке** помимо **боевых**, идущих на счет, ежемесячно платили по две тысячи рублей на руки. Тратили на сигареты, носки, зубные щетки, фрукты-семечки.

Петриченко (слева) и Говор на хабаровском КПП

Зарядка

Хабаровск. Июль-декабрь 2000-го.

Настоящая, «уставная», зарядка включает в себя медленные махи руками, ногами, приседания, хлопки, комбинаторные комплексы упражнений... Так она у нас и проходила, если на спортгородке присутствовали офицеры. Но чаще всего их не было. И чаще всего она проходила не так.

Бег, передвижение прыжками, гусиный шаг, отжимания – все. Для меня это было по-первости настоящим кошмаром. Сержанты получали от этого удовольствие. Терпением они обладали

невероятным. С садистским удовлетворением, потягивая питерскую «Приму», смотрели они, как чекисты доходят до соплей, до слез и истерик (бывало и такое, см., например, [Петриченко](#)), до полнейшего изнеможения физического и опустошения морального.

Предпочтение отдавалось бегу. Бегать строем в полной темноте, в сапогах, в течение минут сорока без перерыва и в довольно быстром темпе было для меня пыткой. Плоскостопие. Кроме того, после подъема времени на то, чтобы нормально намотать портянки не давали, и во время бега они сбивались комками под подошвой, а лодыжки и пятки натирались об кирзу. Я всегда прибегал последним и почти плакал от боли. Ноги гудели, в животе жгло так, что казалось, сейчас там что-то лопнет. После такой зарядки хотелось только одного: упасть и не двигаться. Но впереди был ДЕНЬ.

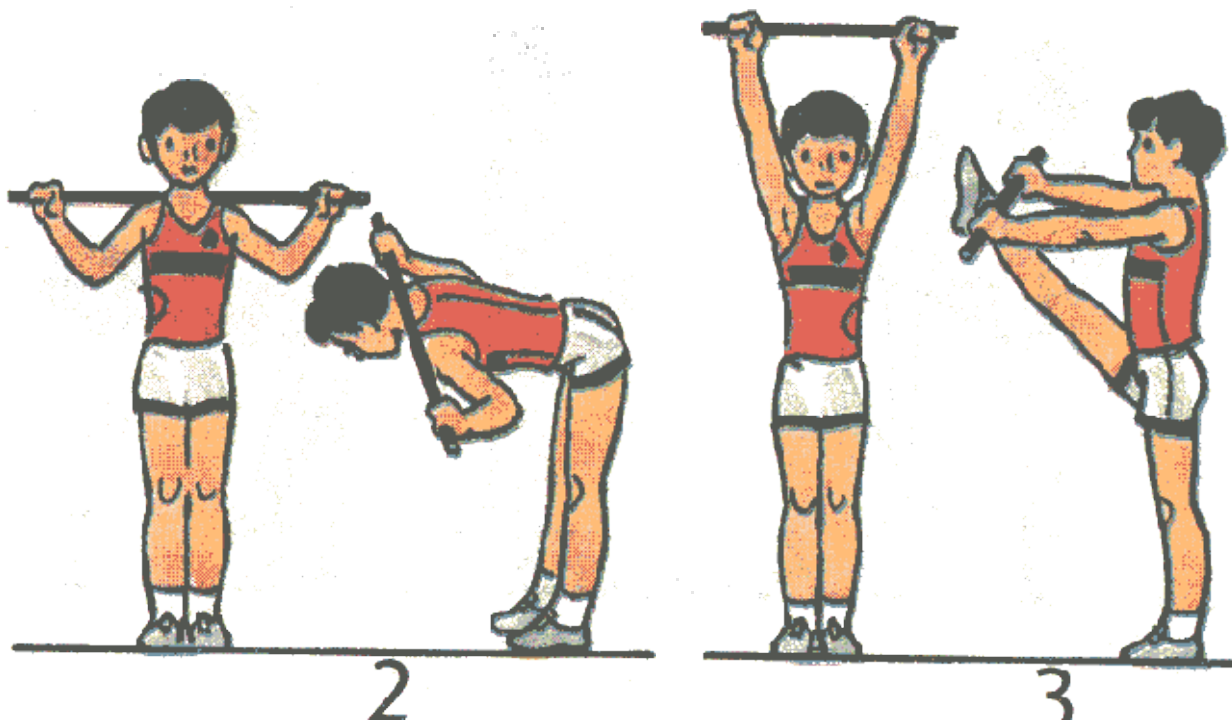
Хотя, нет худа без добра: в армии я научился бегать. Как, не знаю. Через «не хочу». А в дальнейшем, в Ангарске, даже удовольствие от этого получал.

сказал: «Иваныч, не майся дурью, ну что за детский сад?». Нет, никто не остановил меня. А банки эти в такой густой траве могли звенеть только в том случае: если со всей силы, от души, пнуть их ногой...

Зема

Понятие «земляк» приобретает в армии совершенно иные формы. Это человек, к которому можно обратиться в трудную минуту, и которому поможешь ты, вне зависимости от его возраста и года призыва. Я вот сейчас хожу, скажем, по городу, и тот факт, что все кругом «тоже из Владивостока» меня совершенно не трогает, а когда мы приехали в сорокаградусный мороз из Хабаровска в Ангарск, в шинелях, и пришел Гордиевский, и принес мне свитер, я чуть не расплакался – до того был этим тронут. Заячий тулупчик, блин...

Хотя, честно сказать, были моменты, когда и земляки меня подставляли, и я, чего греха таить, ебала бил приморским... Что ж, все мы люди, все мы земляки.

Звенящие банки

Чечня. Химой. Лето 2000-го

И пришла эта гениальнейшая мысль в голову... ну, да, это придумал я. А хули? Мне казалось, что это вполне разумно – человек идет, задевает веревку ногой, банка звенит, мы забрасываем его гранатами. Мы потратили около двух дней, окружая [второй пост](#) разветвленной сетью звенящих банок. Оправданием для меня может служить только то, что никто не

Зиберхали

Каждый новичок, уже в первые дни своей командировки, поняв, насколько хуево в [ПВД](#), и прежде чем куда-либо свалить, начинал собирать информацию о том, что творится в остальных местах дислокации полка: Зиберхали, Бути, [Перевал](#), [Ансалта](#), [водозабор](#), «копилка», [Химой](#),

[разведзасада](#) – вот возможные варианты. РОП «на Зиберхалях» хвалили. Говорили, что там хорошая баня, нормальная погода¹, более-менее понятливые [шакалы](#). Но побывать мне там не пришлось. На Зиберхали попали [Плахотнюк](#) и [Качан](#).

Зиндан

Всю дорогу из Ангарска в Махачкалу шакалы пугали нас зинданом. «В ПВД приедете – охуете. Там вам не Ангарск». Эти же слова я слышал от сержантов, когда мы приехали в Хабаровск. «Здесь вам не Ангарск. Охуете здесь». Когда мы вернулись из Хабаровска в Ангарск и, злые, начали в учебке пиздить чекару, сержанты 8/2 и 8/1 построили нас в сушилке и тоже сказали: «Здесь вам не Хабаровск. Здесь устав. Охуете.» Когда я приехал в Иркутск и по привычке пытался все делать «по уставу», как в Ангарске... правильно, мне сказали «здесь тебе не Ангарск». Короче везде работала одна и та же заебавшая тупая армейская стратегия: новичка надо сначала апугать. И все же я в очередной раз купился на это и живо представил себе, как в ПВД бедные солдатики вместо кичи сидят в яме, куда мочатся офицеры, прапорщицы из столовой и лично

командир полка. А потому, как всегда, вел себя прилично и выходил на остановках только с разрешения, и воздерживался от алкоголя, настойчиво предлагаемого сослуживцами, хуярившими без палева каждую ночь (см. [Водка](#)).

Естественно, никакого зиндана в полку не оказалось, кроме огромной ямы, которую копала кича, и где планировали разместить штаб полка, да и ту рыть начали только осенью, чтобы шакалы зимой жопы не отморозили.

Золотой

Иногда так получалось (в небольших по численности ротах, конечно), что «дух» оказывался единственным своего призыва. Такого называли «золотым», никто не имел права его трогать, и вообще он освобождался от всех «духа» обязанностей.

Зэушка

Зенитная установка. Стояла на скале, окружающей буквой П наш полк в Ботлихе, и направлена была чаще всего в сторону Ослиного Уха. Третий пост караула, принадлежащий [АЗДН](#). Любой дембель считал за святую обязанность сфотографироваться

¹ В отличие от того же Перевала, где всегда то снег, то дождь и соответственно море жидкой грязи, а стало быть, много стирки при серьезных проблемах с доставкой воды. Таскать воду по три-четыре раза в день на гору никому не улыбалось.

возле зэушки, что я, будучи [ПНК](#) и имея свободный доступ на все посты караула, и выполнил. Рядом со мной Косяк из АЗДН, бывший в то время на посту.

Иголка с ниткой

Дома довольно редко попадали мне в руки. А в армии, кроме того, что каждый день приходилось подшиваться, еще и постоянно пришивали какие-нибудь бирки, то к подсумкам под магазины, то к сумкам для противогазов, к сумкам для **УЗК**, для гранат – и все это постоянно переделывалось, как любят в армии переделывать! Все время приходилось латать одежду, которая после шести месяцев службы просто расплзлась по швам, это не считая многочисленных порывов и потертостей от бесконечных ползаний по земле и полу. Короче, ад крошечный. Когда, с наступлением осени, мы получили шинели, и нам дали двадцать минут перед отбоем, чтобы пришить погоны, и я попытался тоненькой иголкой проткнуть шинель, а вместе с ней толстый красный погон, и иголка резала и колола пальцы, а потом вообще сломалась, а утром на разводе кровь из носу уже надо было быть по форме, думал, с ума сойду.

Имитация

Чечня. Химой. Август 2000-го.

Когда подорвался **Таран**, об этом немедленно доложили в **Ботлих**. Через двое суток погиб **Подлас**. На следующий день за обоими пришла вертушка, а с ней приказ: по прибытии комиссии из группировки для расследования обстоятельств дела, о несчастных случаях не упоминать. Выдать все за нападение боевиков, а для этого заранее провести имитацию боя. Командование полка уже доложило в штаб группировки, что был обстрел **РОПа**. Последствия – двухсотый и легкий трехсотый. Решено было не допустить появления «несмываемого пятна на чести полка». Так нам объяснили. Хотя было понятно, чьи конкретно задницы в данной ситуации могли поиметь «несмываемые пятна». Но нам было все равно. Решили подняться на гору и обстрелять из разного оружия два поста, удалив на время часовых. Потом

сделать «ответный огонь», чтобы повсюду валялись стреляные гильзы. В числе этих двух был и мой первый пост, на который **Батов** поставил меня после истории с **Тараном**.

Батов и **разводящие** поднялись наверх и в течение получаса хуярили по первому и **второму** постам из СВД и калашей. Потом я расстрелял по кустам на склоне ленту-сотку из пулемета. Но комиссия так и не приехала. Зато когда я зашел на свой пост после обстрела, мне стало плохо. Крыша поста была из тонкого листа железа, стены – из наваленных кое-как камней. В саму крышу попало всего три пули, и можно было четко проследить траекторию движения каждой внутри поста. Пробив железо, пули бились о камни, рикошетили и начинали метаться между двух стен, все ниже и ниже, пока не ушли в землю. Это было отчетливо видно по царапинам и чиркам на камнях и дыркам в деревянных ящиках. Если бы на посту был часовой, за несколько секунд он превратился бы в отличный дуршлаг.

Я пошел к **Батову** и попросил разрешения во время несения службы укреплять пост. Он только рукой махнул – охувший от событий последних трех суток уже мало что соображал. Я соображал.

Опыт уже был и нехилый, и работалось легко. Как на втором, я сначала расширил и углубил яму. Натаскал здоровенных валунов. Выложил стены, которые стали теперь невысокими. Доломав крышу чеченского дома (см. **Химой**), разжился стальными прутьями. Из них сделал каркас для крыши так, чтобы расстояние между прутьями было не более двадцати сантиметров. Так он мог выдержать камни. На прутья настелил железо – сверху тройной слой плоских камней. Стены снаружи засыпал землей. Бойницы завесил остатками маскировочной сетки, как делал **Таран** на втором, и полностью выложил пост снаружи толстыми кусками дерна с травой. Теперь со стороны он напоминал небольшой холмик, а не хрупкую индейскую лачугу. Вся работа заняла у меня около недели и помогла отвлечься от грустных мыслей о **Таране** и **Подласе**.

К тому же через неделю после моей отправки в **Ботлих** первый пост был обстрелян со склона горы из автомата с глушителем. Была ночь, на посту стоял **чекист** – земляк **Тарана** – по кличке **Рука**. Не пострадал.

ИОПБ

Иркутская Областная Психиатрическая Больница. Дурка. Время от времени клиентами этого уважаемого заведения становятся солдаты, имеющие удовольствие проходить службу в Иркутском военном гарнизоне.

Иркутск

О службе в третьем батальоне рассказывать почти нечего. Там было скучно и мутно. Целыми днями мы занимались уборкой снега или реконструкцией монастыря прошлого века, находившегося на территории части и переданного когда-то со всеми потрохами полку.

Вспоминаю только один, очень сильно удививший меня эпизод. Я был в ночном патруле. Со мной ходил чекист, роду-племени не помню. Мы всю ночь бродили по территории полка с резиновыми дубинками, благо в Иркутске зимой значительно теплее, чем в долбаном Ангарске или, скажем, в том же Хабаровске. И вот идем мы мимо вещевого склада, а часовой нам орет: «Пароль!» Я называю пароль и кричу: «Патруль!» Часовой: «Пароль!» Я: «Оглох что ли?» И повторяю пароль. Часовой: «Пароль! Стоять, суки, стреляю!» А мы во время этого диалога все движемся по направлению к нему, и вот до него метра три, и я спрашиваю: «Ты че, брат, охуел?» Тут же раздается выстрел. Мы от испуга присели. Подбегает часовой, и возникает ситуация как в известном фильме: «А где бабуля? Я за нее». Оказывается, это он, пидор, так пошутил холостым патроном, приняв меня за своего кореша. Я стою в удивлении, оглядываюсь. Никого. Да случись такое в Ангарске, уже бы дежурное подразделение примчалось, полк в ружье бы подняли, звонили бы командиру части домой, шутка ли – стрельба на территории части! А тут ни хера! И часовой стоит – угорает.

Даже в самоход в этой части уходили прямо через КПП...

ИСР

Инженерно-саперная рота. Относилась наравне с [разведкой](#) и [ГСН](#) к разряду спецподразделений. А потому саперы имели привилегию на берцы и соответствующее третье место по положению в полку. Но люди там служили достаточно миролюбивые и спокойные. У меня было в этой роте много друзей. Саперы никогда особо не подчеркивали своего превосходства перед батальонными, и за это их уважали. Кстати, люди, которых хоть чему-то реально учили. Виды мин, способы установки, разминирования и т.д. В Дагестане срочникам-саперам доверяли самостоятельно ставить мины, растяжки, подрывать.

ИТК

В [Химое](#) было две солдатских кондейки, переоборудованные из полуразвалившихся чеченских домов. В первой нары были в один ярус –

там жил старший [призыв](#): деды, дембеля. Там были огромные пуховые подушки, ватные одеяла, магнитофон, туда был проведен свет, имелось большое окно, и было светло и просторно.

Во второй жили [чекисты](#) и призыв 9/1, то есть мы. Окон нет, тесно, грязно, нары в три яруса, человеческие тела в два слоя, под нарами на вещмешках спали лохи и опущенцы. Эту кондейку и называли ИТК. Объясню, почему.

По армейским понятиям дембель не желает позволить себе такого снисхождения, как «воспитание» чекистов собственноручно. Он чаще всего только отдает команды, и если ему что-то не нравится в поведении духов, напрягает молодых, то есть в данном случае 9/1. Все экзекуции проходили именно в нашей кондейке, где только что отъебавшийся призыв 9/1 давал выход накопившейся за год злости. Мне в этом смысле повезло, поэтому я в истязаниях участия не принимал. Моя чекланка в отличие от тех 9/1, что сразу попали в командировку, длилась положенные полгода и уже несколько месяцев как закончилась. Я «подлечил» истерзанную свою психику в Ангарске.

Любого провинившегося посылали в ИТК, положняки 8/1 могли отправить туда и какого-нибудь «залупленного» или «лоха» и своего призыва.

Бал в ИТК правила минометная батарея. Они были здесь с самого начала РОПа Химой и таскали в феврале из деревни мебель для офицеров под пулями снайпера¹, к тому же почти все были земляки – из Амурской области, и из одной роты, в отличие от тех же мотострелков, которых присылали без разбора из разных батальонов и частей.

А посему и экзекуции имели специфический характер. Специально для этого с минометной позиции приперли три тяжелых мины, которые прятали от **шакалов** под нарами, рядом с бидоном, в котором настаивалась брага.

Однажды ночью командир РОПа, майор Антонов (АЗДН), зашел в ИТК с фонариком в руках и лицезрел такую картину: два потных чекиста качались – первый поднимал на бицепс мину, удерживая ее за набалдашник одной рукой и за хвостовик другой, второй приседал в быстром темпе с двумя минами на плечах, развивая таким образом квадрицепсы и заднюю поверхность бедра, а также значительную нагрузку получали, я думаю, мышцы спины. 9/1 с любопытством наблюдали за всем этим. Не сказав ни слова, майор поднял РОП, всех, без исключения, и построил напротив минометной позиции. Ярко светила луна. По одному, колонной, мы подходили к миномету, и каждый брал из ящика мину. Потом снова построились. Майор дал команду: каждому взять мину на правое плечо. Мы взяли и простояли так, не двигаясь, полчаса. Потом разрешил переложить на левое. Еще полчаса. Потом снова. Килограмм пятнадцать она весила точно. И так мы простояли почти четыре часа. Потом, невыспавшиеся, с трясущимися коленками заступили на посты.

Ишаки

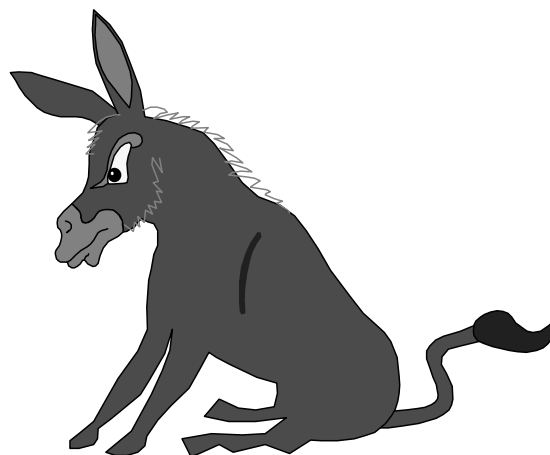
В огромном количестве носились вокруг территории полка в **Ботлихе**, сотрясая воздух дикими протяжными воплями и радуя глаз рядового солдата частыми мощными совокплениями – каждый раз будто последний, просто океаны страсти, завидуя...

Однажды гауптвахте было дано задание поймать двух «пепельно-серых» ишаков, которых планировали преподнести в качестве подарка какому-то генералу из группировки. На киче тогда сидел Таран. Утром они беспрепятственно

¹ Вполне реальная история, рассказанная теми же АЗДНщиками. Деревня располагалась уровнем ниже того места, где должны были оборудовать РОП. Солдат высадили в деревне, оттуда наверх таскали все пожитки и две кровати и стол, позаимствованные у чеченов, когда из «зеленки» на горе начал бить снайпер. Залегли. Полежали какое-то время, да делать нечего, поступила команда продолжать. Так и тащили, падая через каждые два метра. Но обошлось без жертв. Хуевый, наверное, был снайпер.

выходили за ворота и целый день носились по всему Ботлихскому району в поисках ишаков нужной расцветки. Но чаще всего их заносило за **Алипен**, где текла река и было несколько деревень с большими фруктовыми садами. К вечеру Таран приносил яблоки просто чудовищных размеров. Я даже не знал, что такие бывают.

На поимку самца и самки у них ушла неделя.

Камиль и Саид

Два друга, единственные дагестанцы, призыва 9/2, служившие в **Химое**. Всем до них было все равно, и они жили сами по себе, ни с кем особенно не общались. Но однажды меня пригласили на сходку 9/1. Оказалось, что на повестке дня вопрос о решении серьезной проблемы: призыв 8/1 весьма обеспокоен тем, что «чекисты тащатся» (старший призыв всегда этим обеспокоен). «Таски» в данном случае касались именно дагов и, в частности, того, что они носят кроссовки.² По традиции за самый младший призыв дембеля спрашивали со следующего за ним, то есть с нас – 9/1. Тяга сообщил: 8/1 обещали ему, что если к утру следующего дня даги не обуются в сапоги, то их наденет весь призыв 9/1. Нас было девять человек, и никакого желания залезать в сапоги мы не испытывали. Решено было собраться всей кучей, вечером двинуть на пост к дагам и любой ценой заставить их принять «наши» условия. Крепких спортивных дагов всегда боялись, поэтому и валить их решили кучей. Тогда я взял слово и сказал, что попробую их уговорить. Мне не было никакого резона участвовать в этой гнусной операции по следующим причинам (перечислю в порядке их значимости): 1. С первого же дня своего пребывания в Химое я сумел поставить себя так, что никакой ни дед, ни дембель, никто не смог бы заставить меня

² На РОПах была официально разрешена легкая обувь всем без исключения.

делать то, чего я не хочу. Тут я был абсолютно спокоен. 2. Оба дага мне лично были симпатичны. Они были тупые, но веселые. Часто я играл с ними в шахматы (кстати, тупые-то они тупые, но, справедливости ради, - выиграл я только раз) или пиздил у чеченов яблоки. 3. Из соображений, с позволения сказать, морали. И вообще мне вся эта поебень нездоровая за почти полтора года надоела. Я не хотел крови.

Итак, никто не возражал, и я отправился на переговоры. Я нашел Саида на дереве, он лакомился тутовником. Я залез к нему и мы, беседуя и жуя ягоды, просидели там больше часа. Я втолковывал ему за армейскую жизнь, за призыва, рассказывал про хабаровскую учебку, про то, как мы там летали, и объяснял, что это просто блажь зажавшихся дедов, и что подчиниться стоит только на время, что через неделю обо всем этом забудут, и можно будет снова носить кроссовки. Дагестанец не понял и половины, но понял, что если не уступить, будут проблемы. Он обещал передать все это Камилю. «Вечером пиздить вас придем», - сказал я на прощание и слез с дерева.

Когда стемнело, мы, девять человек, пришли на пост у склада боеприпасов. Я, сделав все, что мог, был настроен решительно: поддержать свой призыв. Саид был в сапогах, Камиль в кроссовках. Он сказал, что не может найти свои сапоги и переобуется утром. Все с облегчением вздохнули. Я был удивлен и обрадован хэппи-эндом и занялся Малым, который, заранее накурившись для

Саид в ботлихском карауле

храбрости, теперь рвался в бой, совершенно не понимая, почему мы уходим так никого и не отпиздив.

Капитан Сысоев

Да, совершенно голый, с кучей справок в руке – тебя забирают в армию. Когда все эти справки обросли наконец печатями и штампами «годен», а позади осталось не менее пяти кабинетов, я оказался в последнем - кабинете с «покупателями». Они сидели за длинным столом и выбирали «товар». «Товар» робко стучался и заходил, прикрываясь справками. Они – морские офицеры, пограничники, РВСН, морпехи и хрен его еще знает кто, бегло осматривали, хмурили брови и штамповали личные дела. Меня подозвал суровый представительный офицер в красивом новом камуфляже. Высокий, худощавый, черно-белый шеврон с мордой тигра на рукаве, на груди крест со скрещенными мечами. Задав несколько традиционных вопросов, он поставил на мое дело печать МВД, а на карточке накатал красной ручкой (так и не понимаю до сих пор зачем) «спецназ». «Круто», подумал я. – Филолог, блин, в спецназе. Круто».

Мы прожили в [тигрятнике](#) еще два дня, так как Сысоев еще не набрал положенного количества людей. Иногда он появлялся в казарме и вызывал нас в коридор. «Отобранные во Внутренние Войска, на выход!» Блядь, как это звучало в его устах! Это звучало как «Крутые парни, настоящие мужики, будущая элита наших вооруженных сил – за мной, остальное дерьмо остается здесь!» Он строил нас в шеренгу в коридоре и начинал говорить. Рассказывал о том, какой замечательный боевой полк, куда мы поедем, какие хорошие грамотные там офицеры, о том, как нам ужасно дико невероятно повезло, и каких из нас там сделают профессиональных убийц. И все это убедительно так, тоном не терпящим возражений... усомниться в его словах было просто невозможно. Грамотный, сука...

В поезде Сысоев снова принялся пиздеть о том, в какой замечательный полк мы едем, какая там баня, санчасть, про клуб, про кино каждые выходные; как тренируется спецназ, чем отличается он от мотострелковых рот и каких высококлассных специалистов там готовят.

Рассказы подобные своего рода прием: все молодые, все боятся армии, все на нерве, всех только что оторвали от мамкиной сиськи, зачем им еще страсти всякие рассказывать? Нет, их наоборот нужно успокоить, а то еще сиганут с поезда, а присягу они еще не приняли, военнослужащими не считаются, да и офицеру влепят – куда смотрел? Зачем ему это все... Но

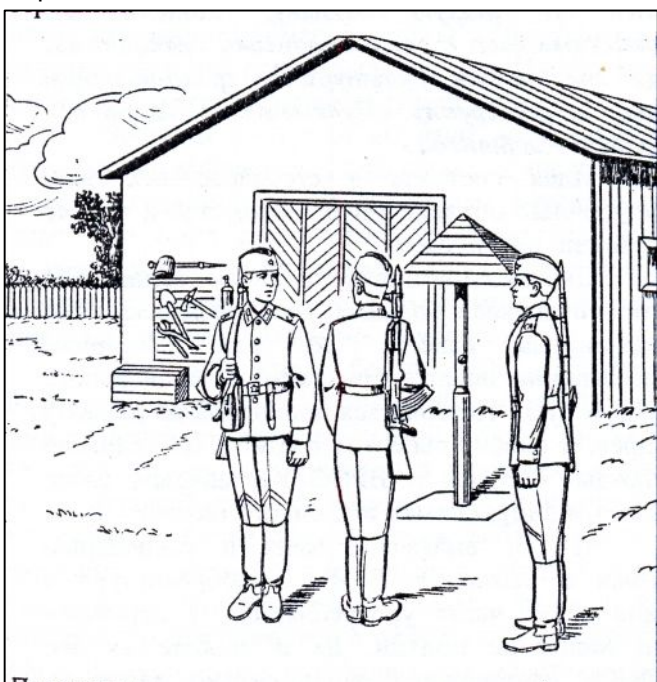
осталось такое чувство вроде обиды на Сысоева, хотя, пожалуй, не обиды даже, а стыда за самого себя, за доверчивость и наивность почти детскую, что слушали всю эту ересь... Хотя один САшник через год рассказывал мне, что когда их везли в Тынду, офицер всю дорогу впаривал им, что часть, куда они едут, даже забором не обнесена, а на самой территории произрастает множество яблонь всевозможных сортов – бери да ешь. И они поверили!

Капралы

Офицеры так называли сержантов. В этом слове выражено все презрение офицера к солдату срочной службы.

Караул

В учебке караул был единственной отдушиной для нас: сержанты почти не доставали нас там, опасаясь, видимо, что кто-нибудь психанет и откроет пальбу – случаев таких сколько угодно. К тому же, заступая на пост, каждый из нас получал два часа покоя, одиночества, редкого в армии, и «неприкосновенности», оговоренной в *Уставе*. Никто к тебе не лез, никому ты не был должен, пока стоял на посту. Правда, было просто по-зверски холодно, особенно по ночам, и нередко все два часа я проводил приседая на вышке, отжимаясь или бегая по кругу, если пост был «подвижным». Холодно было и в маленькой комнате отдыха караула, спать ложились не раздеваясь, наворачивая на себя все одеяла и тряпки, и заткнув подушками разбитое окно. Вонючка стояла страшная.

Большим плюсом считалось то, что не надо было ходить в столовую – еду приносили сами в караулку. Везло, конечно, только той смене, которая в это время бодрствовала. Накрыв стол начкару и сержантам (туда уходили самые жирные куски, самые чистые ложки и тарелки), жрали сами. Та смена, что в это время спала, после подъема получала крайне мало, но ничего не могла предъявить. Откуда им было знать, сколько всего принесли **балабаса**. Те же, кто в это время стоял на постах, по возвращении получали на стол жалкие остатки. Это являлось причиной постоянных конфликтов и возникновения наиболее безобразных сцен во время составления очередного графика несения службы.

В **Ангарске** в караул я попал уже ближе к весне и заступал разводящим, что было причиной недовольства старшего призыва, но никаких особых трений по этому поводу не возникало.

В **командировке** каждый второй был сержантом, и в **Ботлихе**, и в **Химое** я заступал обычным часовым, став **ПНК** только перед самым дембелем.

Кач

Качем заменяли прямое физическое воздействие, которое само по себе, конечно, более действенно и проще, но иногда может выйти боком. Закачать же до полусмерти чекиста – милое дело: ни оторванных селезенок, ни отбитых почек, ни сотрясений мозга, никаких синяков. А стоять в течение получаса в упоре лежа на запястьях... уж я бы лучше выбрал по почкам.

Самый забавный, на мой взгляд эпизод, касающийся кача, имел место в Ангарске, когда мы только вернулись из Хабаровска и принялись «экспериментировать», примеряя на себя новые роли сержантов. Мы опробовали на своих чекистах все, чему нас научили в сержантской школе – применялся весь богатый арсенал пыток и издевательств, через которые мы в свое время прошли сами, и занялись импровизацией.

В ту зиму в полку работала комиссия из Иркутска. Работали с чекистами. Нормально ли вас кормят? Как вы одеты? Не обижают ли? И вот один из членов этой комиссии, жирный майор, поднимается по лестнице к казарме учебного сбора, чтобы провести анонимное анкетирование среди новобранцев. Открывает дверь, заходит и видит дневального-чекиста, но не стоящего на своей тумбочке, а в упоре лежа, на запястьях, да еще и «на полтора». Рядом, небрежно облокотившись о тумбочку, стоит младший сержант Качанович и медленно подает счет.

Качан

Качанович. Хитрожопый белорус. Мы вместе проходили чекланку в [Хабаровске](#), в одном взводе. Он постоянно балансировал между недовольным задроченным большинством и небольшой кучкой сержантских шестерок. Все время что-то себе тихонько думал, внимательно прислушивался к чужим разговорам. Когда курсанту Баскареву мать привезла новый комок, подошел к нему и попросил продать старый, хотя к Качану ни разу никто за всю учебу не приезжал, и денег ему, по идее, взять было неоткуда. Баска отказался, а Качан не настаивал. В ту же ночь комок пропал. Его вытащили прямо из-под подушки, а Баска даже не проснулся. Зато через месяц, уже в Ангарске, у Качана появился новый китель, подозрительно похожий, а потом и штаны аналогичной расцветки (комки носились самые разные, но такой, с рыжеватыми пятнами, был, наверное, единственным на весь Восточный округ Внутренних Войск).

В Дагестан Качан уехал с первой партией, и более полугодом просидел на Зиберхали. Второй раз я увидел его только когда мы, дембеля, построились на плацу в [ПВД](#), перед погрузкой на УРАЛы для отправки в Махачкалу. Качана спустили с горы за какой-то косяк вместе с зиберхалинскими дембелями, и теперь он стоял на левом фланге без ремня и в грязном бушлате в строю гауптвахты. Я его окликнул, он посмотрел и заулыбался: «Домой!..» Ему оставалось еще несколько месяцев.

Кино

Показывали в воскресенье вечером. В [Хабаровске](#) мы шли в клуб, совершенно не интересуясь, какой будет фильм. Для нас это были два часа передышки, когда можно было спокойно сидеть, развалившись, и никто тебе слова не скажет. Приятно гудели натруженные за день ноги. Хреново было тому, кто, не выдержав, засыпал. [Сержанты](#) за этим следили очень тщательно. Начинаящего

клевать носом сразу радовали прямым в ухо или в лоб. А в сон клонило очень сильно. Бороться было практически невозможно, так мы были измотаны этой службой.

В [Ангарске](#) я уже хотел просто посмотреть что-нибудь «гражданское», отвлечься. То тут, то там вспыхивали в темноте огонечки – курили без палева в ладошки.

Кираса

О! Это песня! Бронежилет весом около 16 килограмм. С каждой стороны на груди и спине толстые стальные пластины, титановая «чешуя», киваровая ткань. С этим предметом у меня связано много поистине сладостно-мазохистских воспоминаний. Походы на *стрельбище*, утренние и ночные подрывы «в ружье», когда, еще не сообразив, что ты уже проснулся, сверху на себя набрасываешь первый попавшийся броник, который оказывается, естественно, не по размеру, и пластины одновременно бьют тебя в пах и по копчику. А также много километров, намотанных во время изнуряющих подрывов в [Химое](#), устраиваемых регулярно нашим придурковатым [лейтенантом](#), когда я еще был и [пулеметчиком](#), и, соответственно, бежал наверх, на самый дальний (к тому же) пост, таща на себе еще и девятикилограммовый пулемет и две коробки с лентами (примерно десять-двенадцать килограмм). И пока я, таким образом нагруженный, добежал до своего любимого [второго поста](#), и мне оставалось пройти буквально пять-шесть шагов, чтобы, матерясь и истекая потом, рухнуть на дно окопа, внизу уже звучала команда: «отбой!» Приходилось спускаться, и все начиналось сначала. Иногда так по восемь-десять раз подряд без перерыва.

Заступая на посты, мы чаще всего просто безжалостно выбрасывали пластины или «чешую» с киварой куда-нибудь под скалу или зарывали в снег. Это было совершенно безопасно, так как кираса каждый раз надевалась разная. Бронежилет становился намного легче, а ты немного меньше походил теперь на квадратного киборга.

В Химое кирас боялись. По рассказам офицеров, прошедших не одну войну, первый слой кирасы легко пробивался усиленной пулей АК 5.45 (это мы и сами проверяли), она проходила через тело, отталкивалась от второго слоя и начинала «блуждать». Таким образом, пуля, войдя в грудь, запросто могла выйти где-нибудь в районе бедра. Поэтому в брониках стояли только на постах, которые просматривались с офицерской кондейки. На остальных ими пользовались как подстилками. Очень удобно, кстати, кираса из-за своей жесткости ложилась как «стул».

Кича

Совершенно лютая кича была в [Хабаровске](#). Один из наших [сержантов](#) сидел за потерю штык-ножа, а вышел, плакал от радости. Если для арестованных не находилось никакой грязной работы, то они просто «качались» весь день в дворике гауптвахты. Много, конечно, зависело от начгуба, но, зная хабаровских [шакалов](#), сомневаюсь, что хоть кто-то из них относился к заключенным лояльно. В карауле, который находился рядом с помещением гауптвахты, мне довелось тащить с кичи двух [чекистов](#), пытавшихся покончить жизнь самоубийством: они перерезали себе вены осколками стекла после нескольких дней пребывания там. Один был в сознании и все время стонал. Второй едва дышал. Оба довольно скромной комплекции, казалось, весили не меньше сотни каждый. Но больше всего удивило отношение к происшедшему офицера, бывшего в ту ночь начальником караула. Когда принесли тела и бросили их в караульном дворике, он подошел, пнул слегка одного и сказал: «Лохи».

Сам я попал на гауптвахту в [Ангарске](#) из-за пустяка и в самый неподходящий момент – прямо перед празднованием дня ВВ. 24 марта 2000-го года я должен был заступать старшим в наряд по КПП. Мы собирались на развод. Дневальный приволок три броника, [ПРы](#) и свалил все в кучу возле [КХО](#). Я копался в этой куче, выбирая себе броник полегче, когда появился [Ярема](#) и стал орать, что снаряжение находится в «непотребном» виде, и что нам давно уже пора было выйти на развод. Я осторожно заметил, что до развода еще десять минут, и что броники так бросили не мы, а дневальный. Я зря это сделал, Ярема был сильно удолбан и пришел в такую ярость, что сбил рукой с моей головы шапку – пиздобычиху, - а он вообще-то никогда не позволял

себе трогать солдат. Затем доебался до того, что я, дескать, еще не сдал ему дежурство по роте, которое закончилось вчера вечером. Это было правдой. Всю ночь рота сушила простыни (см. [Ярема](#)), и когда в четыре ночи я поднес Яреме книгу для росписи в принятии смены, он сказал, чтобы я шел спать. «Утром подпишу». С утра его не было, а так как людей у нас не хватало, то я прямо с одного наряда заступал в другой. И вот теперь это оказалось каким-то страшным проступком. Объяснять, спорить было бесполезно. Он орал: «Янцева сюда! Командира роты! Трое суток ареста!» Начал срывать с меня шевроны и лычки. И все это при [чекистах](#). Когда пришел Янцев и спросил, что он должен написать в арестзаписке, Ярема процитировал ему какую-то хуйню из Устава, что-то про «невыполнение приказа командира» или в этом роде.

Янцев всегда относился ко мне с симпатией и, понимая, что дело в сущности выеденного яйца не стоит, и, надеясь, что Ярема, отрезвев, завтра обо всем забудет, не стал сажать меня в тот день. Я все-таки заступил на КПП, но на следующее утро, выходя из дверей казармы, столкнулся с Яремой. Он ничего не сказал, но в тот момент стало ясно, что кичи мне не избежать. Сменившись с КПП, я вернулся в роту, и Янцев сказал: готовься. Я пошел к дедам. Никто из них не высказал никаких эмоций по поводу моего ареста. Бык даже как-то обрадовано сказал: «Ничего-ничего! Что ж это за армия, если на киче не побывал? Тебе уж на дембель скоро, а еще ни разу не сидел!» Да уж, во всем, конечно, можно найти и плюсы.

Итак, за приобретением опыта. Как не хотелось! Но делать нечего, пошел к каптере, отдал ему на хранение личные вещи, деньги, выбрал камуфляж погрязнее, переоделся и в сопровождении молодого

литехи–таджика отправился в штаб. Всю дорогу таджик на ломаном русском ругал Ярему и недоумевал, за что меня наказывают. В штабе оформили, как положено, и отправили к остальным, убирать снег на плацу.

Сидели тогда трое. Все они недавно вернулись из Дагестана. Один – бурят – проломил там кому-то голову, второй – тувинец Монгуш¹ (см. [Разведзасада](#)) – что-то спиздил на продскладе,² третий – русский – Илья спалился с обменом гранаты, да и здесь уже успел накосячить. Все они были призыва 8/2. Всех их я видел впервые. В тот же день они дружно пообещали отхуярить меня в туалете за то, что я отказался убирать снег, пока они перекуривали. Но этого не случилось, и в итоге мы

то на КПП и при определении на кичу за все те подвиги при нем нашли три башика гашиша. К моменту моего попадания на кичу Илья сидел там уже больше месяца и даже не знал своего общего срока.

Ночью спали в вестибюле штаба, не раздеваясь, постелив на бетонный пол матрасы, укрывшись бушлатами. Официально кичи в полку не было, поэтому в самом помещении гауптвахты за все время ареста, я, слава богу, не ночевал ни разу. Днем убирали снег. Условия были, в общем, довольно сносными, если не считать неудобного сна и постоянно мокрых от снега ног. Гауптвахта была, что называется, «в законе». В столовой кухонный наряд старался дать больше хлеба, а мы и не

Ангарск. Бывшие чекисты. Теперь - сержанты учебного сбора

поладили. Особенно я подружился с Ильей, который оказался умным парнем с хорошим чувством юмора и грамотной речью, что в армии большая редкость. Сын учительницы из Иркутска, в Дагестане он спалился на продаже местным патронов и гранат с оружейного склада на окраине [Ботлиха](#), имел неприятности с полковым ФСБ, и был досрочно откомандирован в пункт постоянной дислокации. Сразу же по возвращении в Иркутск подрался с кем-

¹ Монгуш был уникален в своем роде. Отсидев больше месяца на киче, он снова записался в командировку, и мы вместе ехали в Дагестан. Он был, как бывалый воин, нашим гидом.

просили даже, из батальона подгоняли фильтровые сигареты, из [санчасти](#) Башмак передал сгущенку. Все было нормально, вот только обида на незаслуженное наказание. Тем более что приближалось 27 марта – день Внутренних Войск, в который, кроме праздничного обеда ожидалась «раздача слонов» – присуждение очередных званий, и я должен был получить сержанта. Вместо всего этого ни за что попал на кичу. Однако и 27-е прошло как нельзя лучше. В последний момент выяснилось, что на торжественное построение для демонстрации [«Связи времен»](#) не хватает людей, и по приказу [кыра](#) на плац был выведен кухонный наряд. Кто же

будет работать в столовой, куда весь полк отправится чревоугодить сразу после официоза на плацу? Итак, впервые в истории полка гауптвахта, вопреки всем санитарным нормам и здравому смыслу, заступила в кухонный наряд – прямо в тех грязных вонючих бушлатах, в которых спали мы на голых матрасах и убирала мусор и снег. Мало того, что обед был по армейским меркам чрезвычайно вкусен, выяснилось вдруг, что к Илье приехала мама. Содрав с шапки какого-то чекиста кокарду и у него же забрав ремень, Илья рванул без палева на КПП, а через полчаса вернулся с двумя полными сумками. В тот день гауптвахта кушала лучше всех в полку и курила, и пила. До вечера мы тянули время, оставаясь в столовой, а в 20.00 срок моего ареста истек (Никто, кстати, кроме меня, об этом не вспомнил. Пришлось напоминать о себе. Начгуб спросил: «Может, завтра выйдешь?»). Я вернулся в роту и дал пизды каптере, который не прислал мне в баню портянок, и объяснил ему, что помогать гауптвахте – закон, так как никто от этого не застрахован.

Илья просидел еще месяц.

Клеймение

Помимо основных клейм с номером воинской части солдаты сами отмечают на одежде имя, фамилию, год призыва, роту. Это происходит примерно так. Приходит сержант, дает хлорку и говорит: вот от кармана отступаете два сантиметра вниз и рисуете рамочку четыре на шесть сантиметров. Делите ее пополам. Сверху пишете имя и фамилию, внизу – роту (4МСР¹, например). Начинаем делать, как он сказал. Тут приходит второй сержант и говорит: охуели что ли? Ты че им сказал? Не надо пополам делить! И отступать от кармана нужно не два, а шесть сантиметров! И не вниз, а влево, долбоеб! После короткой их перебранки бойцы зачеркивают (хлоркой же) уже написанное и рисуют новую рамку. А потом приходит офицер проверять, и выясняется, что рисовать вообще надо было не на правой, а на левой стороне кителя, а на кепке так, чтобы можно было прочитать написанное, повернув ее к себе козырьком.

Климат

В Ангарске сильно мешало отсутствие влажности. Зато, попав в Хабаровск, я почувствовал себя как рыба в воде: воздуха глотнул, что напился. Парни же из Сибири на второй месяц начали натурально

гнить. У них открывались мерзкие язвы, особенно много на конечностях. Ни у одного приморского ничего подобного не было.

В Дагестане днем было очень жарко, даже когда осень наступила. По ночам - Северный полюс. Более приемлемым был климат в Чечне. Жара, конечно, тоже, но не сильная, и по ночам вполне терпимо.

Клички

Давались как-то сами собой. Меня, например, называли и «Большой», и «Философ» и «Иваныч», и еще как-то, не помню уже даже.

КМБ

Курс молодого бойца мы проходили в специальном полку АЗДН, находившемся недалеко от оперативного. Продолжался он три недели, и за это время сержанты 8/2, только что вернувшиеся из хабаровской учебки, смогли так задрочить нас строевой подготовкой, зарядками, которые больше походили на сдачу на краповый берет («на краповые носки», как они угрюмо шутили), и своими ебанутыми приколами, которые привезли из

¹ Мотострелковая рота

Хабаровска, что когда меня самого отправили в Хабаровск, я испытал огромное облегчение. Сержанты же прокомментировали это так: если вам кажется, что здесь вас драчили, то в Хабаровске охуеете, на стены полезете, - и были правы.

По возвращении из Хабаровска я сам как командир отделения попал на КМБ к 9/2. И если у нас на КМБ, проходившем летом, преобладала строевая подготовка, и сержанты могли тащиться, попивая сок в тенечке и глядя, как мы ебемся на жаре, то у 9/2 основным занятием на КМБ была уборка снега, и мы, сержанты, мерзли даже больше их, так как не работали, а «контролировали».

Книги

Кроме Устава мало что удалось за полтора года прочитать. Да и Устав, честно говоря, - пару обзацев. В [санчасти](#) в сотый раз перечитал «Мастера и Маргариту», в [Химое](#), на посту, про Кима Филби и Британскую разведку. Больше, пожалуй, ничего.

КНП

Контрольно-наблюдательный пункт. В Химое представлял собой небольшое типа сооружение из камней – чуть больше обычного поста, и установлен был на углу вертолетной площадки между первым и вторым постами – место наиболее выгодное в плане обзора.

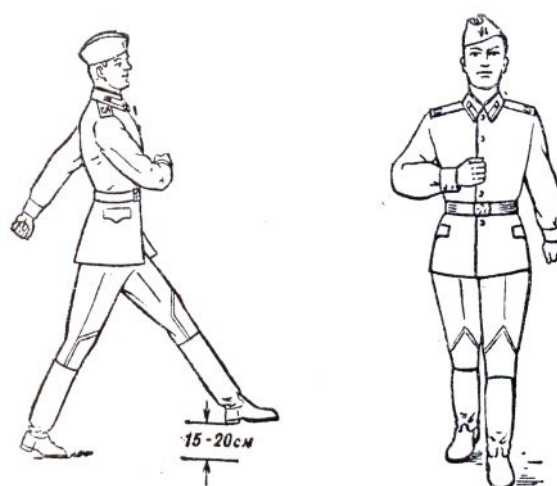
Когда [лейтенант Батов](#) освоился в Химое, первым его нововведением было переустройство КНП. Сначала мы просто его сломали. Потом раз в пять-шесть увеличили яму в ширину. Натаскали крупнейшую кучу камней и выстроили НЕЧТО размером примерно метров десять в длину и метра четыре высотой. Батов не врубался. Делать такие высокие стены из ничем не скрепленных камней было идиотизмом. Я не упустил случая ему на это тактично намекнуть и указать, как пример, на строительство [второго поста](#), которое проходило одновременно. С каждой такой умной репликой я сокращал время своего пребывания в Химое.

Месяц август первым же дождиком разрушил все наши старания. Высоченная, толстенная стена КНП огромной кучей просто осела вниз, по счастливой случайности не задавив к ебням смену, как раз проходившую мимо.

Коллективное воспитание

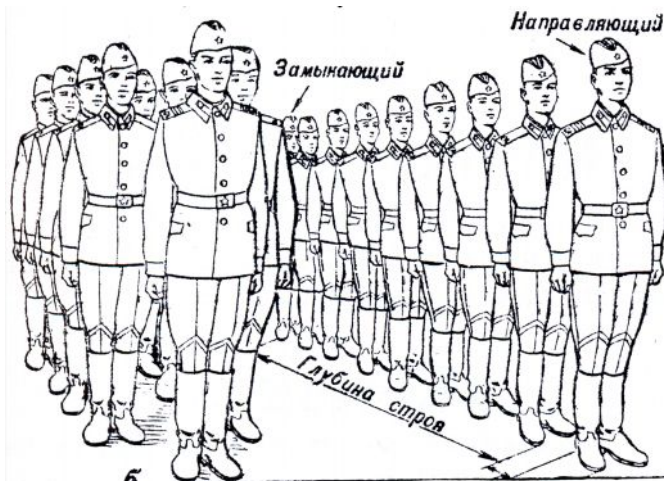
Почему же все-таки 100-200 здоровых парней, в большинстве своем вовсе не «лохи», позволяли дрочить себя шести-семи сержантам? Сказать «дедовщина», значит, ничего не сказать. В кино все видели, что такое «дедовщина». Это когда «деды» накачанные и злые, а «духи» - слабые и беззащитные. Куда деваются слабые «деды» и физически развитые «духи», ведают только режиссеры и сценаристы. Если есть мысль, что когда «деды» увольняются, немощные «духи» хватаются за гантели и до прихода новобранцев быстренько создают себе устрашающую внешность, то лучше сразу успокоительного и баиньки... Но если даже предположить, что так оно все и есть... одними мышцами тут все равно не справишься - ну, что такое шесть каких угодно культуристов против двухсот человек, пусть даже не очень развитых физически? Тени и пыль...

За последние десять лет поставлено огромное количество фильмов, написаны тысячи статей, сняты сотни репортажей об армии. В большинстве случаев это, наверное, правда. Но правду можно подать по-разному. Можно показать сюжет о том, как старослужащие избивают солдат («Человек и закон»). «Деда» сами сняли это на камеру. Сюжет этот я посмотрел за месяц до отправки в войска.), а потом срежюмировать: и такова наша армия! и долго еще ахать и охать по этому поводу в эфире. Можно сделать давящий на гниль репортаж о том, как с погранзаставы сбежал рядовой Писькин, начать журналистское расследование и в итоге упечь несколько человек за решетку. Думается, это не так уж и сложно. Гораздо труднее проникнуть в суть явления, разобраться в причинах, тем более что перед любым посторонним человеком в казарме по старой доброй традиции устроят такую показуху, что только мир и дружба. Какое там расследование... Откуда знать человеку с камерой, что сбежавшему рядовому Залупкину просто захотелось к маме или к Клавье? Сам он этого не скажет. В Ангарском

оперативном полку был такой чекист по кличке Усов (призыв 9/2), который на моей только памяти сбегал три раза (это в течение месяца), хотя его никто не трогал (в Ангарске - себе дороже). Просто захотел домой. Когда в третий раз его поймали на иркутском автовокзале, оклеветал сержанта, заявив, что не спал ночей, писал за него конспекты. Восхищает, кстати, меня гениальное, чисто армейское решение этого вопроса командиром полка. Не раздумывая долго и не желая разбираться в том, кто прав, кто виноват, он распорядился посадить на кичу обоих. Попав на кичу, Усов начал косить под энурезника - мочиться под себя. Его перевели в санчасть, там он лежал голый на клеенке, с рукой, пристегнутой наручниками к дужке кровати. И что теперь об этом дерьме на всю страну кричать, что он жертва армейского беспредела? А человеку с камерой и не надо знать, что мальчик просто захотел домой. Это не интересно. Не интересно снимать передачу о первых ощущениях и мыслях парня в армии. Уж лучше человек с камерой скажет еще раз о неуставных взаимоотношениях, снимет издалека КПП части и возьмет интервью у военного прокурора округа, которому не останется ничего, как пообещать, что «виновные будут наказаны». Чего еще? Репортаж готов, и у очередной мамы сильнее забьется сердце при мысли, что, может быть, и ее сыночка-роднулечку ожидает нечто подобное. Интересным не может быть сюжет о том, как солдаты убираются, ходят в баню и на стрельбище. А вот если один другому череп проломил, это уже кое-что. «Ботва! Они интересное любят!» Я не спорю, есть откровенные подонки, которым увидеть му-чения другого, показать свою власть, унижить - в кайф. Но таких - единицы. Тем более, чтобы иметь в армии авторитет (впрочем, как и везде), нужно обладать очень сильным энергетическим потенциалом, иметь какие-никакие мозги и стальные нервы, мускулы здесь не при чем. В Хабаровске всю нашу учебную роту, включая сержантов, «держал» старший сержант Потешкин - маленький человечек, которому беспрекословно подчинялся даже Вася Маевский - мастер спорта по боксу. За полтора года Потешкин много в этой армии видел, пережил и передумал, и этот «багаж» в сочетании с сильной волей давал ему редкую власть над людьми. Ему никто не смел возразить. Хотя почему бы, скажем, тем же сержантам не объединиться и, воспользовавшись своим численным преимуществом и силой, просто не взять, да и не послать его на хуй? Почему мы - сорок пять человек - не только не могли завалить семерых сержантов, но даже и не пытались? Даже мысли такой не допускали, а позволяли день и ночь издеваться над собой морально и физически?

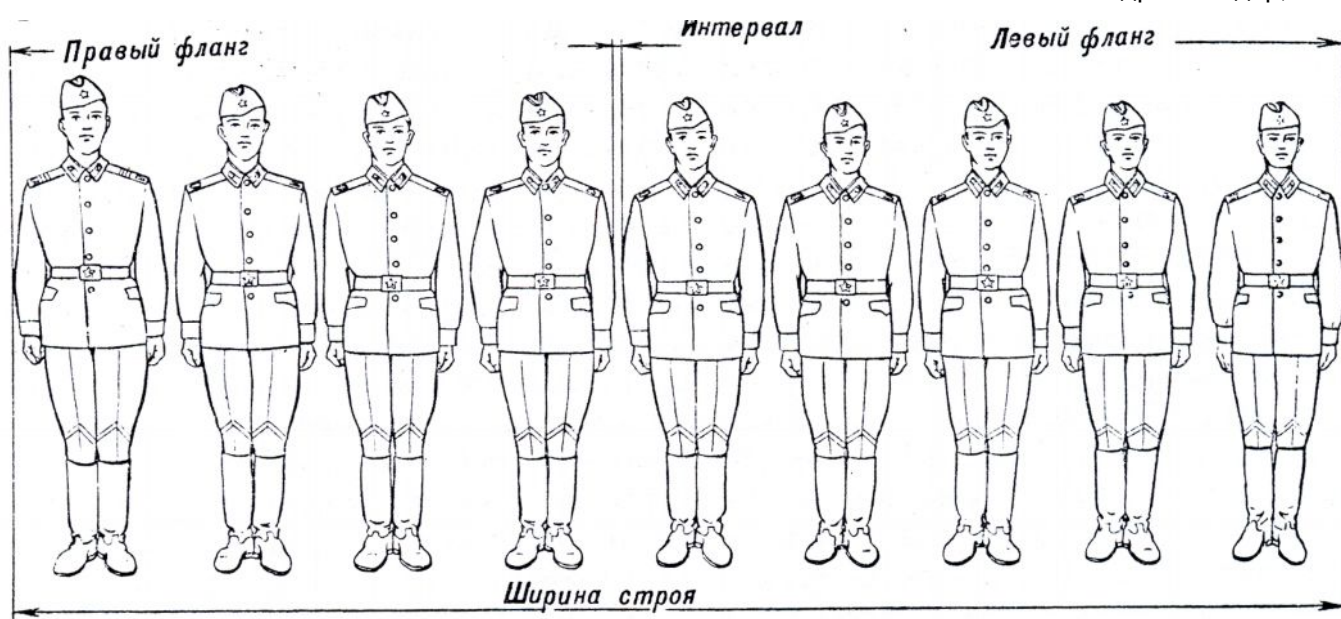
Как было сказано выше, после распада Союза об армии стали говорить гораздо больше и освещать в основном отрицательные стороны ее жизни. Комитет солдатских Матерей, громкие судебные дела, пресс со стороны СМИ на

высокопоставленных людей в погонах - все это сделало свое дело. В армии официально признали существование «неуставных взаимоотношений», а, признав, объявили о борьбе с этим позорным явлением. И борьба началась. Но как? Как всегда и все у нас - через «отверстие конечной части пищеварительного канала, служащее для удаления из организма не переваренных остатков пищи»... Бестолково и лишь бы галочку поставить. Во Внутренних Войсках, где я имел удовольствие служить, «охота на ведьм» достигла своего пика как раз в год моего призыва - 99-й. В этот год командование ВВ объявило по всем своим округам директиву, смысл которой можно передать тремя словами: НАЙТИ. НАКАЗАТЬ. ДОЛОЖИТЬ. В виде пышных лозунгов, оформленных в лучших традициях совдепии, она висела по всем частям МВД. Я видел одни и те же слова на красном кумаче и в Иркутске, и в Хабаровске, в Ангарске, и в Махачкале. В Ангарске каждое воскресенье на полковом разводе нам сообщали радостные вести с полей боев с «дедовщиной» и неуставняком: «В ... - м гарнизоне, в/ч №..., ...-го числа месяца 1999-го года, будучи старшим кухонного наряда, сержант Залупкин уебал сковородой рядового Писькина и отстегнул ему тем самым селезенку. Суд, три года дисбата». Ежемесячная демонстрация по видео: репортаж из зала суда. Обвиняемый совсем не похож на страшного «деда», он плачет и трясется, наверное, полон раскаяния, и просит его простить. Дальнейшая судьба его ни у кого не вызывает желания подражать. Активно работают органы ФСБ, у которых, как мне кажется, есть некий план: к концу квартала сдать троих с неуставняком, например. Уебешь чекиста, даже если за дело, а потом сидишь и трясешься: сдаст не сдаст? посадят не посадят? Но, как я понимаю, исходя из вышеозначенных причин, еще до 99-го года изобретен был уникальный метод управления личным составом почти без нанесения побоев и какого-либо прямого физического воздействия вообще. Овладевший в совершенстве этим методом получал в свое полное распоряжение самых настоящих рабов и при этом мог совершенно не опасаться наказания. Максимум гауптвахта, да и то при самом неудачном раскладе.

Одним зимним вечером на КМБ у призыва 9/2 в Ангарске командир учебного сбора - старший лейтенант Щербаков - собрал всех сержантов в канцелярии и, плотно прикрыв дверь, поинтересовался: почему рота тащится? Почему так долго строится на развод и в столовую? Почему полчаса приходится звать дневального? Почему уборка территории проходит абы как? Почему внешний вид личного состава оставляет желать лучшего? и пр.хр.. Вы ведь сержанты, говорит. Разве вы не знаете, что нужно делать? Разве вы так жили в учебке, вас там не учили, как с подчиненными обращаться? Тут кто-то из сержантов (кажется, это был я) осмелился спросить, что имеет в виду офицер, и кто, как он думает, будет в случае чего отвечать? Старлей написал что-то на бумажке и передал ее нам. Она переходила из рук в руки, и когда дошла до меня, я прочитал: «Коллективное воспитание».

такими словами, за которые «на гражданке» (как он всегда считал) он бы морды бил или позвал бы друзей, способных на такие поступки. Самый умный и красивый, любимый родителями и девушкой, и еще учителями, и на работе, ну, или по-крайней мере, сильно любимый самим собой, здесь он, как неожиданно выясняется, ничем не лучше остальных и такое же «чмо» и «пидор», и «запах не рожденный». Пока он не успел привыкнуть, освоиться, понять, что ничего здесь страшного нет - такие же пацаны, как и он сам, а не звери, точащие зубы напильником в ожидании свежего мяса, сделай большие глаза, дай ему в колено, легонько, страх в десять раз усилит боль. И наоборот. Пугает и неизвестное. Незнание жаргона, «команд», «понятий», особенностей несения службы (тут уже офицер назовет тебя «пидором») делают «чекриста» неуверенным в себе. Ему намеренно НИКТО НИЧЕГО НЕ ОБЪЯСНЯЕТ, а только ТРЕБУЮТ, и постоянно он слышит в свой адрес: пидор, лох,

Эпизод этот я привожу только для того, чтобы не оставалось никаких сомнений относительно «авторства» этого метода. Теперь перейдем, наконец, к прямому описанию самого метода. А состоит он из грамотного сочетания нескольких простых компонентов.

1. Страх. Его надо учитывать. Напуганный человек уже ни на что не способен. Напугать 18-летнего сопляка, который составил себе представление об армии по тележасам, очень просто. Он уже настроен кино, мамой и газетами, надо только кнопку нажать. Чтобы в дальнейшем без особого напряжения управлять солдатом, нужно «поломать» его с самого начала. Это не сложно, достаточно вспомнить самого себя, свои первые робкие шаги по территории части. Вот он, только что оторванный от мамы с папой, заходит первый раз в казарму, где все серое и грязное, где все бегают и орут, где его начинают сразу нагло разглядывать и называть

олень, тело, запах, питон, бандерлог и пр. Т.е. важно психически, морально сломить человека с самого начала. Если требуется, то на этом этапе еще применяется физическое воздействие. В дальнейшем оно не нужно.

2. Разобщенность. Самый важный фактор. Потешкин в самом начале учебки открытым текстом заявил нам: «Когда мы ехали в армию, то тоже договаривались в первую же ночь испиздить всех сержантов, но ничего этого не сделали. И вы, пацаны, не тужтесь, ничего вы не сделаете. Побоитесь». Действительно, ничего мы не сделали, и когда я через полгода, уже будучи сержантом, смотрел на призыв 9/2, где было две сотни дагестанцев, и каждый стоял за другого, словно все реально братья, то чувствовал, что у меня развивается сильный комплекс по поводу моей национальной принадлежности. А ведь они тоже все были из разных городов и деревень... Сержанты же,

понимая наш страх и видя нашу разобщенность, делали все, чтобы усилить ее, а для этого старались вызвать у нас

3. ненависть друг к другу. Этот момент они чувствовали очень тонко. Они буквально стравливали нас, причем делали это намеренно. Для начала находили «лохов», чтобы показать, что даже в первые полгода в армии можно жить по-разному. Затем объясняли: делаешь, что говорят, (т.е. шестеришь, хотя это слово не употреблялось НИКОГДА) - живешь нормально, нет - охуеешь, пидор. Если роту качают, кто-то рано или поздно сдает, всегда есть первый, и тут же следует пояснение: еще 30 приседаний из-за курсанта Залупкина - он вас дрочит. А «виновного» (раз он так устал, сука) освобождают от нагрузки, чтобы он просто стоял и смотрел «на своих пацанов», что соответствовало принципу:

4. за одного ебутся все! Вот, собственно, и «коллективное воспитание». Добившись первичного послушания, уже не надо никого пиздить. Только качай, или лиши сна, или возможности покурить, посидеть, оправиться. Только не забудь сообщить роте, что это все из-за курсанта Писькина... И, скрипя зубами, и отжимаясь из последних сил, чекисты думают: все из-за этого пидора, хули он выебывается? А честно признаться самому себе в том, что «все из-за» твоей и остальных элементарной трусости, духу не хватает. Люди любят простые решения, легкие пути, незамысловатые толкования, простые объяснения.

5. Понятия. Этот пункт менее важен, это что-то вроде заключительного штриха, последний жирный мазок в общей картине, гавном нарисованной. Ясно, что первое впечатление от армии - дурдом. Обувь и камуфляж не по размеру (повезло, если больше), в которых если зима, - холодно, если лето, - жарко; поссать, когда хочется, - нельзя, сидеть на койке днем - нельзя (лежать тем более), сидеть в свободной позе, облокотившись или развалившись, - нельзя, улыбаться - нельзя¹, ходить без дела - нельзя, есть, как хочешь, и сколько хочешь, - нельзя. Тебе ничего нельзя. Только то, что скажут. И человек в этом дурдоме теряется. Самооценка падает ниже нуля. И уже скоро готов сделать все, что угодно, чтобы на него не орали, не называли постоянно «лохом», «оленем», «идиотом» и т.п., чтобы не хуярили и не качали по поводу и без повода. За короткий срок доведенный старослужащими при вольном и невольном содействии офицеров до почти истерического

¹ В Хабаровске, если чекист улыбался или, не дай бог, смеялся, или просто был чем-то доволен, или вел себя слишком уверенно, - минимум чем могло это для него закончиться - серьезной беседой на тему: «Охуел или че? Расслабился?» Резюме всегда было одно: ты «дух», тебе положено «летать», попроси веди себя.

состояния (не надо быть психологом и обладать большим умом, чтобы это сделать), он начинает спрашивать, отчаявшись уже догадаться: а как надо? Как? Объясните, ведь я не знаю, товарищ сержант. И тут товарищ сержант, пидоривший в свое время очки лезвием, объясняет. Мы, говорит, в свое время тут ебались, мы «летали», а вы просто таски ловите. Наши, говорит, сержанты просыпались, у них уже берцы почищены, китель подшит, на **бляху** смотреть невозможно. Мы, сука, ночами на **дужках** стояли, а вы гаситесь, лохи, и нас этим опускаете... Ладно, съебался койку заправлять (стирать носки, подшивать китель, чистить автомат, искать сигарету), я через пять минут прихожу и удивляюсь. Время пошло... И тут - о, чудо! - чувак, который «на гражданке» видел это все по телевизору и важно себе думал тогда: «Хули, я бы так не сделал. Запало. А эти - лохи», и сыто отрыгивал чипсами и кока-колой; тут он бежит со всех ног заправлять «дедовскую» койку, а потом носится по всей роте с бешеными глазами в поисках сигареты с фильтром «для старшего сержанта Титова».

Ну, и стукачество. Рассказать офицеру о том, что с тобой делают по ночам - стукачество. «Стукачу в армии нормально не жить. Тебя свои же пацаны опустят... А когда в Ангарск поедешь, я братанам своим туда маляву отправлю - тебя и там опустят... Все два года на очках зависать будешь, хуила...»

И когда тебе изо дня в день вдальбливают одно и то же, когда все кругом ТАК, ты начинаешь в это искренне верить, становишься частью, не побоюсь этого слова, СИСТЕМЫ и все реже ищешь для себя оправданий.

В хабаровской учебке

Колючки

Сентябрь 2000-го. Ботлих.

Я был тогда [помощником начальника караула](#). Раз в сутки, вечером, разводил смену на посты. И вот как-то веду я смену через автопарк и слышу, зовет меня кто-то голосом умирающего комиссара. Подхожу к батальонному БТРу. Внутри на сиденье для десанта лежит, развалившись, Саяп. Иваныч, говорит, хочешь местных колючек попробовать? Медленно говорит, с трудом. Я взял. Маленькие черные семена. Через силу Саяп объяснил мне, что нужно заглотить штук пятьдесят и запить водой. «Кле-е-е-во-о!» Больше я ничего не спрашивал, вернулся в караул, поделил семена с [Тараном](#), мы выпили, и я сел составлять график на завтра. Я взял карандаш и линейку и тупо просидел за столом, глядя в стену палатки, четыре часа. Таран успел заступить на пост, отстоять и смениться. Пришел, разоружился, и мы отбились. Лежим, он и говорит: пришел, говорит, на пост, сел, смотрю – [разводящий](#) идет. Подходит и говорит: пошли. Я, мол, ему: куда это? Он: в караул, смена пришла. Я: какая смена, я же только заступил? Он: не тупи, Таран, два часа прошло, новая смена, пошли.

Более бычьего торча я не знаю. Хотя, я, конечно, не специалист, не любитель даже.

Командировка

Когда началась война в Дагестане, я находился в учебной части в поселке Сосновка, под [Хабаровском](#). В полку сразу ввели усиление, запретили увольнения, караул упаковали в бронжилеты и по малейшему поводу подрывали в ружье. Маразм крепчал. Через месяц объявили, что в/ч 3695, в которой мы все числились ([Ангарск](#)), и в которую нам предстояло вернуться, убыла для выполнения служебно-боевых задач в республику Дагестан. А потом поползли слухи, один ужаснее другого: что весь полк там замочили, что не замочили, но все к тому идет, так как полк уже в Чечне, что один вернулся без руки, другой без яиц и пр. хр.

Худо-бедно к командировке нас готовили. Знакомили с разными видами оружия, постоянно водили на [стрельбище](#), помню, как-то даже пытались научить драться и забирать резиновый ножик у противника. Показывали мины. Издалека.

Информации стало больше, когда мы вернулись в Ангарск. [ПВД](#) действительно в Дагестане, но два [РОПа](#) в Чечне: Биледи и Бути. Мелькали экзотические названия: [Химой](#), [Зиберхали](#), [Ансалта](#)... Первая партия вернулась из командировки зимой. Все грязнущие, черные от загара. Этим парням пришлось тяжелее остальных. В Дагестане, в горах, их высаживали на пустое место, и они рыли, таскали, рубили, сколачивали, а потом заступали на посты. Это они поставили палатки, в которых мы потом жили, и сделали нары, на которых я спал, и соорудили из камней посты для караула; они привезли туда боеприпасы, жратву, оружие и все остальное.

Партии отправляли через каждые три месяца. Я попал в третью или четвертую, не помню.

Отправляли только по желанию и, согласно указу президента, прослуживших более полугода, хотя в первую партию «случайно», я знаю, попали двое нашего [призыва](#).

Провожали с оркестром и телевидением. До Иркутска на автобусах. (Я ехал в последнем автобусе на заднем сиденье и видел, как от ворот части до выезда на главную трассу бежала за нами чья-то мать и плакала, и крестила нас...) Там поездом – до Махачкалы – дней пять-шесть. В Махачкале садили на УРАЛы - и восемь часов по горным дорогам до [Ботлиха](#).

На станциях выходить не разрешали. Типа блюли секретность. О необходимости секретности говорило, например, то, что девчонки на всех перронах кричали нам: «Счастливо отвоевать!» В поезде я держался [Прищепы](#) и Даваа. В Ботлихе Прищепы, сразу поняв, чего он здесь стоит, начал

искать тепленького местечка, и поиски эти привели к тому, что в Дагестане он начал заниматься тем же, чем занимался два года в Ангарске: целыми днями торчал в автопарке, копаясь в моторе своего 123-го задроченного в нулину БТРа, либо спал на сиденье для десанта, задрав люки. В батальонной палатке он появляться боялся и даже в столовую не ходил, а жрать ему в котелках носил несчастный на всю голову Пономарь.

Даваа, не долго думая в первый же день записался в команду, убывающую для замены на [Перевал](#). Звал и меня, но я не поехал. Во-первых, я не могу так сразу, нужно сначала осмотреться, а во-вторых, говорили, что на Перевале очень холодно, проблемы с доставкой провизии и курева и очень высоко таскать воду.

Я остался один. Все халявные места были заняты. Я не ходил после вечерней поверки в туалет, чтобы успеть занять место на нарах, и спал на боку, вытянув ноги – так много нас было в этой палатке. Первые дни никто не обращал на меня внимания. Меня никто не знал, я выглядел старше своего призыва, и все считали, что я 8/1. Сразу после завтрака я уходил в автопарк к Прищепе и целыми днями валялся в его БТРе. Я даже на построения не выходил. Было страшно и дико. [Чекланка](#) моя закончилась полгода назад, а в [ПВД](#) в то время не было никаких правил. Разведка и положняки 8/1 практически управляли полком. 8/1 первыми приехали сюда, в сентябре 2000-го, на пустое место, в горах, где ни о каком Уставе ни могло быть и речи,

и много натерпелись со своими офицерами, поэтому те закрывали глаза на то, что творилось теперь.

Однажды, разомлевшие под накалившейся от жары броней, мы с Прищепой дремали на задних сиденьях БТРа. На сиденье водителя откровенно храпел Семен, соседнее занимал Саяп. Все люки были закрыты изнутри. Командир полка, завершающий обход автопарка, задал вопрос сопровождающему его офицеру: где водитель и наводчик? Они начали стучать по броне и кричать, что мы охуели. Прищепа стал открывать люк левого борта. «Не надо»,- зашептал я. «Они все равно не уйдут, они знают, что мы здесь». На кичу очень не хотелось. Ладно, водитель и наводчик спали на своем рабочем месте, но если бы обнаружили здесь сержанта из батальона, да еще из только что прибывшей партии! Задрочили бы в говно и немощь! Сначала вышел виноватый-виноватый Прищепа, потом виноватый-виноватый Саяп, потом я разбудил и вытолкал Семена, который так ничего и не смог понять, а снаружи все стучали: «Кто там еще?» Выходить, не выходить? С одной стороны они ведь не знают, сколько нас тут было, а с другой, если залезут и сами обнаружат, то будет еще хуже. Залезать не стали – повезло. Бэтэрщиков повели на кичу, а я открыл правый люк, выпал на горячий песок, прополз под БТРом разведки и через КПП вышел к столовой.

Больше в автопарке я не появлялся. В батальоне 8/1, приехавшие со мной в одной партии, а до этого служившие в Чите, завидовали моему положению,

С Тараном в палатке ботлихского караула

но сдавать не решались. Самих их драчили как чекистов: они заступали дневальными, мыли полы, убирали в сортирах, кололи дрова, таскали из кухары балабас ангарским дедам, не желающим ходить в столовую, собирали бычки вокруг палаток. Я же, когда на первом построении было приказано выйти из строя сержантам, остался стоять на месте. Я уже нахлебался прелестей сержантских «привилегий» в Ангарске, хватит. Но жизнь такая оборвалась в один момент. Толстый – 8/1, мастер спорта по боксу, первым обратил на меня внимание. Он был узаконенный положенник в глазах солдат и офицеров, и ему было на все насрать. Он велел мне принести балабас из столовой на четверых. Я отказался. Толстый спросил: «Призыв?» Помня о Говоре, я сказал честно: 9/1.

В ПВД Ботлиха

Губа сильно распухла, но кровь уже перестала течь, когда прибежал дневальный и позвал меня в роту. Надо одного человека в караул. Пойдешь?

Дежурный выписывал мне оружие, а я ползал под нарами, пытаюсь найти среди кучи грязного мокрого тряпья свой вещмешок. Толстый сидел на нарах, болтая ногами, и следил за моей суетой. «Загаситься решил? – насмешливо спросил он. «Точно», - ответил я, быстро расписался в журнале, взял автомат с подсумком и вышел из палатки.

Караул подразделение особое. Караульный и часовой, подчиняются только начкару и никому более. Если в батальоне жизнь солдата состояла из одних только построений: НА ПРИЕМ ПИЩИ, НА ЗАРАЯДКУ, НА РАЗВОД, НА ЗАНЯТИЯ, НА ПОВЕРКУ, НА ПРОГУЛКУ И ПР. ХР., то караульный строился только на смену и только в палатке, где видел его только один офицер – начкар и только раз в сутки. Приходя на пост, часовой отбрасывал в сторону каску, снимал броник и автомат и два часа мог заниматься чем угодно, лишь бы не спал и не спалился проверке. Поэтому загасными считались три отдаленных поста на горках, снизу, из полка, их не было видно, и хуевыми – остальные три: возле склада с оружием, подвижные в автопарке и на КПП, где часовой не мог ни присесть, ни покурить, не

говоря уже о том, чтобы снять броник, почитать книжку или вздрочнуть как полагается.

В свободное время караульные валялись на койках – даже днем, что строжайше в армии запрещается – играли в шахматы, курили прямо в палатке, там же и ели. По сравнению с той же разведкой, которая тупо гордилась тем, что при построении на обед на плацу стоит первой, а потому первой и идет на раздачу, что лишает необходимости стоять в очереди по сорок минут, на ветру или на солнце. А еще тем, что в столовой, как в Ангарске, у них был свой личный стол, в отличие от остальных, которые были вынуждены, с котелком, где было первое, и крышкой

от него, где было второе, и кружкой компота, и куском хлеба в зубах, протискиваясь по всей палатке в поисках свободного места. А иногда ждать по десять-пятнадцать минут, а потом, приткнувшись наконец, разгрести остатки чужой жратвы и руками смахивать со стола куски жирной сечки. Так вот по сравнению со всем этим, прием пищи в карауле был трапезой в ресторане «Интуриста».

Комната дóсуга

Класс с партами, плакатами и телевизором. Ни разу в армии не слышал, чтобы кто-то правильно поставил ударение в этом слове. В конце концов, я сам стал так говорить, чтобы не выделяться.

Комок

Форменный камуфляжный костюм. Были комки «стекло», «березка», «арбуз», «грязный снег», «волна», «плащевка» и много других. Разделяли по качеству ткани, расцветке, направлению полос. Смотрелось лучше всего «стекло», практичнее и долговечнее была «плащевка». Ими, спизженными с вещевого склада, бойко торговали всякие пронирыльные личности.

Кони

Сиречь Северо-Кавказский округ Внутренних Войск. У них такой же [шеврон](#), только вместо тигра или медведя – вздыбленная коняга.

Прибыв в Махачкалу, мы остановились в части ВВ СКО. В первый же день произошел небольшой инцидент, когда к столу, который мы заняли в столовой, подошел странного вида дагестанской внешности солдат – весь в шевронах и значках, в совершенно дикой формы оливковом берете и сказал: «Это наш стол». Мы спросили: «Чей это «наш»?». Важно раздуть щеки, он ответил: «Спецназа!». Потом мы увидели и других «спецназовцев». Все они были разукрашены шевронами, всевозможными нашивками и значками,

а берет, видимо, считалось круто носить как можно меньших размеров, стягивая его на самой макушке, что придавало «спецназовцам» совсем уж потешный вид. Через одного солдата из кухонного наряда нам было осторожно передано, чтобы больше мы за их стол не садились.

На ужин мы, по договоренности, снова сели за этот стол, уже специально, но в другом составе. Самые здоровые. [Башмак](#), [Лобач](#), я, [Рева-Бизон](#), [Прищеп](#) и несколько неслабых бойцов читинского ментбата. «Спецназ» не появился. Все трое суток, проведенных у «коней», мы таким образом тешили свое «оперативное» самолюбие.

У солдат, служивших в этой части, был обычай: каждый, кто идет в самоход, должен проставляться местным дагам.

(см. также «[Человек – невидимка](#)», «[Объединенная группировка...](#)»)

Конопля

Я курил все последние семь-восемь месяцев, хотя и не стремился особо. Просто она была. Разбираться в ней так и не научился. И «чистая», и химка, и башики какие-то... масло... Чего только ни привозили на КПП.

В [Ботлихе](#) траву можно было купить в палатке [АЗДН](#) в любое время. Механизма поставки не знаю, хотя строго каждый день в городе бывал только водовоз. Довольно далеко от полка находился и КПП, где стояли саперы.

Дикая конопля густо росла по всему [Химю](#), но на поверку оказалась беспонтовой. Выручал Зелимхан – чечен, выращивавший специально для себя. Кораблик у него стоил 50 р., и была она сильной, но в то же время мягкой, щадящей. Мы перестали отовариваться в доме Зелимхана после того, как во время отсутствия последнего какой-то его родственник продал нам коробок с самой обычной мелко порубленной полынью. Заядлые травокуры – [Подлас](#) и [Таран](#) загрузили. Скипидару бы, или ацетону! – вздыхали они. Но оживились, когда на [РОП](#) привезли бочку бензина. Не фонтан будет, - сказал Подлас, - но попробовать можно. И они принялись перегонять бензин в яме для снайпера недалеко от [второго поста](#). Я ничего в этом не понимал, но, видимо, бензин нужно было сначала очистить, а потом уже варить на нем химку. Использовались масса пластиковых бутылок, кастрюля и две тарелки. Из всего этого они соорудили какой-то странного вида аппарат и часами колдовали над ним, пока я стоял на посту. Чего-то там у них не получалось, и они оставляли

работу, и держали ученый совет на каком-то им одним понятном наркоманском наречии.

Однажды днем мы стояли с Тараном на посту, когда неожиданно на вертолетной площадке появился лейтенант Батов, напялил на себя две кирасы и стал бегать по периметру, на котором практически и

находилась яма, где в тот момент Подлас проводил свои химические изыскания. Мы посмотрели друг на друга и одновременно сказали: там же Подлас! Предупредить его не было никакой возможности. Но второй пост был соединен с этой ямой узким окопом, вырытым, кстати, по приказу Батова (не зря мы целый месяц мордовались все-таки!), и через минуту на пост ввалился потный запыхавшийся Подлас. Его била нервная дрожь. Сижу, говорит, никого не трогаю, парю бензин, и тут на меня эта черепашка бежит... Увлеченный спортом Батов его просто не заметил. Повезло.

Старания наших химиков более или менее увенчались успехом. Трава получилась бойкой, но в то же время несколько тяжеловатой, после нее болела голова. Любимым нашим развлечением (придумал это Таран) было сидеть, накурившись, в окопе второго поста и пялиться на земляную стену, в которой жили два черных паука. Мы бросали туда муравьев и гусениц, паучок стремительно выдвигался, и чем крупнее была жертва, тем более захватывающим становилось зрелище. Глядя на это, мы счастливо и безостановочно смеялись, словно малые дети.

Контрактники

Со мной никакого контракта не заключали. Чтобы поехать в командировку, я написал рапорт, где было указано, куда и на какой срок меня отправят. Все. Согласно «контракту» мы получали ежемесячное содержание, и «боевые» шли на открытый Минобороны счет в Ангарске. В службе же от срочников контрактники совершенно ничем не отличались. Так же впахивали, так же делились на призыва, так же отдавали свои бабки разведке и положнякам.

Был в ПВД дурацкий случай, когда контрактников, не желающих делиться, загибали раком и обещали оттрахать под прицелом фотоаппарата, а потом продемонстрировать снимки всему полку.

Копилка

Продсклад в Ботлихе, где находился продзапас всей группировки, и куда заступал наш караул. Попасть на «копилку» означало загаситься минимум на месяц (чаще караул этот не меняли). Сбежать от всех построений, зарядок и всего этого ненужного полкового дичева мечтал каждый боец, но удавалось немногим (см. Гасиво).

Корова

Чечня. Химой. Июль 2000 г.

Чеченская буренка забрела к нам на гору, миновав все растяжки. Вернее, не миновав, а остановившись посреди них. Бойцы столпились у десятого поста, на котором я в то время стоял, и смотрели на нее голодными глазами. Сомнений в том, что раз корова зашла на нашу территорию, то теперь она нам и принадлежит, ни у кого не возникало, только лезть в траву по плечи, где уже не помнили, сколько и в каких именно местах стоит растяжек, никто не хотел. Бойцы желали шашлыка. Было даже получено разрешение командиров на убиение и приготовление несчастной без палева. В какой-то мере корове везло: изрядно потоптавшись по минному полю и так и не задев ни одной растяжки, она продолжила движение в сторону РОПа, где ее благополучно повязали и за рога препроводили в яму на краю вертолетной площадки, чтобы чечены снизу, из деревни, не видели.

И вот уже, можно сказать, был нож занесен над головой буренки, когда примчался лейтенант Батов и сказал, что пришли хозяева коровы. Животное, так и не понявшее, сколько раз оно было на краю гибели за последний час, отдали деревенскому старосте.

Королевские войска

Злая армейская ирония. Так называют стройбат.

КПВТ

Крупнокалиберный пулемет Владимиров танковый. Убойной силы штука с очень сложным и капризным в плане разборки и устранения неисправностей механизмом. Чтобы изучить его я попросился по возвращению из [Химоя](#) в [Ботлих наводчиком](#).

И вот сижу я как-то в БТРе один и пытаюсь пулемет разобрать. Башня у БТРа довольно маленькая, и как там не устроишься, корпус пулемета упирается тебе в грудь, живот или голову. И вот я аккуратно снимаю крупный затыльник и... из ствольной коробки прямо мне в рожу резко и радостно вылетает охуительных размеров «возвратно-боевая» пружина (штука, кстати, не только габаритная, но и довольно тяжелая) и бьет меня в переносицу. Оправившись от испуга, я продолжил занятия... Жаль вот только, что знания применить сейчас негде...

КПП

Место свиданий, вкусно пахнущих передач, развода на [балабас](#) и бабки. Часто [чекиста](#) обували, едва за его мамой закрывались ворота.

Помню дембеля, покидающего полк, и его последние здесь слова: «Пацаны, будете уезжать – ворота обоссайте!»

Краснуха

Ангарск. Зима 2000-го.

Краснуха одолела второй батальон [Ангарского оперативного полка](#) сразу после наступления нового года. Слегли шесть человек. Весьма оригинальный метод «борьбы с краснухой» придумал старший лейтенант [Щербаков](#) – тогда командир учебного сбора призыва 9/2. Зимой было мало занятий, рота часто сидела без дела. В армии праздность не приветствовалась никогда. Как только ротный видел спящих без дела [чекистов](#) или греющих свои задницы у батареи в [комнате досуга](#) сержантов, он орал: «Рота, строиться!» И мы отправлялись на мороз, на плац, «убивать краснуху» строевой подготовкой. «Эта болезнь умирает на свежем воздухе!» – широко улыбаясь, орал ротный – бывший [ГСН](#)щик. А во время строевой подготовки в казарме широко открывались все окна (кроме канцелярии, конечно), проветривалось помещение. Самое странное – краснуху таки удалось извести. (Естественно, мы запретили чекистам ходить в санчасть, и они переносили болезнь на ногах.)

Крысы

Крысятничество процветало. Пиздили даже у сержантов. Зубные щетки, пасту, станки, туалетную бумагу, сигареты и, конечно, в первую очередь, [балабас](#). На моей памяти не поймали ни разу.

Курение

Еще одна радость хабаровских [сержантов](#), это лишать нас курева и возможности курить. Курить в роте было категорически запрещено. В течение дня на улице на это времени не было. На обеде, например, сержант командует: собрать посуду на край стола! А мы только есть начали. Собираем, но медленно, с неохотой. Значит залупа. Значит, курить после обеда, парни, не будете. Или приведут в курилку, только закурим – рота, встать! Увидят, что бычок шкеришь, еще что-нибудь устроят – [братскую могилу](#) или [дужки](#).

Про то, что сигареты, положенные нам (десять штук в день) чаще всего продавались старшиной, а если попадали к сержантам, то ими, уж и не говорю, мы быстро научились сами доставать, лишь бы дали покурить хоть раз спокойно, так ведь нет же...

В [Химое](#) однажды пробовал курить сухую полынь – вертушка с бабками и куревом задерживалась. Гадость редкостная...

Курилин

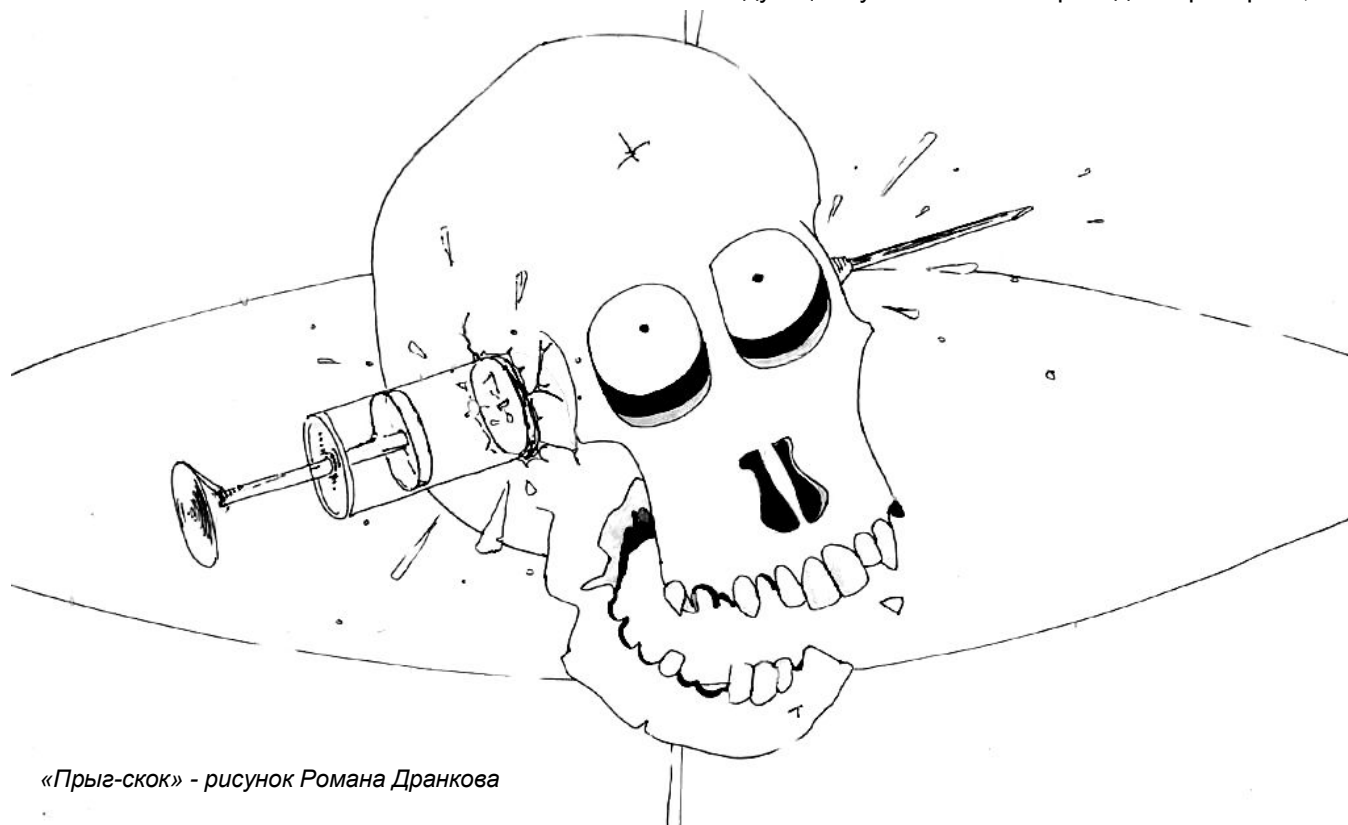
Ангарск. Март – апрель 2000-го

Родина его Соха-Якутия. Представьте себе здоровенного дуболома (русского) с большой деформированной башкой, толстыми губами, нескладного, с отсутствующим постоянно взглядом. Как и всех длинных, хабаровские сержанты любили пинать его ногами, когда он стоял навтыжку перед ними в строю. Это человек, которого можно было только презирать, самое настоящее чмо, и по сути своей, изначально, опущенец и лох – глупый и бестолковый. Достаточно вспомнить, что этот урод в **кухонном наряде**, стоя на мойке у окошечка, в которое из обеденного зала подают грязную посуду с объедками, ковырялся в ней, в поисках куска хлеба, а в перерывах жрал все это, запивая недопитым кем-то компотом, и картина будет полной. Как бы голодны мы ни были тогда, до такого добровольно не опускался никто. И вспоминаю я про этого пидора лишь только потому, что он, неволью, стал причиной того, что я задержался в армии на полгода дольше положенного, заключил контракт, уехал в **командировку** и побывал в Чечне и Дагестане.

В **Ангарске** мы были с Курилиным в одном взводе. Чекисты, быстро поняв, как мы относимся к нему, стали просто посылать его на хуй. Мы им не мешали. Да и что это за сержант, прости господи? По умственному развитию в свои девятнадцать он едва тянул на пятилетнего ребенка. С омерзением к нему относились все: от командира роты до самого последнего духа.

Однажды на вечерней поверке к командиру

батальона, которым был тогда великий и ужасный **Ярема**, подошла повариха из столовой и сказала, что наряд, направленный от нас на чистку овощей, с обеда не может справиться с двумя баками картошки, что сержант, поставленный старшим, спит на скамейке, укрывшись бушлатами, и что если так пойдет дальше, то полк останется без завтрака. Ярема пришел в бешенство и, следуя неизменным законам **коллективного воспитания**, велел в первую очередь собрать всю четвертую роту (это был наш наряд, и наш сержант спал на чистке) вплоть до дневальных и убогих, которым было позволено санчастью не выходить на построения. Уже через несколько минут явились дневальные и заняли свое место в строю. Ярема провел переключку, и выяснилось, что отсутствует Курилин. Посланный за ним в роту человек доложил, вернувшись: Курилин на его требование спуститься сказал, что натер ноги во время последнего похода на **стрельбище**, что у него есть разрешение санчасти, и что он имеет право не выходить. Только такой идиот мог ТАК отвечать Яреме! Никогда я еще не видел его в таком состоянии. Подорванная первой чеченской кампанией психика Яремы в тот вечер, по-моему, окончательно надломилась. Было видно, что у него чесались руки, но на плацу нечего было сломать или выкинуть, а трогать солдат было не в его правилах. Он сам поднялся в казарму, разбомбил в очередной раз тумбочку дневального, выебал во все дыры дежурного по роте, за ухо вывел Курилина на плац и отысел за неподготовленный внешний вид (больше, собственно, придаться было не к чему), в частности, за грязную **подшиву**. Успокоившись немного, Ярема велел всей роте отправляться на чистку в помощь наряду и оставаться там на следующих условиях: он приходит проверять, как

«Прыг-скок» - рисунок Романа Дранкова

двигается работа, в час ночи; если вся картошка не почищена, мы остаемся до трех, если не почистим и к трем – то до утра.

В тесную комнатушку для чистки нас набилось человек сорок. Все были раздражены, все на нерве. Ярема и так каждую ночь придумывал что-нибудь, чтобы не дать нам выспаться, а тут еще эта хуйня. Начали деды 8/1: «Какого хуя ты, пидор, делал в роте, пока мы на плацу стояли? Ты не охуел ли часом?» и все такое – как положено. **И тут линии судьбы на моих ладонях стали глубже.** Ничего не отвечая, Курилин достал из кармана чистую ткань, иголку с ниткой, уселся на край ванны и начал подшиваться. На секунду воцарилась грозная тишина, потом Прищепца мрачно спросил: «Ты что делаешь, мудака?» «Капитан Яременко приказал мне подшиться», - ответил Курилин, не поднимая головы. Заорали все разом, обступили его и начали

бить в морду и пинать ногами. Это был момент какой-то массовой истерии, психоза, когда сильное раздражение поимело выход в виде серьезной агрессии. Естественно, я участвовал. «Взял нож и уебался на картошку!» – орал я ему. Вот тут-то и случилось то, что изменило резко жизнь как минимум двух человек. Буквально раздираемый на части Курилин вдруг заревел как раненый зверь и ломанулся к выходу. Не успев понять, что это истерика, мы усилили натиск и отступили только когда увидели, что он с силой бьется головой о железную дверь. На губах его выступила пена, он кричал: «Выпустите! Выпустите меня отсюда! Я больше не могу!» И выл как-то совершенно дико,

нечеловечески. Первую растерянность у нас сменил испуг. Его уже никто не трогал, а он все долбился в дверь и орал. Прищепца схватил стоявшую на окне трехлитровую банку и окатил безумца водой. Курилин резко отпрянул от двери и уебался затылком в стену. Из носа его брызнула струя соплей. Размазывая их по губам и дергаясь как эпилептик, он продолжал выть. Дальше все развивалось само собой. Вздумалось командиру роты – старшему лейтенанту Янцеву – именно в этот момент, не раньше, не позже! - появиться у дверей чистки с той стороны. Он пришел посмотреть, как тут его рота. Янцев мигом сориентировался и с помощью одного солдата транспортировал долбоеба в санчасть.

На следующее утро Курилина отправили в ИОПБ, а еще через день я попал на гауптвахту по причине совершенно не связанной с этим инцидентом.

На третьи сутки ареста, разгребая снег возле КПП, я увидел Курилина, ведомого под руки двумя докторшами из нашей санчасти. Оказалось, что в ИОПБ, осмотрев психа, поставили диагноз: «Нормален. Небольшое психическое расстройство». Его отправили на излечение в полковую санчасть. Нормален? Да этот человек никогда не был нормален.

Прошла неделя, полк готовился к отправке очередной партии героев – в Дагестан, каждый день привозили новых добровольцев из разных частей ВВ, об эпизоде этом уже никто не вспоминал. Я тоже об этом не вспоминал, служил себе потихоньку, готовился к близкому дембелю, и вдруг... «О, иллюзорность бытия!», я тихо-мирно брился в ванной комнате, готовился к наряду, когда зашел лейтенант и сказал, что меня вызывает подполковник ***. «Да, и захвати с собой Прищепу из автопарка».

Теряясь в догадках, мы с Прищепой направились в штаб. В своем кабинете подпол – заместитель командира полка по работе с личным составом – абсолютно спокойно поведал нам о том, что беседовал с Курилиным после его возвращения из ИОПБ, и им были названы в качестве «зачинщиков» два человека, то есть мы..., что сам он (подпол) этим заниматься не будет, конечно, что дело, минуя даже армейское отделение ФСБ, передается в военную прокуратуру, так что, ребята... «Вы знаете, - он понизил голос, - я поговорил с ним пять минут и я вижу, что он - лох, я когда-то служил в конвойных войсках и видел, что с такими на зоне делают... Лично у меня он никаких симпатий не вызывает, но я обязан дать делу ход, так как есть показания...». Потом рассказал, как в первой чеченской командировке в одного из солдат нашего полка прилетела пуля оттуда, откуда не должна была прилететь... а теперь его имя навеки зачислено в списки части, выбито на памятнике... Вы сами

виноваты... ведь в бою всякое может случиться, а у нас ведь оперативный полк, откуда вы знаете, где еще можете встретиться с этим Курилиным? Вот и сейчас нужно новую партию отправлять... вы, кстати, не записались? А, ну ладно... Людей у нас не хватает, ребята...

Теперь мне уже никогда не узнать, было ли все на самом деле так, или нас просто взяли на понт, но подобосрались мы с Прищепой тогда порядком. В [дисбат](#), да еще и за месяц до дембеля, не хотелось ни мне, ни ему. Тогда мы даже не поняли, что выход из ситуации подсказал нам хитрый подпол. Накурившись вечером до одури самой разной травы, мы пришли в штаб и записались в добровольцы. Списки убывающих в командировку уже были отправлены в Иркутск, и наши данные диктовались туда по телефону.

Непонятная радость охватила нас, и назад мы возвращались в чрезвычайно приподнятом настроении. На второй этаж, где находилась казарма, взбежали, взявшись за руки и, изображая «паровозик», орали громко: «Чух-чух-чух...!»

Кухонный наряд

Заступали на сутки. От десяти до пятнадцати человек. По Уставу перед нарядом положен сон, часа четыре, кажется. На моей памяти, не дали нам в Хабаровске выспаться ни разу. Чаще всего вместо отдыха нас отправляли на другой конец полка, на продовольственный склад, грузить бочки с кислой капустой, необходимой для приготовления ежедневного бигуса.

После «отдыха» – санчасть. Медсестры проверяли почему-то особенно тщательно острижены ли у нас ногти, и если нет, а не дай бог еще и грязь под ними, отправляли. Такой всегда выслушивал в свой адрес много теплых дружественных слов от сержанта – старшего наряда и в итоге огребал пизды. А когда их стричь? И чем? (смотри [Ногти-ноги](#))

Наряд делился на три части: холодный зал (где принимают пищу, то есть мыть полы, убирать грязную посуду со столов), горячий зал (где пищу готовят – помогать толстым неповоротливым поварихам на раздаче, подносить баки, драить полы) и мойка (мыть посуду, переть баки с отходами через весь полк на свинарник, получать пизды за плохо и не вовремя вымытую посуду). Естественно, своих положняков сержанты отбирали в горячий зал. Помогать на раздаче – больше от них ничего не требовалось. Полы мыть они брали кого-нибудь из холодного зала и прессовали сначала в углу. Самим уже было запахло. К тому же, работая в горячем зале, можно было до отвала нажраться.

Старшим кухонного чаще всего заступал [младший сержант Пивняк](#). Меня не переваривал совершенно,

ПИВО, ТЫ ПАСКУДНАЯ СУКА, ЧТОБ ТЫ СДОХ.

а потому каждый раз я становился активнейшим участником вечернего выноса бака с отходами, который – тяжеленный – нужно было нести через весь полк на свинарник. Мерзко улыбаясь, Пиво объявлял нам, что дает на все про все двадцать минут. К баку были приварены две длинных арматуры, таким образом, чтобы могли взяться четверо. Ребристые, они резали пальцы, даже если обмотать их тряпками. Преодолеть такое расстояние с такой тяжестью и с такими неудобствами за двадцать минут было совершенно невозможно, и Пиво это знал. Ему нужен был хоть какой-нибудь повод, чтобы оставить нас без ужина, во всеуслышание заявить, что мы «лохи» или просто отпиздить кого-нибудь попроще. А посему чаще всего мы просто доносили бак до летнего туалета и, пугливо озираясь, вываливали содержимое в выгребную яму. Бедные свинки! Сколько раз они оставались без вечернего хавчика! Нет, бак правда был невероятно тяжелым и очень неудобным для транспортировки. Как-то раз мы, не рассчитав соотношения скорости своего движения с нагрузкой и жесткостью, со всего размаху уебали его на землю прямо перед полковой баней. Банщики равнодушно вынесли нам совок и веник. На второй или третий раз я открыл для себя удивительную штуку. Не знаю как, по каким законам физики, но если я становился слева спереди, то нагрузки совершенно не чувствовал. На эту часть арматурины она просто не распределялась. Ручка была приварена таким чудесным макаром, что как бы приподнималась над остальными. И я стал всегда становиться там, что дало мне возможность прикрикивать на сослуживцев, залетевших вместе со мной на эту неблагодарную работу: шевелитесь, пидоры, быстрее!

Через полгода я заступал в кухонный уже старшим как сержант. Вот где были таски! Целыми днями я слонялся по столовой и не знал, чем заняться. Жрал или курил траву, или слушал приемник вместе с Быком, призыва 8/1. Он сам просил записать его в

наряд, чтобы отдохнуть от батальонного дробчева и лично Яремы. Чаще всего он брал свой бушлат и забирался на здоровые квадратные трубы вентиляции под потолок, там и спал до самого вечера.

Вообще все это мытье посуды в кухонном наряде, всякие эти строительные работы, укладывание снега квадратиками и пр. хр., которой и занимается солдат большую часть армии, навело меня всегда на одни и те же невеселые мысли. Не понимаю, для чего солдату заниматься такой фигней, как строевая подготовка, например? Чтобы утром, на разводе, пиздато пройти перед командиром полка? Чтобы блеснуть знаниями Устава перед очередной комиссией? Может, солдат лучше покажет, что он умеет делать с ножом, как и для чего умеет использовать свою шинель, метнет саперную лопатку? Расскажет, как перетаскивать раненых? Как правильно наложить жгут? Как разобрать КПВТ? Устранить неисправность? Какие знает виды мин? С какой стороны нужно обходить ведущего по тебе огонь автоматчика?

В армии нашей очень упорно и грамотно учат только одному – терпеть. Элементарного солдаты не знают. Не могут даже отличить предбоевого порядка построения от боевого, и редкие тактические занятия были настоящим позором. Рота, «наступая», разбегалась, как стадо, солдаты толкались друг в друга, словно перепуганные

свиньи. Весной 2000-го на территории заброшенной части АЗДН, там, где год назад я проходил КМБ,

устроили тактические учения, суть которых заключалась в том, что было нужно обнаружить и обезвредить группу «боевиков». Участвовали два батальона мотострелков, саперы, разведка и БТР, который пришлось ждать два часа, потому что его всю дорогу чинили. Каждому выдали по двадцать холостых патронов. Так вот, если бы они были настоящими, уверен, наши потери составили бы более трети личного состава. А «боевиков» было шесть человек. Но дело не в них. Мы бы просто перестреляли друг друга.

КХО

Комната для хранения оружия. Каждый день, сразу после обеда, дежурный по роте запирался в КХО и начинал выписывать оружие караулу. И хотя караул выходил на инструктаж в четыре часа, иногда к этому времени дежурный не успевал заполнить книгу, а бойцы в ней расписаться. Заступало в караул до тридцати человек, и на каждого нужно было выписать кирасу, штык-нож, каску, подсумок для магазинов, четыре магазина, автомат (номер каждого автомата переносился в книгу) и несколько резиновых палок. Короче, геморрой. Велось для этого две книги: одна для оружия, другая для остальной амуниции. Не одно дежурство потребовалось мне, чтобы въехать наконец, как все это ведется. Какие-либо исправления, пропуски в записях категорически запрещались. Листы были прошиты и пронумерованы. После заполнения книги дежурный должен был подойти к командиру батальона и предоставить ему для проверки записи. Командир же к тому времени мог уже уйти домой (ему всегда было элементарно посрать), и тогда приходилось закрывать КХО и бежать с книгой через весь полк, и искать его в офицерском общежитии. Было и такое, а однажды Ярема на моих глазах разорвал книгу, которую я перед этим два часа заполнял, пополам за неправильное ведение записей. Я тогда едва успел переписать все до развода, а невыход любого наряда на развод, а тем более караула, - полковое ЧП. В следующий раз я не успел заполнить книгу даже до инструктажа караула, так как меня постоянно отвлекали, и Ярема выставил караул на улицу без оружия и бронжилетов. Наконец я все доделал, он расписался и сказал: «А теперь бери броню и автоматы и неси на городок для инструктажа». И я, помню, тогда шел сильный дождь, перетаскал тридцать кирас и тридцать автоматов с третьего этажа на городок, находившийся за казармой, и на улице, под дождем, караул расписывался мне в книге за получение. Выебся как сука.

Другой случай. Я, наконец, заполнил книгу, вышел из КХО, захлопнул решетку, которая закрывалась автоматически, и направился в туалет, чтобы перекурить это дело. И вот, проходя мимо решетки, я вдруг осознал, что, намотавшись за день, я просто забыл ключи внутри, на столе, и открыть КХО теперь

не смогу. Беда. Когда я представил, что сделает Ярема, если я приду к нему за вторым ключом и начну объяснять, зачем он мне нужен... Лучше было застрелиться. Но для этого тоже нужно было открыть дверь. До выдачи оружия оставались

минуты. Я рванул на второй этаж, где ремонтировали казарму, выбрал там палочку подлиннее и потоньше, вбил в ее конец гвоздик и бегом – обратно. И тут имела место классическая для синематографа картина: некто тянется через прутья решетки к ключам, еще немного... еще чуть-чуть... Эх! Ключи соскальзывают и едва-едва не падают в самое труднодоступное место, буквально зацепившись за край стола. Напряжение нарастает. Еще попытка, главное все с точностью до миллиметра, осторожнее... И... Ура! Я пошел курить, и пальцы у меня дрожали.

Кыр

Командир ангарского ОПОНа полковник Абросимов. Свирепый чувак. Все – от срочника до майора старались как можно реже попадаться ему на глаза. Любил устраивать многочасовые разводы и построения в любую абсолютно погоду, на которых говорил о себе в третьем лице: «Кыр полка заходит в роту саперов, а там – бардак!» Из-за этой привычки глотать буквы в слове «командир» его и прозвали «кыр». В Хабаровске, кстати, командира полка звали за глаза просто КЧ – командир части.

Лейтенант Батов

Чечня. Химой.

В середине июня 2000-го с очередной заменой в Химой прибыл долговязый молодой человек лет двадцати. Ни с кем не общаясь, предоставленный

самому себе, он, уперев худые длинные руки в бока, расхаживал по РОПу и деловито оглядывал окрестности. На длинноносой башке его красовался оливковый берет. Тем же вечером один из химойских положняков, приняв его за обычного чекиста, бесцеремонно оттолкнул от умывальника. Неизвестный окрысился, на что дед выдал сакраментальное: «ты какого призыва?» На это молодой лейтенант, сразу же продемонстрировав свою недалекость, ответил: «У меня свой призыв».

Итак, у нас заменили шакалов. Место майора Калуги занял майор Антонов (см. ИТК) из АЗДН, а лейтенанта *** - Батов.

С первых же дней Батов сумел вызвать к себе отвращение и жалость своих подчиненных. Он постоянно рассказывал о том, что окончил факультет разведки в каком-то северокавказском училище, и что практику проходил на опорных пунктах в Северной Осетии, и что бывал в таких переделках, по сравнению с которыми наша служба здесь меда слаще.

Антонов был совершенно бесхребетным дохляком и, несмотря на то, что занимал должность командира РОПа, с первых же дней фактическую власть передал в руки Батова, которого между собой иначе чем «чекист» мы и не называли. Он, только что закончил училище и действительно производил впечатление беспокойного щегла, едва

Патриотический плакат №1

вздыхнувшего свободно и еще одержимого желанием дронить - так же, как пять лет дронили его. Он сразу же объявил, что все у нас здесь устроено неправильно, и начал большое строительство. Мы таскали камни, рыли окопы, причем ради этого Батов жертвовал временем, отведенным нам суточным графиком для сна, а потом и вовсе переделал его так, чтобы больше часов оставалось на работу.

Он ввел гауптвахту, и сначала она впахивала, укрепляя посты, расширяя окопы, переделывая туалет, а когда уже не осталось подобных работ «арестованные» начали таскать с реки камни вверх, на гору, выкладывая на ее зеленом склоне трехметровыми буквами слова: **«МЫ ТВОИ ГЕРОИ, РОССИЯ!»**

Мы с [Тараном](#) ненавидели этого тупого ублюдка, который был младше меня и почти ровесник Тарану. Мы постоянно вступали с ним в ненужные дискуссии, пытаюсь доказать, что все эти преобразования может быть и полезны, но никак не за счет солдатского сна. Что хорошего в том, что невыспавшийся за день часовой ночью станет дрыхнуть на посту? А таких становилось с каждым днем все больше, гауптвахта пополнялась, «работа» кипела, и Батов не хотел ничего слушать.

Однажды этот несмысленш с натянутым на жопу глазом, устроил стрельбы прямо возле кухни, а мишень установил возле первого поста. Получается снизу вверх стрелял. Мишень в двух метрах от поста, на котором часовой стоит! Тут как раз моя смена. Подходим мы к посту – шлеп! трассер в нашу сторону. Доктор командует: «Ложись!» Менял я Рудика - ползком, под пулями можно сказать. А стрелял этот шизоид из СВД, да еще с оптикой...

Он выдумал (вернее сказать, «вспомнил») команду «Кольцо!», означавшую боевую тревогу, по которой и бодрствующая и отдыхающая смены должны были в течение нескольких секунд вооружаться и выдвигаться на посты. Он затрахал нас этим своим «Кольцом». Ему нравилось играть в войнушку, а то, что солдаты спят в лучшем случае по два часа в сутки и то не целиком, его не волновало. К тому же Батов, в армии никогда не служивший, быстро просек систему и начал подмазывать [разводящих](#), позволяя им не бегать во время постоянных подрывов, а руководить наравне с ним, и они начали шестерить ему, хотя он им тоже активно не нравился.

Однажды, во время одного такого учебного подрыва, он позволил разводящим стрелять в воздух. Они радостно носились по [РОПу](#), орали и палили во все стороны. Я в это время стоял на посту и вдруг увидел, как с соседнего поста [Батохи](#) метнулся в трубу разрушенного чеченского дома трассер. Очевидно, Батоха под шумок решил тоже

пострелять. Немного подумав, я передернул затвор и тоже пальнул в трубу. Тут же снова выстрелил Батоха. В конце концов, мы так увлеклись, что выпустили по дому длинными и одиночными по два магазина. Стреляли, уже совсем не таясь. Когда по всему РОПу прекратилась пальба, и все стихло, с вертолетной площадки спустился Батов и пришел ко мне на пост. «Покажи-ка мне, солдат, свой рожок!» Так и подмывало сказать, что «рожки у коровы». «Рожок» был, конечно, пустой. «Автомат!» – потребовал этот мудила и долго что-то там ковырялся, хотя очевидно было, что из него стреляли, хотя бы по горячему дульнику или черному от пороховой гари затвору. «Зачем ты стрелял?» – спросил Батов и хитро прищурился. (Поймал! Поймал! Ай, молодец!) Собрав всю имеющуюся в запасе наглость, я ответил: «А что не надо было?» «Сдашь смену – напишешь объяснительную». В Чечне, в горах, писать объяснительную! Ебануться можно! Я и написал ему единственное, что мог придумать: все стреляли, и я стрелял. Думал, мол, что так надо. Глупо, конечно. Но не скажу же я: нравится мне вот стрелять, чем я хуже разводящих?..

Под конец Батов все-таки перегнул палку. Уверовав вдруг в свое могущество, он попер уже и на разводящих, совершенно забыв о том, что он всего-навсего лейтенант, и спровоцировав нас на вопиющий случай неподчинения, за которое в реальных боевых действиях полагается, наверное, расстрел на месте.

Патриотический плакат №2

Как-то утром ему вздумалось проверить наши вещмешки, проще говоря, обыскать. Трудно передать, какая радость написана была на его лице, когда в одном из них он нашел гранату! Он построил весь РОП (за исключением, конечно, стоявших в это время на постах) и спросил: чей вещмешок? Вещмешок был не подписан, и хотя все прекрасно знали, что принадлежит он Волку – 8/1, молчали, как убитые. Хорошо, сказал Батов, будете стоять в течение полчаса, а если через полчаса не скажете, чей вещмешок, побежите на гору, потом вниз, потом снова вверх – и так полчаса. Если и после этого не найдется хозяин, то будете так бегать, но уже в [кирасах](#), пока я не узнаю, чья граната.

Полчаса мы простояли, обсуждая вопрос: что такого, что нашлась у человека граната? Война ведь все-таки! Когда пришел Батов, то же самое я спросил у него. Никак не отреагировав, он велел разводящим бежать вместе с ротой наверх. Что ж, спокойным шагом мы вышли на дорогу, ведущую наверх, поднялись на вертолетную площадку, прошли через [второй пост](#) и, выйдя за территорию РОПа, спустились к реке. Нас было двадцать пять человек – почти $\frac{3}{4}$ личного состава РОПа. План наш был прост: перейти через реку, выйти на дорогу и вернуться по ней к нашему КПП, которое

располагалось на въезде в Химой. Там мы предполагали дождаться Антонова, который в тот день был в Кинхи – соседнем селении, у погранцов, и все, как командиру РОПа, ему рассказать – пусть решает. В то время его еще считали нормальным командиром и хотели у него искать защиты против самодурства этого сопливого рейнджера.

Но все оказалось не так просто. Сразу пересечь Шаро-Аргун нам не удалось. Река, конечно, и со стороны выглядела довольно бурной, но никто не ожидал, что ее напор способен сбивать с ног и просто швырять на камни. Пришлось пройти вниз вдоль реки пару километров в поисках более узкого места. Теперь мы вошли в воду цепочкой – держась за руки. Нас тут же разбило потоком на две части, и один едва не утонул. Горжусь, что участвовал в спасении – едва успел схватить его за штанину. Мимо проплыла стрелянная «муха»...

Выйдя на берег, мы выжали одежду и пошли по дороге в сторону КПП. Проходя мимо РОПа, увидели наверху долговязую фигуру Батова. Он, несчастный, бегал вокруг второго поста, чего-то там суетился и был явно растерян. Но не забыл, однако, надеть бронежилет, обвешаться магазинами и гранатами и вооружиться. В руках у него был бинокль, за спиной – СВД. Черте че, наверное, он

Патриотический плакат №3

думал о наших намерениях в тот момент и, конечно, порядком струхнул. Мы же, безоружные, шли спокойно, рассеявшись по всей дороге, когда прозвучал выстрел, и пуля ударила о камни перед нами. Отреагировав на это совершенно спокойно, хотя, конечно, и не без удивления тому, что эта трусливая падаля стреляет в своих, мы сгруппировались, образовав плотный строй, и продолжили движение.

На КПП стояли Зяба и Рудик. Они со смехом выслушали всю эту историю и вынесли из своей будки огромный газетный кулек с коноплей. Зашабили. Через пять минут показались Рева-Бизон, Хандогин, бывшие в Химое поварами, и разводящий **Тяга**. Они спустились с РОПа, прихватив гитару. Пока Батов нервничал наверху, мы пели песни, курили траву и дурачились. Но уже темнело, становилось холодно и мы, насквозь промокшие, приседали и прыгали, и отжимались, чтобы хоть немного согреться. Ко времени появления Антонова, которого на «козлик» привезли погранцы, совсем задубели.

Антонов к нашей радости был трезв, что случалось нечасто. Мы объяснили ему ситуацию, и он дал команду вернуться. Возвращение на РОП было отмечено бурными взрывами смеха. Оставшись в окружении одних чекистов, Батов одного поставил у входа с автоматом, другого посадил на табуретку в дверях кондейки, где стояло все наше оружие. Причем выбрал самых что ни на есть лохов – под себя, видимо, - любому из нас стоило пальцем щелкнуть – их бы как ветром сдуло. Что поделаешь, если вместо мозгов – промежность.

Антонов усадил нас в курилке, а сам заперся с Батовым в офицерской кондейке. Совещались они минут сорок, после чего Антонов вышел и велел заступать на посты, а кому положено - отдыхать. Очевидно, он принял верное тогда решение. Мне кажется, любая комиссия, узнав все обстоятельства дела, а также то, что лейтенант стрелял по своим подчиненным (даже если просто припугнуть), была бы на нашей стороне.

После этого случая Батов взял на вооружение другую, единственно правильную в армии, тактику: стал больше «подтягивать» положняков и разводящих, сделав их своими помощниками в управлении РОПом, а после этого еще усилил дробнее остальных. Что ж, классическая история: так заканчивается любая революция – массы остаются ни с чем и в итоге страдают еще больше, чем до нее; все сливки снимает ограниченное число людей, вовремя успевших подороже продаться.

Хуево повлиял на Батова приезд **Яремы**. Эти два гандона сразу подружились. Ярема прожил у нас всего три дня, но успел за это короткое время растолковать молодому лейтенанту, как следует обращаться с личным составом. Все эти три дня Батов бегал за ним и заглядывал ему в рот, как послушный ученик, и во всех последующих его действиях с тех пор чувствовался безумный почерк Яремы. Он стал таким же дотошным и в требованиях своих по соблюдению Устава доходил до маразма. Например, конфисковал тарелки, железные ложки и вилки, которые минометчики привезли с собой из Бути, где стояли до Химоя.

Патриотический плакат №4

Потребовал, чтобы у каждого, как положено, были свои котелок и алюминиевая ложка, проклеянные по всем правилам – с соблюдением рамки и сантиметров линий. Котелков, конечно, у нас столько не было, так как прежний командир РОПа – [майор Калуга](#) имел обыкновение плохо вымытую посуду просто выкидывать или расстреливать из автомата. Дошло до того, что чекисты вернули в столовую по приказу Батова котелок, прибитый к стене туалета и использовавшийся уже не первый месяц для туалетной бумаги. Опять же здесь отличился я, иронично пытавшийся растолковать Батову, что есть с тарелок удобнее, даже в армии, сам-то он с тарелки ест... Одному только Батов не мог научиться у Яремы: он не мог по-настоящему сходить с ума. А потому мы еще позволяли себе иногда с ним спорить.

Вскоре Батов взял на себя и обязанности каптерщика и целыми днями либо копался в грязных шмотках, сваленных в кучу под нарами, либо сидел в продскладе, считая ящики со сгущенкой и сухарями и пытаясь таким образом уличить поваров в недостатке и расхищении продуктов. Раз, во время обеда, он зашел на раздачу и заявил повару – [Реве-Бизону](#), что отныне лично будет следить за тем, чтобы Рева одинаково всем мазал вареную сгущенку на хлеб¹. И он стоял рядом и наблюдал за этим. В какой-то момент ему пришлось отлучиться, и он сказал оказавшемуся поблизости старшине: «Я тут отойду ненадолго, ты проследи пока». Андрюху – участника первой чеченской – передернуло от такой мерзости.

И окончательно превратился Батов в посмешище, когда задумал устроить на РОПе... **СПЕЦНАЗ!!!** Все три месяца своего там пребывания он тщательно следил за совершенствованием своей физической формы. Он вбил перед кухарой три столба, обвязал их старыми матрасами и часами жестоко пинал их, прерываясь лишь для того, чтобы пару раз

¹ Варить и мазать сгущу на хлеб тоже придумал Батов – так экономнее. Раньше мы всегда брали, сколько хотели, и просто наливали ее в крышки от котелков, и ставили по одной крышке на стол. И никого не обижали.

подтянуться на турнике. Он выходил на вертолетную площадку, напялив на себя две кирасы, и нарезал круги, по-спецназовски удерживая автомат,² а мы угорали, глядя на все это с постов. И вот он решил и нас осчастливить: заявил, что отныне на РОПе будет группа спецназа, что его многому учили, что он знает много всяких хитростей и тонкостей стрельбы и минирования, и рукопашного боя, и обращения с ножом, и вот, дескать, пришло время передать эти знания нам, но не всем, а только достойным, недостойные же будут заступать на посты в две смены – то есть мы теперь спать вообще уже не будем. «Спецназ» нести службу в карауле не будет. Он даже витамины с собой какие-то привез, как оказалось, чтобы кормить ими будущих своих бройлеров – универсальных солдат.

Я, помню, спросил тогда Тарана: может и нам...? Тот аж руками замахал и сказал, чтобы я не маялся дурью. Но ведь, может быть, есть возможность чему-нибудь действительно научиться? Да ни хуя он не знает, – поморщился Таран. Вот увидишь, побегают намного, заебутся, и будет все как прежде.

Так и случилось. Батов набрал десять придурков, у которых из башки армия еще не выбила всякую пацанско-романтическую дурь – преимущественно чекистов и лохов 8/1, но попали туда и несколько положняков. Наблюдая с поста, как он дрожит их бегом и качает, мы с Тараном делали ставки – сколько дней продлится это безумие. Продлилось оно ровно три дня, затем сами собой «спецназовцы» вернулись к «недостойным», то есть спокойному образу жизни, дежурству на постах, к сидению в курилке... Поиграли и хватит. И тогда я не упустил случая подьебнуть Батова, спросив невинно: не является ли нашей задачей караульная служба? У нас ведь ротный опорный пункт, а не штурмовой отряд? Мы ведь должны не наступать, а обороняться? Не так ли? Контролировать местность. Может, лучше поучимся обороне?

Когда после событий начала августа (см. [Таран](#), [Имитация](#), [Подлас](#)) отправляли дембелей и провинившихся со сном в ПВД «Ботлих», и вместе с их фамилиями в списке я вдруг услышал свою, мне стало не до шуток. Я пошел к Антонову и прямо спросил: за что меня-то снимают? Почему остается лох [Ананников](#), который уже четыре раза палился со сном на посту, а я, ни разу не заснувший на службе, хотя и ебусь, как остальные, я, переделавший два поста из обычных окопов в каменные бункеры, должен возвращаться в этот гребаный полк? Какая за мной вина? Антонов что-то промышчал нечленораздельно, и через сутки я уже глотал пыль в Ботлихе. Через месяц сняли Химой, и Батов тоже оказался в ПВД – **НА, СУКА!!!** Шли дожди, и наблюдая его худую согнутую фигуру, неуклюже

² В одной согнутой в локте руке – стволом вверх.

прыгающую в высоких резиновых сапогах через лужи, я испытывал чувство удовлетворения. Есть Бог на свете. Заниматься спортом здесь было негде и некогда, понты нарезать не перед кем, дрочить некого. Все эти места были заняты.

Лейтенант Кондратьев

Молодой литеха, только после училища, пришел командиром взвода во второй ангарский батальон и вел себя тише воды, ниже травы. И все в рот заглядывал Щербакову (см. [Шакалы](#)), просто тащился с него, старался ему подражать, воспроизводить его походку, манеры, интонацию. Понемногу наглел, осваивался, но дембелей почему-то боялся. Все время с ними заигрывал, шутил: ну, че, дембеля... эй, дембеля! Короче, лох.

В [командировке](#) заведовал батальонными бэтэрами, заступал старшим на ночной [блокпост Ансалта – Ботлих](#) и очень много понтовался. Как-то, помню, принесли в батальон из штаба видак. Сели смотреть чеченские съемки трофейные. Аргун, зима 2000-го, допрос двух русских пацанов, только что извлеченных из подбитого бэтэра. Те, хлюпя носами, говорят чеченам, что не стреляли, что даже магазины у них полные, что это командиры их, пидор, направил их сюда, хотя надо было вообще в другую сторону, короче, обоссались не по-детски... А Кондрат смотрит все это и с такой нарочитой брезгливостью, с пафосом Справедливого И Все Знающего Защитника Родины говорит: **«Уроды. Вот уроды! Смотрите на них, солдаты, это самые настоящие уроды!»** Мы смотрели, и, уверен, у всех в этот момент была одна и та же мысль: а ты-то сам как бы себя вел? А я?

Все свои положенные три месяца Кондрат провел в [Ботлихе](#), копаясь во внутренностях нашего с Сусликом безнадёжного 123-го бэтэра. Возвращались в [Ангарск](#) вместе. В полку мы просили его помочь с поездкой в город – нужно было снять деньги со счета (см. [Боевые](#)), купить билеты. Кондрат забил на нас хуй, а больше нами никто заниматься не хотел. В итоге нам помог другой офицер (см. [Шакалы](#)), абсолютно нам не знакомый. Мы сделали все дела, получили в штабе документы, и осталось нам только выйти за ворота части. И тут, уже на КПП, какие люди! Кондрат собственной персоной! Стоит и денег клянчит. Буквально с протянутой рукой и ноет: «Ну, че, дембеля... Ну, дембеля... Ну, сколько я для вас сделал! (ни хера не сделал, хотя кое-что мог), ну, где ваша благодарность?»¹ Противно до блевоты. Офицер, еби его...

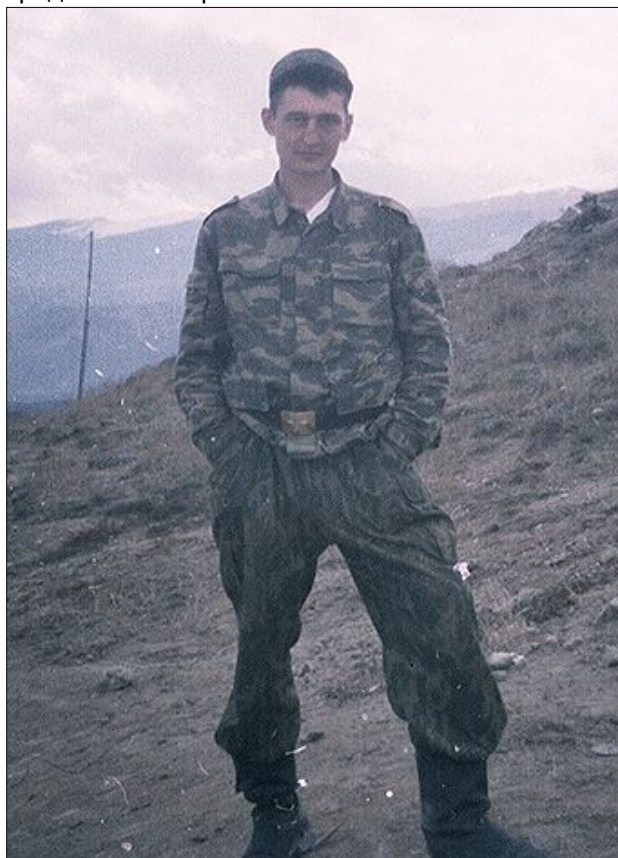
¹ У каждого из нас в карманах лежало по десять-двадцать тысяч, у некоторых долбоебов и по сорок.

Лис

Фамилия его Лиснеев, окончил какой-то технический ВУЗ, и призван был, естественно, на год. С какого перепугу его перед самым дембелем отправили в [командировку](#), не знаю. Приехал он туда срочником, контракта никакого не подписывал. Приехал в Ботлих в начале осени, где мы в очередной раз и встретились. До этого были знакомы по службе в Ангарске.

Проблемы не оставляли Лиса до самого конца. Он должен был уезжать из Дагестана вместе с нами. За неделю до дембельского поезда его отправляют на Зиберхали. Зачем? Поди пойми. Уезжая, Лис только не срался от страха, что пропустит дембель. Примеры были перед глазами (см. [Старый, Абдула](#)). Но его вернули ровно через неделю с разбитой в нулину харей. Он был на Зиберхалих наводчиком, и пригревшись в БТРе у печки, проспал появление разводящего.

В Ангарске «на волю» мы вышли втроем. Я, [Таран](#) и Лис. Лис тоже из Братска, как и Таран. В городе Лис поехал ночевать к своей девушке, пообещав, что до моего отъезда еще увидимся, и пропал. В день моего отъезда звонил Тарану и, сильно пьяный, мычал что-то неразборчиво в трубку. Наверное, передавал мне привет и извинялся.

Лис в Ботлихе

Литехи

- презрительно называли срочники молодых лейтенантов, только что попавших в армию после училища и никогда не тянувших срочной. Уважать их было практически не за что – знаний ноль, понтов – выше колокольни. Они, кстати, больше всех нас и дрочили. Для них училище было, что для нас **чекланка**, только тянулась она у них пять лет. Приходит какой-нибудь дрыщ – в училище очки пидорил, а здесь взводом командует и сам своего взвода боится, но называется «офицер»!

Лося!

Команда, обращенная к тебе старослужащим, означает, что ты должен поставить «лося», то есть крепко прижать кисти рук ко лбу, одна на другой, так, чтобы ладони были открыты и обращены к подающему команду (типа «рога»). После чего следует сильный - со всей дури - удар кулаком или локтем в верхнюю ладонь. Затем доклад: «Лось убит, рога отпали, не желаете еще?» Если ответ «желаю», то все повторяется с начала. Вытворяется все это и в «наказание», и в «обучение», и просто для прикола. Видел я в Хабаровске, как

обезумевший от ярости дед пробивал **чекисту** одного «лося» за другим минут двадцать. Бедняга в итоге уже ничего не соображал и едва мог докладывать.

Лыжная прогулка

Этот вид издевательства над здоровым смыслом и здоровым телом был популярен в **Ангарске**. Проводилась «прогулка» в воскресенье, когда мы справедливо надеялись на один хотя бы день отдыха. Но нет, капитан Гибадулин (см. **Шакалы, Шаной**) вытаскивал полк на плац, проверял, у всех ли лыжи, и мы выдвигались в лес, расположенный недалеко от территории части, на довольно сомнительного качества лыжню. На первой такой «прогулке» я, едва очутившись в лесу, снял эти мерзкие палки со своих ног, положил на плечо и пошел обычным человеческим шагом. Снова напялил лыжи только на выезде из леса, а до финиша надо было проехать еще метров сто по открытому месту, и только поэтому я пришел вторым. Тогда же была сделана фотография, и я отослал ее домой. Мама, прочитав письмо, в свою очередь писала мне: что за лыжная прогулка такая? Разве на лыжах катаются в сапогах? Мало того, деды рассказывали, что «катались» на этих самых лыжах летом по асфальтированному плацу во время очередного дрочева батальона **Яремой**.

В следующее воскресенье эта тема не проканала, так как Гиба сам встал на лыжи и катился за нами, подгоняя отстающих ударами лыжной палки. Досталось и мне пару раз.

Лычки

Именно за эти два куска железки я ебался в учебке полгода. Радости они мне никакой не принесли.

Мабута

Слово употреблялось иногда и только офицерами. В значении «пехота». Происхождение слова мне лично не известно. Если кто просветит, буду признателен.

Майор Калуга

Командир второго ангарского батальона. Здоровенный двухметровый дядька с оглушающим басом. Довольно неглупый и очень симпатичный человек. Имеет привычку, узнав о солдате какую-нибудь интересную для него деталь, постоянно вспоминать об этом к месту и не к месту. По отношению ко мне это была моя «основная гражданская специальность»¹ - филолог, и Калуга, прочитав об этом в моем личном деле, постоянно напоминал мне об этом: «Ну что, как дежурство? Не тяжело филологу в суточный заступать?» Калугу все любили – он был и «строгий и справедливый», и

¹ Из военного билета

На лыжной прогулке

«чуткий к нуждам простого солдата», и «батяня-вомбат». Офицеров таких – единицы.

Макар

Беды Макаренко в Хабаровске начались с того, что он спалился с **чапством**. Во время изучения Устава в **комнате досуга** он не сумел ответить на какой-то ерундовый вопрос, и сержанты решили его прокачать. И вот, когда он отжимался от пола у стены за задней партой, у него из сапога выпали два куска хлеба, какие выдают в столовой. Сержанты обрадовались, тут же принесли со стеллажей две **кирасы**, напялили их на несчастного Макара (общий вес двух кирас чуть более тридцати килограмм), и он продолжил отжимания. Его тогда закачали в говно, в нулину, так, что он не мог стоять на ногах.

А вечером, после ужина, каждый курсант по распоряжению сержантов принес в роту по куску хлеба. Получился весьма объемистый пакет, который после отбоя сержанты вручили Макару и заставили есть. Вся рота в это время стояла на **дужках**. И он ел, а остальные **чекисты** кричали ему: «Быстрее жри, сука! Пидор!» (После Макар несколько раз опиздюлился и от нас.) Полночи мы

вставали на дужки и падали, вставали и падали, пока сержанты, вдоволь натешившись зрелищем, не дали отбой. Недоеденный хлеб убрали в чью-то тумбочку, а наутро его там уже не было. Сожрали. Причем сожрал кто-то из тех, что называли Макара «чапой» и плевали ему в лицо. Явно это были не сержанты.

В **Хабаровске**, в карауле, будучи часовым подвижного поста в автопарке Макар, спалился дежурному по полку за разговором с дневальным по парку. Дежурный попался вредный и не поленился пожаловаться командиру роты на то, как его молодые бойцы несут службу в карауле. Ротный пришел в караул, вытащил из койки уже получившего от сержантов пизды Макара и добавил ему от себя. Затем дал ему черное гнущее ведро и велел вычерпывать этим ведром говно из караульной параша и таскать его в яму метрах в двадцати от караулки. Не знаю, сопротивлялся ли Макар хоть немного, я в это время был на посту. В какой-то момент до меня донесся настолько сильный запах самого настоящего ГОВНА, что я, стоя на вышке, начал внимательно осматриваться по сторонам, ибо такое зловоние просто не могло не иметь хоть сколько-нибудь зримой причины. И я увидел Макара. Верьте мне, это было жалкое зрелище. Он передвигался так, будто ведро с дерьмом весило не меньше центнера. Плечи и голова низко опущены, ноги заплетаются. Весь какой-то расхлябанный и унылый, будто из него воздух выпустили. Воплощение вины и позора! Эта резкая перемена в человеке произвела на меня сильное впечатление.

Ведро на веревке он опускал в очко, вытаскивал, нес по караульному дворику, выходил за забор и, обойдя кругом караулку, выливал его содержимое в яму за помещением гауптвахты. И возвращался назад. Я отстоял на посту два часа, сменился, а Макар все таскал и таскал. Был август, страшная жара. Запах учуяли на самых отдаленных постах. И даже на территории полка. Караулка же провонялась полностью, было невозможно дышать. К горлу подступала блевотина, а уйти было некуда, запретить Макару тоже никто не мог – приказ командира роты.

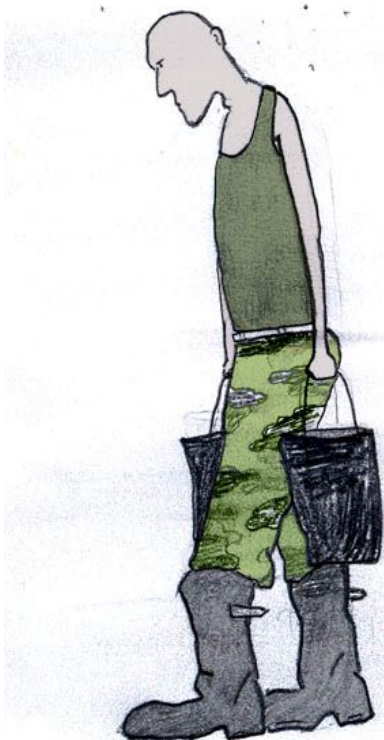
Я уже одевался на следующую смену, то есть прошло четыре часа, когда пришел ротный и, оценив масштабы последствий устроенной им экзекуции, велел Макару завязывать. А тот не вычерпал и половины.

Раз и навсегда после этого Макар стал опущенцем. От него отвернулись все. Ему больше никто не подавал руки, не принимал от него сигарету, его боялись задеть плечом. С ним никто не разговаривал. Его презирали даже такие же как он чекисты. Через два дня я был свидетелем того, как хабаровская чекара в столовой изгоняла его со

своего стола, и впредь он принимал пищу в одиночестве.¹

Макар поник, весь как-то почернел и, казалось, что от него всегда воняет, что запах того дерьма никак не может от него отвязаться. Но самое ужасное было то, что он полностью утратил чувство собственного достоинства. Его дрочил свой же призыв. Любой дневальный мог отправить его пидорить очки, мыть полы, выносить мусор. А ему было похуй. Его теперь не пиздил только ленивый.

Последнее большое унижение, которое Макар пережил в Хабаровске, было опять связано с чапством и показывало, до какой степени ему стало все равно. Это было уже в конце учебки. Раз я зашел в туалет и увидел такую картину: Макар стоял на очке, держа в одной руке открытую банку сгущенки, и лил молоко себе в рот. В другой – надкусанную булку хлеба. Кругом стояли 9/1 и плевали ему в лицо, и пинали ногами, и орали: «Быстрее, сука! В темпе!» А Макар давился сгущенкой и бормотал: «Подождите, подождите, я не могу так

быстро...» Оказалось, что сержанты велели выбросить Макару полупустую банку сгущенки. Кто-то из хабаровских зашел в туалет и увидел Макара стоящим над мусорным ящиком и пальцами выгребавшим из банки остатки молока... Сержанты

¹ Однако те же хабаровские не побрезговали через неделю послать Макара за сгущенкой и печеньем в магазин, когда надо было идти через КПП и врать, что несешь сержантам.

об экзекуции ничего не знали. Акция очередного «опущения» была целиком организована своими же, 9/1.

В **Ангарске** Макар, как того и следовало ожидать, попал в **PMTO** – роту ЧМО, как ее называли наши добрые офицеры, и с первой же партией уехал в Дагестан.

В Дагестане Макара почти никто не знал. 9/1, бывших с ним в Хабаровске, было немного и все они были раскиданы по **РОПам**. Макар же все свои полгода оставался в **Ботлихе**, сел на водовозку, по три-четыре раза в день мотался в город; к нему постоянно подходили контрактники, офицеры, просили купить то, се, на сдачу чаще всего не претендовали. У него постоянно водились деньги, появились постепенно хорошие знакомые, и Макар поднялся, оположился, потолстел, вновь обрел уверенность в себе и начал даже слегка покрикивать на **чекистов**.

Когда меня поставили старшим на производстве **самана**, я все время зависел от него, так как часто нужна была вода, которую он и доставлял в полк из Ботлиха. Ближе не было. И вот раз подхожу к нему и говорю: Макар, подъездь, пожалуйста к нам, слей воду. Макар: му-хрю, нет воды, бе-ме, начал мазаться... Не пизди, говорю, есть же у тебя вода. Да, вот машина перегрелась, и вообще надо уже в роту идти, вечером привезу. Макар, говорю, куда там «вечером»? Мне сейчас замес надо делать, а то мы на весь день без работы останемся. А он повернулся и пошел. Вот тут я не выдержал. Ты, сука, говорю, забыл, как в Хабаровске сгущенку в сортире жрал? Как очки лезвием шкрябал? Как говно в ведре таскал забыл, пидор? Хули ты выебываешься, урод? Минута времени, вода у меня. И сразу Макар переменялся, в один момент. Стал прежним, как раньше. Тихим и мрачным. Залез в свою водовозку и вырулил на саман.

Масло

Единственное лакомство, выдаваемое каждый день в столовой. Для задроченного, голодного **чекиста** кусок хлеба лучше всякого пирожного, а масло – что-то вроде крема. Поэтому, видимо, масло так прочно обосновалось в солдатском фольклоре: «Масло съели – день прошел, старшина домой ушел...». Типа масло съели, и ничего хорошего сегодня уже больше не будет.

Медкомиссия

Первая за армию была на учебном сборе в **Ангарске**. Больше всего мне почему-то запомнился визит к психиатру. Впервые за последние три недели я увидел вдруг перед собой нормального

человека, который, несмотря на звезды на погонах, не называл меня «лохом», «оленем», «дегродом» и «пидором», не орал, не выебывался, а просто разговаривал, шелестел бумажками, тихо так все, интеллигентно.¹

Ну, скажи, говорит, что общего между сапогом и карандашом? Я подумал и говорю: не знаю. Хорошо, говорит. Вот, если бы ты ответил правильно на такой вопрос, то это значило бы, что ты ненормален. Сапог и карандаш схожи тем, что оба оставляют след.

Вторая медкомиссия тоже была на учебном сборе, когда решали, кого в какие учебные полки послать, а кого в Ангарске оставить. Я как жопой чувствовал, не хотел ехать в [Хабаровск](#). И сказал, что плохо вижу, что плоскостопие, что травма позвоночника и боли в области сердца. И меня отправили в Хабаровск. Учиться на командира мотострелкового отделения.

Медосмотр

Хабаровск. Месяц - сентябрь. Из исключительно благих побуждений и с целью выявления безответственных и вредных элементов в армии, а

¹ Собственно за всю армию подобных людей я видел еще раза два-три, и то были это фэсбэшники. Тоже тихие, вежливые. Но тогда, на учебном сборе, я переживал период адаптации, и нормальное поведение расценивал как проявление каких-то замечательных человеческих качеств.

также с целью их последующей нейтрализации и исправления путем дисбата, кичи и лишения сладкого, командование полка решает каждую субботу устраивать поголовные медосмотры для всего рядового состава, то есть для курсантов учебки, на предмет обнаружения синяков и ссадин, и кровоподтеков, и ожогов от утюга, и отпечатков звездочек бляхи солдатского ремня на наших ягодицах и других частях тела. Сие распоряжение очень меня заинтересовало, т.к. всего вышеперечисленного (не у всех, правда, и кроме, конечно, ожогов от утюга) у нас хватало, а потому любопытно было, как наши сержанты будут искать выход из ситуации, а в случае чего оправдываться. Однако деды, еще и не такое в армии выдавшие, ни на секунду не растерялись, и решение проблемы было найдено мгновенно, сколь простое, столь же и гениальное.

Медосмотр проводился следующим образом. В субботу, с утра, командиры отделений осматривали нас сами и при обнаружении малейшей царапины обладателя ее запирали в [комнате дóсуга](#). Ближе к обеду прибывала медсестричка и располагалась со своей тетрадкой и градусником в бытовке, куда тут же выстраивалась очередь из обнаженных курсантов с безукоризненно чистыми телами. Прошедшим медосмотр первыми не позволяли одеваться, но держали их «в резерве» для того, чтобы в конце запустить их еще раз.² По количеству отмеченных на этой неделе кулаком, ремнем, сапогом или табуреткой они заходили в бытовку снова и называли чужую фамилию, чтобы у медработника не было расхождений со списком, который она приносила с собой из санчасти. Работавшую медсестру всегда окружали вежливые и заботливые замкомвзвода - для подстраховки, чтобы в случае чего улыбнуться, флиртануть и толково замять какую-нибудь неожиданность. Но необходимости такой никогда не возникало. Все было устроено грамотно и проходило без сучка, без задоринки. Голые, стриженные под одну гребенку, мы мало чем друг от друга отличались. К тому же только в нашей роте было сорок пять человек, а до прихода к нам медсестра обходила 3-4 других казармы.

Местные

Хуже всего в армии, по-моему, оказаться местным. Это я понял на примере четверки местных в хабаровской учебке. Их постоянно грузили на деньги и балабас, в то время как с иркутских, например, взять было нечего - к ним не приезжали, а если и приезжали, то крайне редко. В отличие от нас, для

² Офицеры в Хабаровске себя проведением подобных мероприятий не утруждали никогда. Все, целиком и полностью, было возложено на сержантов.

которых пребывание в Хабаровске было временным, местные не могли себе позволить даже просто ненавидеть «стариков», так как призывались в Хабаровск и должны были оставаться здесь все два года.

И они шестерили сержантам и были их первыми помощниками в управлении чекарой. В то же время за любой косяк роты спрашивали в первую очередь с них. Заводили в галюн и пиздили, пробивали фанеру и качали по очереди. Те выходили озлобленные и хуярили наиболее слабых чекистов. Крепких не трогали. Вообще молчали. За все за это счастье им иногда перепадал лишний грамм печенья, в кухонном наряде могли поставить не на мойку, - запахло считалось, да и въебывать надо было целый день, - а в горячий зал; на [стрельбище](#) вторыми, после сержантов, подходили к котлу. Все четверо также первыми и единственными удостоились чести быть переведенными в «[щеглов](#)» и до усрачки горды были своими красными задницами.

Помню растерянный вид одного из местных, когда сержант заявил ему, что хочет познакомиться с его сестрой, которая каждые выходные приходила на КПП.

Метод разлива воды

Данный метод уборки запрещен Уставом, но очень популярен и у [сержантов](#) и [шакалов](#): хуево убрались, грязно, на [ЦРП](#) и в расположении - выливается несколько ведер воды, [чекисты](#) кладут на пол тряпки, упираются в них руками и так бегают по [ЦРП](#), гоняя воду туда - обратно. Эта хуйня тоже как-то называлась, забыл.

МИ-24

Боевой вертолет, из-за своей хищной формы прозванный «крокодилом». Однажды в [Химое](#) с поста я в течение двух часов наблюдал, как два

крокодила бомбили одну высотку. Феерическое зрелище. Они полностью выпускали боекомплект, улетали, возвращались и начинали сначала. Очень красиво.

Младший сержант Пивняк

Хабаровский сержант. Кличка Пиво. Призыв 8/2. Внешность фамилии соответствует. Ненавидел меня за то, что я раньше его увольняюсь, хотя позже призван, за то, что имею высшее образование, за то, что крепче физически, за то, что ко мне хорошо относились все деды и давали мне иногда такие послабления, которых он по [чекланке](#), видимо, не имел; завидовал тому, что я за руку здоровался с командиром полка. Часто я слышал от него: «Смотри, деды уедут, я тебя задрочу, опущу ниже канализации»... Когда деды уволились, действительно стал посылать меня на самые грязные работы, доебывался до всякой мелочи, а однажды, придравшись к какой-то хуйне, во всеуслышание объявил меня стукачем, и призвал 9/1 (мой призыв) меня «опустить». Но ничего этого не было, потому что даже в армии со всем ее беспределом нужны веские причины для того, чтобы так поступить с человеком. 8/1 к этому относились очень серьезно.

Музыка

Когда по утрам в [Ангарске](#) нас выгоняли на плац для зарядки, то в клубе включали на полную мощность какой-то матюгальник, выведенный на улицу и настроенный на Русское Радио. И вот представьте: зима, снег, холодно, темно; топот многих ног, строем бегут тела - сотни, словно стада буйволов, крики сержантов - все это мельтешит вокруг тебя, а из динамиков хрипло орет какой-нибудь Киркоров или что-нибудь вроде: нугдежеручкинугдежеваширучкидавайподнимемручку ибудемтанцевать! Все это напоминало какое-то тщательно организованное безумие, какой-то дьявольский шабаш, взбесившийся мир теней... и было по-настоящему дико.

Мусульманское кладбище

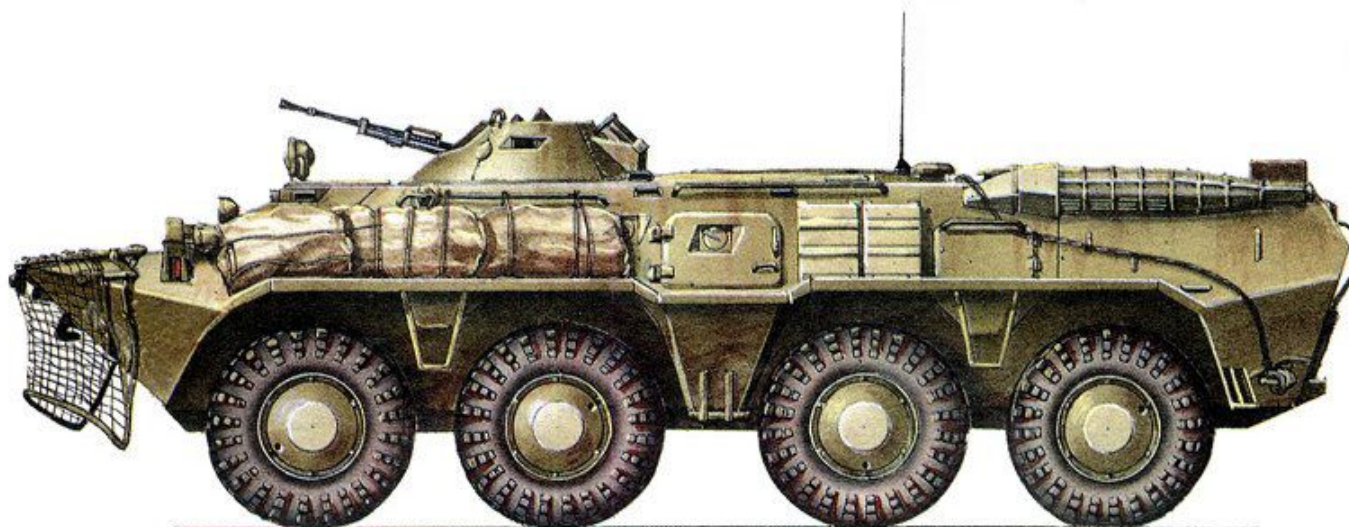
Располагалось рядом с [Химоем](#) и хорошо просматривалось с моего любимого [второго поста](#). Небольшое, все заросшее травой и яблонями. Длинные каменные куски с арабской вязью вкривь и вкось, и три высоких белых столба, на верхушках серебристые «маковки» с полумесяцем – так хоронили «погибших за веру в священной войне», боевиков то есть. В газете недавно прочитал другой вариант – «отомщенных боевиков». Ну, да неважно это. Хотя красиво.

Наводчик БТР

Среди дембелей, с которыми я прилетел из [Химоя](#) (см. также [Лейтенант Батов](#)), был Суслик 8/2 – человек жизнерадостный и щекастый, но он не уволился, а подписал контракт еще на полгода и устроился в автопарк механиком-водителем БТРа. Он сам позвал меня в наводчики и нарисовал мне золотые горы. У него был план: отремонтировать бывший спецназовский 123-й БТР и сменить на водозаборе [Прищепу](#). Давай со мной! – говорил

этом и не сомневался, хоть и не понимаю ни фига в этих «форсунках», Суслик реагировал весьма болезненно, начинал суетиться и доказывать мне, что вот подшаманить карбюратор... что вот начмех приедет из Махачкалы и привезет новый масляный фильтр... и тогда, тогда... аж дух захватывало.

С утра я чистил пулеметы, практиковался в сборке и разборке [КПВТ](#), а потом садился на броню и наблюдал за стараниями Суслика, вслух выражая свою зависть водителям: вот, дескать, почистил пулемет и делать нечего, а тут с деловым видом копаешься во внутренностях совершенно безнадежной, разбитой машины, весь вымазанный маслом бегаешь по полку, ведешь умные разговоры о поршнях и прокладках... - романтика трудовых будней! Однажды мы даже поссорились, когда я, разомлевший под нагретой солнцем броней, отказался встать с сиденья для десанта, чтобы подать Суслику ключ «на двенадцать». Я сказал, что ему через каждые пять минут требуются то ключи, то гайки, то «вон та черная херня», а я не мальчик на побегушках, а Суслик сказал, что ему бы было запаadlo валяться, когда другие работают, а я

Суслик. – Целыми днями тащиться будем. Перспектива была заманчивой, и я согласился. К тому же с дембелями уехали офицеры батальона, а из новоприбывших меня никто не знал, и я на первом же построении заявил, что был наводчиком в [Ангарске](#). Меня взяли. Еще у меня было желание изучить [КПВТ](#), все на пользу время пройдет.

В технике я ничего не понимаю, а потому общение со своим водителем было для меня весьма ценным опытом. Суслик и сам по себе довольно забавный человек, постоянно наводящий бурную деятельность и каждую секунду выдающий планы – один грандиознее другого. Он мог целый день копаться в моторе этой безнадежной рухляди, а под вечер, грязный как свинья, вылезти и сказать, что «форсунки» или «заслонки» ни к черту, и сегодня уже никуда не поедет. На мои замечания, что я в

сказал, что мне не запаadlo, и я – наводчик, а не стажер-механик, а Суслик, стараясь оставаться спокойным, напомнил мне, что я тоже имею отношение к бэтэру, но, когда я ответил, что «мои пулеметы в порядке», раскричался и намекнул среди прочего, что может найти другого наводчика, после чего я демонстративно покинул БТР и отправился в туалет.

Триумфальным для Суслика стал день, когда БТР наконец-то завелся и смог проехать десять метров туда-обратно по автопарку. Весь сияющий, Суслик ломанулся в батальон звать ротного. Решено было в качестве испытания на следующий день оттранспортировать нашу роту на стрельбище. Назавтра БТР выехал из полка и обреченно заглох на полдороги. Когда мы возвращались пешком со

стрельбища, Суслик находился все там же и был очень зол, что пропустил обед.

Как наводчик я стрелял на стрельбище из пулеметов другого БТРа и был поражен мощностью КПВТ и простотой его наводки. Должность мне эта понравилась, и я занимал ее, пока очередная прихоть командиров не забросила меня на [саман](#).

На всю голову

Так было. Приходит Егор в военкомат и говорит: здравствуйте, я такой-то, такой-то, университет заканчиваю, пора об армии думать. Работники военкомата и бровью не повели, давно работают люди – всяких долбоебов видали – этим их не удивишь. А ради бога, говорят, проходите комиссию. Проходит Егор комиссию, и снова в военкомат. А там говорят: представляете, дескать, какой конфуз, мы дело ваше личное потеряли. Вот не можем найти и все тут. Но вы не переживайте, сейчас еще поищем. Через сорок минут нашли дело. Вот, говорят, вы бы не пришли – мы бы про вас и не вспомнили.

И тут заводит Егора к себе в кабинет дядя в форме, садит за стол, прикрывает плотно дверь и говорит: я вот тут подумал, молодой человек, и кажется мне, что лучше вам в армию не ходить. Согласны? Нет, говорю, не согласен, Родину защищать хочу. А, - говорит дядя, - похвально, похвально... Так вам, может быть, лучше осенью пойти? Нет, говорю, Родина ждать не станет... Короче, не поняли мы друг друга.

Но, честно говоря, особого желания идти в армию не было. Но и скакать по съемным квартирам, мочиться под себя и деньги платить тоже...

Награды

Как-то слышал, полковник из [группировки](#) говорил, что каждому солдату, бывшему на Кавказе, положены следующие нагрудные знаки: «За службу на Кавказе», «За отличие в службе» – первой и второй степени (при условии отсутствия серьезных косяков), «Участник боевых действий». Но не выдают их, так как нет денег. [Контрактники](#) в ПВД сами покупали их, отдавая деньги офицерам, часто бывавшим в Махачкале. Приплачивали, конечно, за хлопоты. Получив знак, оставалось только сунуть полтинник [писарю](#), чтобы тот, улучив момент, вписал его в военный билет и подделал подпись командира полка. А в [Ангарске](#), когда брали военбилеты для оформления дембеля, эти данные никто не проверял. То же было и со званиями. ***, например, таким образом произвел себя в сержанты. Относиться к этому можно по-разному, хочу только сказать, что многие после армии идут в милицию, в охрану, ГИБДД и проч., а там при приеме на работу все эти цацки имеют значение. Я

знал, что в подобных местах работать не буду, поэтому не суетился.

Наркоман

Любопытнейший персонаж, которого мы часто наблюдали с постов в [Химое](#). По местным законам за каждый «акт» наркомании полагалось какое-то количество ударов палками. Не в силах сдерживать себя, и не имея возможности хоть где-нибудь спрятаться и не спалиться, он кололся прямо на крыльце, я не раз видел это в бинокль, а потом сам послушно отправлялся к старейшине за очередной порцией палок.

Новости

Доходили всегда с большим опозданием и в страшно искаженном виде. Подумать только, я пропустил смену главы государства и даже не знал, на какие выборы нас ведут (хотя, может быть, просто внимания не обратил). А эта новость в середине осени, что весь ангарский полк в полном составе отправлен в Чечню (не весь и не в Чечню)? А через месяц, что всех в той Чечне перебили (не в Чечне и не перебили, - ни одного убитого)? Полнейший информационный вакуум: ни увольнений, ни ТВ, ни газет, ни журналов. За исключением, конечно, «[Братишки](#)». Из новостей - изобретение какой-нибудь очередной суперлазерной присадки на пистолет.

Ногти-ноги

Ножниц никогда не было. Ногти на пальцах рук я просто обкусывал и обкусывал бы на ногах, но было противно и неудобно. Приходилось, преодолевая отвращение, отрезать их лезвием.

Ноги всегда были сбиты от [зарядок](#) и походов на [стрельбище](#), и от [сапог](#), то маленьких, то больших. Чистотой особой тоже не отличались. Стирать по [чеклани](#) портянки – изрядная роскошь. Сержанты говорили: стирайте ночью. [Чекисту](#), чтобы он ночью

проснулся, надо хорошенько с ноги в рыло уебать. И то не факт.

Когда я заступал [дежурным по роте](#), то в расположение ночью заходил, только если этого требовал проверяющий офицер. Как-то пришел один жирный лейтенант и давай всех спящих пересчитывать. А у нас в то время (это на учебном сборе у 9/2 в [Ангарске](#)) в роте было 250 человек. Пять сотен сапог с намотанными на них вонючими грязными портянками, 250 абсолютно неконтролируемых зловонных задниц! Как ему было не противно? Я чуть не задохнулся тогда. А он досчитал и говорит: «Так... значит, триста пятнадцать человек... А должно быть сколько?» А я ему: «Откуда, товарищ лейтенант, триста пятнадцать? У нас всего двести пятьдесят!» Жирный понял, что ошибся. Стоит и в темноту смотрит, туда, где солдатики наши пердят. Ну, все, думаю, сейчас этот баран упертый пересчитывать будет, на этот раз меня точно вырвет! Но он постоял, еще немного понюхал и забил на это дело.

Нохчи

Вроде бы чеченское слово, которое переводится собственно «чечен». Очень было модным в Дагестане, употреблялось по поводу и без него.

Ночь!

В [Хабаровске](#) после отбоя кто-нибудь из [сержантов](#) обязательно орал со своей койки: «Рота, ночь!» Стало быть, нужно с головой накрыться одеялом и терпеть недостаток воздуха до команды «Отставить ночь!» Кто-нибудь из сержантов в это время прогуливался между коек, и по торчащим из-под одеяла конечностям можно было нехило получить ремненной бляхой.

¹ Во время проверки казармы дежурным по полку дежурный по роте обязан его сопровождать.

Объединенная группировка войск на Северном Кавказе (Высокогорная)

Об истинных ее размерах я, конечно, ничего не знаю. Что видел, то видел. Между городом [Ботлихом](#) и [Ослиным Ухом](#) есть небольшая равнина. Там и стоят войска. Мы, напротив - [кони](#). Рядом - САшники, потом [Грады](#), потом [аэродром](#) и опять САшники. Я вот тут ругался, что командиры наши в горах плац устроили (см. [Рушайло](#)). А у САшников так еще и вечерняя прогулка была. Каждый вечер до нас доносились звуки подзабытых уже было патриотических песен, исполняемых сотнями дурных голосов.

Один!

По команде «один!» к [сержанту](#) должен подбегать один, но подрываться должна вся рота. Нашим хабаровским сержантам так и не удалось научить нас правильно выполнять эту команду, но не потому что мы залупались, просто каждый всегда надеялся, что подбежит другой. Чаше наказывали так: если нужна была табуретка, например, но никто не соизволил подорваться, чтобы ее принести, тот составляли тащить эту табуретку всей ротой: удивительное зрелище, когда сорок человек, толкаясь и падая, пытаются взяться – все вместе за одну табуретку, а потом всей этой нелепой кучей тащут ее по [ЦРП](#) в бытовку.

Одиночество

Это то, о чем я мечтал всю армию. Ведь там никогда не остаешься один. Даже ночью вокруг тебя от сорока до двухсот храпящих, пердящих, сопящих рыл. Потому я очень любил ходить в [караул](#). Там не приходилось видеть этих тупых и злобных харь, долбоебов-[сержантов](#), задроченных [чекистов](#), сволочей-[шакалов](#), всех этих детских понтов и шалостей. Два часа можно было думать о чем угодно.

Окопы

В позе рака с саперной лопаткой в руках довелось отметить в разных точках нашей необъятной родины. В [Ангарске](#) бог миловал. В [Хабаровске](#) – в [кирасе](#) и каске, по уши в грязи под проливным дождем. Смешно – тот, кто рядом со мной копал, увлекшись работой, закидал землей, то есть, буквально полностью зарыл свой автомат. Обнаружил пропажу уже при команде: «Строиться!» и впал в истерику. Типичная армейская приколуха – прятать автоматы, вытаскивать магазины из

подсумков, незаметно снимать штык-ножи прямо с пояса (я был мастером последнего, чем до сих пор почему-то очень горжусь), чтобы научить молодых не разбрасывать дорогостоящее оружие, где попало. Ну, впал, стало быть, в истерику, слюни распустил. Начал кидаться на всех подряд с круглыми глазами: вы не видели мой автомат? Не видели? Нет? Спас придурка я (я видел, как он его зарывал). Но не сразу, а лишь насладившись зрелищем в полном объеме.

Душевно было в Дагестане. Даром что горы, камень крошился, как халва. В осколках мы находили вросшие в камень ракушки.

Чечня. За день мы вырывали в лучшем случае метр. Один здоровый камень, помню, вытаскивали неделю. Причем копали исключительно «в свободное от службы время», то есть, в то время, которое должно было отводиться для сна.

Кстати, первое, что нас заставили делать по

или на городке для тактических учений, следовала команда: «Сесть!» и: «Минута времени – вы у забора!» Передвигаясь на корточках, мы шли вперед цепью и вырывали руками траву, которая, сука, была и острая и крепкая. Благодаря тому, что все это делалось на время, мы раздирали ладони в кровь, пытаюсь успеть и не навлечь на свою жопу других неприятностей.

Опыт

Опыт, конечно, есть. Много чего всякого было, обо всем не расскажешь и не вспомнишь уже всего. А с другой стороны можно сказать, например, что человек был в Чечне. А чего я видел в той Чечне? Одну деревню, два ущелья... Или в Дагестане? В самом [Ботлихе](#) я был за всю службу, может, раза четыре. Иркутск, Хабаровск, Ангарск – то же самое. В сумме все это потянет на нехилое путешествие, но в этом смысле лучше быть, конечно, туристом. Армейский опыт совсем в другом.

прибытии в командировку, это рыть окопы. За территорий полка мы вырыли никому не нужную линию окопов, в совершенно невыгодном в тактическом плане месте. Зато, пока мы этим занимались, нас достали просто три ботлихских пацана лет по десять с просьбой продать или обменять патроны или гранаты. Все сошлись на мысли, что это происки [ФСБ](#).

Операция «Гусь»

Пользовалась большой популярностью у хабаровских [сержантов](#) в период лето-осень и проводилась так: роту строили где-нибудь за баней

Иногда представляю, как, может быть, лет через тридцать окажусь в уже мирной Чечне в качестве туриста. Вот поедем в [Химой](#) на экскурсию, селение ведь очень древнее... И вот поднимаемся на гору, экскурсовод рассказывает, что когда война была, здесь рота наших солдат-пограничников долго не могла трех боевиков взять, потому что у них очень удобные позиции были, и о том, как капитан зашел с тыла и гранату в них метнул... А я пойду к бывшему первому посту, где я стоял в последний месяц службы, - наверняка хоть яма-то останется, - и выкопаю из него лимонку, которую не смог с собой увезти, и ебну ее где-нибудь рядышком...

ОРТ

Съемочная группа ОРТ прилетела в [Химой](#) где-то в конце июня. С ними из полка прибыла рота [разведки](#) и при поддержке наших минометчиков они устроили «показательный бой». Прыгали по горам, кувыркались, стреляли по невидимым [нохчам](#), а телевизионщики, естественно, все это снимали. Потом постреляли из минометов, побегали по окопам. В заключение всех нас построили так, чтобы за нашими спинами видна была деревня, и попросили передавать приветы. Я подошел к капитану, сопровождавшему телевизионщиков, и попросил разрешения не сниматься. Тот позволил, и я удрал на пост к [Подласу](#).

Потом кому-то из наших писали из дома, что передача вышла в начале августа, называлась «Приветы с фронта», и что Химой наш тихий был показан как самая что ни на есть передовая.

Оружие

Поначалу отношение к нему было трогательным. Интерес, ощущение себя более мужественным и очень... взрослым. Но если чистишь автомат по два раза каждый день и получаешь шомполом по голове, за то что плохо почистил (см. [Чистка оружия](#)); если стоя глубокой осенью на вышке

второй час, только и думаешь о том, куда бы деть этот холодный кусок металла, оттянувший к ебням плечо; если прешься на стрельбище только для того, чтобы пальнуть два раза, а перед этим и после этого снова по часу чистишь автомат; если заползаешь на карачках в землянку, едва рассчитанную на одного человека, а в углу еще стоят два автомата и пулемет, и автоматы кладешь под голову вместо подушки, а пулемет вдоль тела, иначе просто негде будет лечь самому, то... заебывает.

Отпустили

Ничего особенного в тот момент, когда наконец я вышел за ворота [Ангарского полка](#), я не почувствовал. Я, [Лис](#), [Таран](#) сели в электричку и поехали в Иркутск. Эти первые минуты свободы мы запечатлели на пленку, и кому я эти фотографии не показываю, никто не верит, что это АБСОЛЮТНО ТРЕЗВЫЕ – ДО БЕЗОБРАЗИЯ – люди.

Отбой

Самая желанная команда «Рота, отбой!» После того, как дневальный со своей тумбочки проорет петушным голосом эти два слова, начинается дурдом. В [Хабаровске](#) мы отбивались на время.

Сержант считал до десяти. Когда он говорил «десять!», мы должны были уже лежать «в люлях», форма должна была аккуратно, как положено (китель с застегнутыми пуговицами и соединенным воротничком, сверху штаны – ремнем к проходу, сверху ремень – бляхой к проходу, сверху кепка – звездочкой к проходу) сложена на табуретке, под табуреткой – сапоги, на них намотаны, воняют, портянки. Конечно, мы не успевали, и следовала команда: «Рота, сорок пять секунд, подъем!» Мы вскакивали, путаясь в портянках и пуговицах, одевались, строились. «Рота, отбой!» И все сначала. Иногда мы отбивались по часу, по полтора, а то и больше. У сержантов был совсем другой график жизни: не было такой изнуряющей утренней зарядки, бесконечных ФИЗО, всех этих нарядов и уборок, беганий и ползаний в [противогазах](#). Они могли спокойно позволить себе лечь спать на часик-другой позже. Иногда они просто прикалывались, давая подряд команды: «отбой!», «подъем!», «отбой!», «подъем!» Мы начинали тупить и уже не знали, что делать, и за недостаток скорости платили драгоценными для нас минутами. Это был обязательный элемент непрерывного дрочева, настоящая дрессировка, которая давала плоды: уже через месяц, охувший от недосыпания, недоедания, оскорблений и побоев солдат становился сверхуправляемым, словно хорошо отлаженный механизм.

Палево

Серьезная вещь. Распитие спиртного, [кач](#), битие нерадивых [чекланов](#), спанье на койке в дневное время, пожирание съестного в расположении роты – все это требовало палева. «На палево» стояли, конечно, чекисты. Зайдя днем в роту, можно было, например, увидеть дрыхнувшего на койке [сержанта](#). Рядом с койкой, откуда видно весь [ЦРП](#), входную дверь и выход из канцелярии, сидел на табуретке чекиста и медленно и вдумчиво протирал тряпочкой [бляху](#) ремня. На солдат и сержантов он не реагировал, но стоило [шакалу](#) направиться в сторону расположения, как он подрывался и шептал: «Палево, товарищ сержант, палево, просыпайтесь!» Сержант вскакивал, садился на табуретку и также начинал пидорить ремень или берцы – «готовить внешний вид». По себе знаю, что спать таким образом не доставляет особого неудобства, солдат и стоя заснет, дай ему только время. «Проебать палево» было серьезным проступком и наказывалось очень жестоко.

Патроны

Как и все оружие и все боеприпасы, они мне очень нравились. Маленькие, блестящие, гладкие,

тяжеленькие, они катались в ладони и стучались друг о друга с приятным металлическим звуком. Нравилось заряжать магазин на скорость...

В [Химое](#) часто были проблемы со спичками. Хуже некуда, если есть, что курить, но нечем поджечь. Тогда патрон вставлялся пулей в дульник автомата, и под незначительным нажимом она выходила из гильзы. Порох поджигался с помощью линзы от бинокля или оптического прицела с [АГС](#)а, снайперской винтовки. А ночью можно было прикурить, бросив кусок проволоки на аккумулятор, который был на каждом посту для детонации мин направленного действия, установленных по периметру [РОПа](#). Или от дульника автомата, раскаленного от стрельбы.

ПВД

Пункт Временной Дислокации [Ангарского полка](#) в Дагестане, находившийся рядом с печально известной горой [Алилен](#), что недалеко от города [Ботлих](#). Включал восемь жилых палаток, автопарк, спортгородок, столовую, два склада, кухару и хоздвор. Невысокая скала окружала его буквой П. На ней находились посты [караула](#) и [зенитная установка](#).

ПВД был своего рода пересыльным пунктом. Сюда привозили новые партии на замену дембелям, меньшую часть оставляли в полку, остальных распределяли по [РОПам](#). Все здесь было устроено как в [Ангарске](#) – [зарядка](#), [развод](#), построения на прием пищи, вечернюю поверку, короче, тихий ужас. Гораздо выгоднее было попасть на РОП, повыше в горы, на каждом из которых было максимум три [шакала](#).

Первые ощущения

Первое, что бросается в глаза, когда попадаешь в казарму, это серость, одинаковость всего, грубая речь и свехнаплевательское отношение к человеку. Отметил бы страх перед неизвестностью и очень острое желание прямо сейчас, сию секунду, оказаться дома. Любому допризывнику посоветовал бы идти в армию по возможности в конце осени – зимой легче пройдет адаптационный период, так как меньше занятий на воздухе, а потому меньше дрочева.

Перевал

Жаль, что не довелось побывать там. И хотя все этот **РОП** ругали за погодные условия и проблемы с водой, когда приезжали дембеля оттуда, было видно, что все они успели подружиться – там всегда был хороший дружный коллектив.

Петриченко

Приморский. В **Хабаровске** свято верил во все, что говорили **сержанты**, и истово шестерил им, пробиваясь в положняки. Пробился и поимел с этого некоторые бонусы. Был очень важный на тот момент.

Однажды на зарядке **младший сержант Пивняк** объявил, что рота продолжит стоять в упоре лежа еще десять минут «из-за курсанта Иванова», из-за меня то есть. Сколько к этому времени мы уже так простояли, точно не скажу. Долго. Меня Пиво от отжиманий освободил, чтобы я смотрел на «своих пацанов». (см. **Коллективное воспитание**) Не выдержав, Петриченко вскочил и плюнул мне в лицо. Я, не стесняясь своих эмоций, уебал ему ногой в живот. Нас растащили. Через два дня, возвращаясь из увольнения, я столкнулся с ним на лестнице у входа в казарму, и он, заискивающе

улыбаясь, попросил у меня конфет. Я отвалил ему полмешка каких-то сладостей, и он рассыпался в благодарностях. Сладости и фильтровые сигареты закончились через пару дней и с легкой руки Пивняка, объявившего меня стукачем, Петрич стал подстрекать всех 9/1 собраться кучей и «опустить» меня. Никто не отреагировал.

Взаимная неприязнь продолжалась до конца учебки и достигла кульминации уже в поезде на подъезде к **Ангарску**, когда в тамбуре я этому гандону «набил лицо». Петриченко лишился теперь поддержки **сержантов** и был просто жалок.

Кк я уже писал, в Дагестане, на одном из **РОПов**, его спалили с **чапством** и в говно опустили деды.

Писарь

Те, кому не удавалось нормально устроиться, недолюбливали тех, у кого это получалось. Все как в жизни. Был у нас в **Ангарске чекист** 9/2 – штабной **писарь**. Целыми днями торчал в штабе за компьютером, здоровался за руку с полковниками, хуевниками – тащился, короче. В итоге до такой степени утратил ощущение реальности, что однажды на вечернюю поверку не вышел. А дежурил по батальону в те сутки **Ярема** и он, переругавшись со всеми этими полковниками, добился возвращения мандалая в роту, где тот был в первый же день жестоко и незамысловато отхучен рядовыми необученными бойцами.

Письма-посылки

Доходили через раз. Как-то зимой в **Ангарске гауптвахта**, разгребая снег за штабом, отрыла из сугроба толстую пачку писем с «гражданки», адресованных в батальон и до нас, конечно, не дошедших. Свои письма я по возможности старался отправлять либо через гражданских, либо с теми, кто уходил в увольнение, уезжал в город на работы и т.п.

То, что фээсбэшники проверяли солдатские письма, ни для кого секретом не являлось. В **командировке** я вообще старался только про погоду писать.

Хабаровские **сержанты** вынуждали нас писать домой с просьбой выслать денег – на дембель так собирали. Ни одно письмо, не помеченное сержантом Михилевым, не могло быть отправлено, т.к. он лично отдавал их приходившему раз в неделю ротному писарю. Полученные с «гражданки» письма также открывались в присутствии сержантов.

Дальше небольшой дайджест из писем, полученных и отправленных мной за полтора года службы. Так... для создания эпистолярного колорита... В хронологическом порядке:

...Погода у нас стоит отвратительная. На днях прошел тайфун с именем «Ольга». По городу повалило кучу деревьев, так как ветер был охеренный. Сейчас эта «Оленька» попиздячила к вам на север, так что ждите ветерок...

Андрей 5.08.99

...По телевизору и по радио передают, что в Чечне опять началась война, стягивают туда целые бригады внутренних войск и регулярных частей с техникой. Степашин сказал, что с бандитами надо кончать их же методами. Как же я боюсь, что ты туда можешь попасть!...

Мама 10.08.99

...«Женщины – воины» есть. Правда, ходят они не в сапогах, а в туфлях и на женщин мало похожи...

Маме 26.08.99

...Что в бандероль? Сигареты «Прима», пачку фильтровых, белых ниток, конфет дешевых. Все...

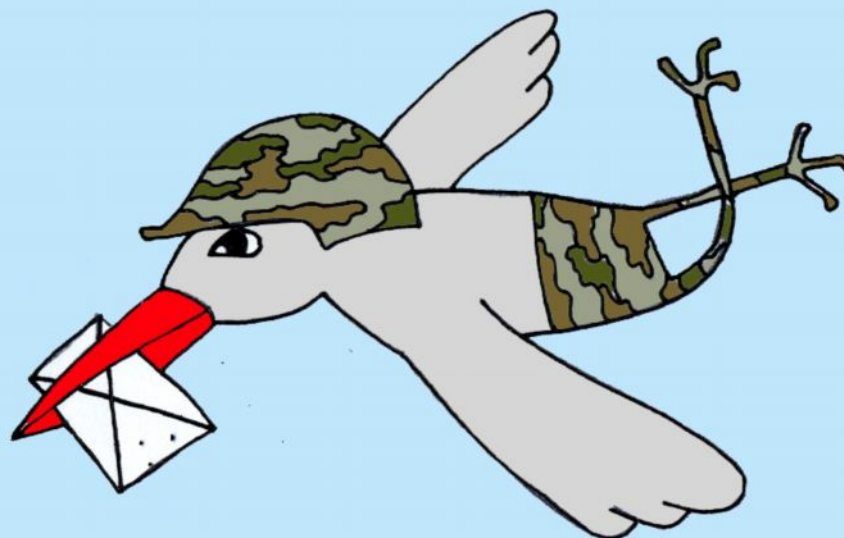
Роману 8.09.99

...Только что мы с Ромой вернулись от тебя (в смысле от твоих родителей). Хотели что-нибудь новенькое разузнать, а то ты не пишешь ни хера. Оказывается, ты и домой не соизволил написать! У тебя должна быть очень веская причина для этого....

Андрей 28.10.99

Привет боец! Получил твое письмо из Ангарска и, надо сказать, испугался. Прямо, блядь, апокалипсис сегодня. Ну если не сегодня, то завтра-послезавтра уж точно. По степени брутальности твое послание можно сравнить с Ромпер-Стомпером: «Мочить косых! Я хочу мочить косых!» не хватает лишь пары-тройки девочек из приюта, которых можно было бы отыметь всей ротой!...

...О, кстати! Тут выборы были на днях! Я

...Родители увлечения татуировкой не одобряют, бля, ну и че теперь? Кстати! Надеюсь, у тебя хватит ума не играть в техасского рейнджера, и ты не будешь проситься пострелять из автомата по чеченцам и дагестанцам? Я думаю, нам надо сделать, как у викингов: у них глава государства сам **вперед** на коне скакал на врага, а не тихо мумифицировал в кабинете. Представляешь Борю Ельцина с двуручным топором, в каске и на коне? Это же ништяк! Сидит его супруга дома, а ей почтальон похоронку в ящик почтовый! Встречайте, мол, в цинковом ящике... на щите, бля! Или хотя бы ногу ему оторвало... Я думаю, у нас был бы первый в мире безногий президент. Или безрукий...

Роман 31.08.99

ходил, чтобы проголосовать против усих! Андрей подошел к делу творчески и проголосовал за какой-то сталинский блок. Молодчинка! Губернатором нашего края в ближайшие четыре года будет господин Наздратенко. Дюжину хуев ему в рот и две – в жопу! За него не голосовал ни один из моих знакомых – друзей – родственников, никто! Тем не менее, этот еблан набрал около 80% голосов!!! Хуйня какая-то!...

Ну вот. С новым годом тебя. С новым счастьем! Хм... Постарайся не попасть в какие-нибудь там горячие точки. Пускай в тех точках господина Ельцин-Чубайс-Абрамович-Березовский греются. Это ихняя газовая труба через Чечню идет. Это они, пидорасы, страну губят...

Роман 27.12.99

Здорово, друзья! Начать хочу с хорошей новости: я отморозил себе левое ухо. Оно побелело, опухло и забавно оттопырилось. Такой прикольной штуки со мной еще не случилось. Ебучая Сибирь!...

...В этом идиотском полку мы только и делаем, что через каждые тридцать минут строимся на плацу, хуй знает зачем...

...Календарик себе приобрел. Теперь денечки зачеркивать буду...

...Хабаровск вспоминаю как страшный сон. Будь проклят этот город. Впрочем, и этот тоже...

**Роману и Андрею
4.01.00**

...раскуриваюсь регулярно. Вчера под планом был. Ходил по роте с красивыми глазками, а за мной ходил дежурный и просил, чтобы я съебался куда-нибудь и не делал лишнего палева...

Роману 6.01.00

...Если это добровольно, если это зависит только от тебя, то Христом Богом прошу, не вздумай...

Мама 20.02.00

Здравствуйте, родные! Письмо ваше получил 29-го февраля. Не беспокойтесь, «на войну» меня никто не забирает...

Семье 1.03.00

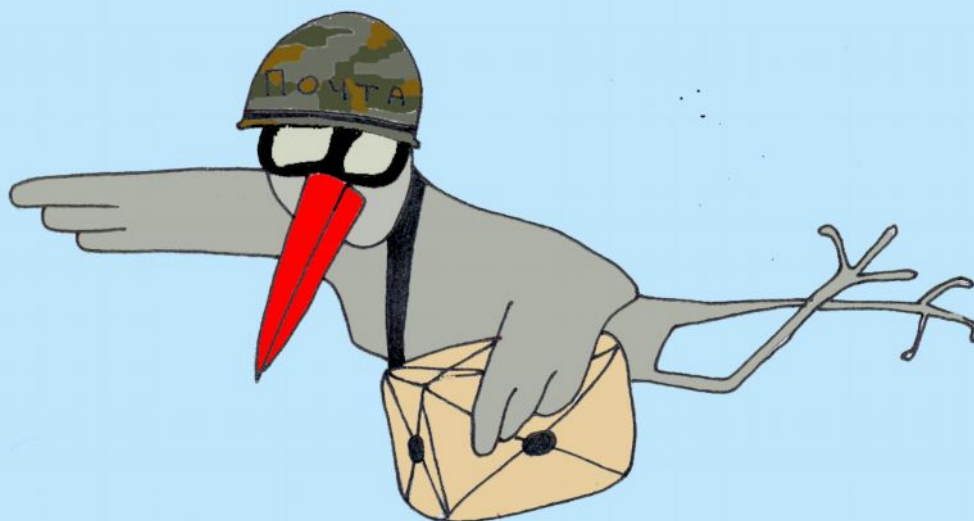
...накурился вчера вечером травы какой-то непонятной, химии там было много, судя по вкусу. Приход был велик и приятен. На ужин строимся, а я людей посчитать не могу и смеюсь, и плачу как девочка.

Роману и Андрею 3.03.00

...Конверты, прошу, подписывайте, что творится в этом крысятнике, ужас...

...не переживай, мама, не поеду я на войну...

Семье 3.03.00

...Человек сто - сто пятьдесят в полк пригнали из Читы, Улан-Удэ. Через месяц-другой – на войну, а они строевой занимаются, плац чистят. Сержанты на плацу лед саперными лопатками долбят. Некоторые вообще ни разу не стреляли...

Друзьям 27.01.00

...Живу во втором БОНе как чумной. Не высыпаюсь ни хрена. Разводы, построения, «борьба со снегом». Времени свободного нет вообще. Это письмо пишу уже полтора часа, так как отвлекают постоянно...

Роману 19.02.00

Здорово, Егорка! Прибило меня письма писать: часов с пяти нет света у нас, а сейчас уже 22.30 и сижу-пишу при свечке, в принципе, мне их свет на хуй не нужен, вот только купил сегодня банку кофе (!) на Наташкины деньги, а кипяточку-то, хе-хе, нема, блядь... * – пидор! Наздратенко – пидор! И Копылов, соответственно, тоже пидор, ясное дело!! А пока у власти всякие пидорасы, которые в политических интересах дробят городские рубильники с нашим светом, наш многострадальный народ-богоносец будет срать в подъездах и пить водку. Как это все надоело! На север хочу! К чукчам!...**

Роман 9.03.00

...Заебало меня здешнее дрочиво. Прошлую ночь опять не спали, из нарядов не вылазю. И чем больше пашешь, тем чаще тебя называют «скотиной» и «уродом». ...нервы уже не выдерживают...

Роману 23.03.00

Здравствуйте, родные. Пишу из поезда. Еду на Кавказ. В Дагестан. Так вот получилось...

Семье 29.04.00

Здравствуй, мой сыночек! Получили от тебя страшное известие 23 мая. Ну как же так получилось? Неужели заставили написать добровольное согласие, ведь уже был приказ о дембеле?...

Мама 26.05.00

...Мама ждет тебя каждый день, и мне говорит, чтобы я, если буду уходить куда-то, уходила после часа, потому что все поезда с Запада приходят к нам по утрам, вдруг ты приедешь, а дома никого нет, и ты без ключей... Из Калининграда пришло письмо: «Поздравляем Егора с возвращением...» Когда я им позвонила, они, конечно, расстроились...

Сестра 7.06.00

...Ну, что тебе сказать... Если б можно было тебя раньше отговорить от этого поступка, я была бы просто счастлива. Но ты (надеюсь, сознательно) сделал свой выбор, может быть, так лучше, хотя понять до конца трудно. Ты был бы уже здесь. Имел интересную работу, приличный заработок, самореализацию в конце концов... После твоего последнего письма я немного в непонятках. Может, просто в таком настроении писал, но ТЕБЯ в этом письме нет. Это мог бы написать какой-то деревенский парнишка, призвавшийся с трактора, но не Ты. И я пишу для человека, которого я знала. Мыслящего. Возвращайся скорей, а? Мы тебя ждем...

Однокурсница 9.06.00

Здорово, друг Егорка! Эк занесло тебя, чувак! Сегодня 10 июня, подозреваю, что если бы тебе крышу не повело, наемник, бля, то сегодня бы уже всяко дома был бы. Долго не мог и не хотел писать тебе – ничего, кроме ругани, в голову не шло, ругали тут тебя хором, все вместе. К твоим зашел как-то, да неудачно так: только-только письмо от тебя получили. Ты уж и не говори им лучше, что сам поехал, по собственному желанию. (Мама твоя плачет.)

У меня дела такие: все сдал, никому не должен, диплом на «4» защитил. (Кстати, пока не забыл! Мы уже и с Андрюхой договорились: приедешь – таких пиздючек тебе навешаем!!!) диплом мне дадут через десять дней. Щас завис в счастливом безделии: книжки читаю, по гостям шарахаюсь, надоел, наверное, всем со своими радостями.

Роман 13.06.00

Здравствуй, сыночек! Получили от тебя письмо 20 июля, где ты описываешь свой «отдых на курорте». Я рада, что у тебя все нормально, хотя понимаю, что преувеличено здорово...

Мама 23.07.00

Письмо от девушки

Пришло моему другу в период нашей службы в **Ангарске**. Он дал мне его прочитать, сам чуть не плачет, а я его прочитал и засмеялся, и так оно меня порадовало, что я его переписал себе, как есть, и сохранил, и здесь хочу воспроизвести эту прелесть.

Привет любимый!!! Получила твое приятное письмо. Вот решила с такой же любовью тебе ответить. Как твое здоровье? На днях узнала, что ты лежишь в госпитале. Хотела приехать обнять, поцеловать, пожалеть, но так как ты болеешь это придется отложить.

Как протекает твоя служба младшего сержанта? Как ведут себя подчиненные? Я надеюсь ты их не сильно напригаешь своим присутствием. У меня жизнь протекает хоть держись. Гуляю, пью, курю, в поисках того единственного, который бы заменил мне тебя. А на счет ожидания жду, надеюсь на это чудо.

Трогательное письмо солдатки развеселило меня. Я утешил друга, достал красный пастик, исправил все пунктуационные, орфографические и смысловые ошибки, поставил жирную двойку, и мы отослали его обратно. А вообще, в таких случаях, когда солдата бросает девушка, по традиции мажется ваксой подошва сапога, ставится на лист бумаги печать и отправляется, и девушка как бы опущена. (Недавно слышал вариант: все то же, но еще пишется: «Если бы не это, вас давно бы китайцы ебали».) Дешевые понты, необдуманная глупость, и детский сад.

Питание

Когда я первый раз сел за стол для приема пищи в армейской столовой, а было это еще во Владивостоке, то думал, меня стошнит. Жирная алюминиевая посуда, какая-то бурда в тарелке, липкие пятна на столе и скамейках, отвратительный запах. А в конце обеда еще подошел какой-то солдат и спросил: «Пацаны, вы хлеб есть не будете?» Мы сказали, что нет, и он, боязливо озираясь, быстро распахал куски по карманам, даже ни во что не завернув.

Кто бы знал, что будет дальше.

ПКМС

В деталях изучен мною в [Химое \(Второй пост, Кираса\)](#). Мощная штука. Впервые попробовал стрелять, когда в одну из ночей нам с [Тараном](#) слышались странные звуки под постом. Доложили по телефону. Поступила лаконичная команда: «Обработать». Стрелял и с сошек, и стоя, и сидя, и лежа... Дорвался, короче.

Кроме стандартной коробки на сто патронов я таскал еще две, в каждой по двести. Вместе с пулеметом все это весило килограмм тридцать, не меньше.

Плац

Место силы. Многочасовые каждодневные построения, [разводы](#), строевая подготовка, зарядки,

тактические учения и прочее. Мы проводили там времени больше, чем где бы то ни было.

Плохой

Был у нас такой маленький конопатый кривоногий и кривонозый ганс по фамилии Плахотнюк. На [КМБ](#) а [Ангарске](#) на строевой все время не в ногу шел, сбивался. До того заебал, что я однажды даже «построился» позади него – не по росту - и пинал его по жопе всю дорогу. Он с такта собьется, сержанты: «На исходную!», я ему ногой по жопе НА! А он все шипел и злился так забавно, и злобно картавил в ответ... А потом так получилось, что в [Хабаровске](#) наши койки стояли рядом, и мы даже почти подружились. Говорят, что в одиночной камере люди привязываются к паукам и крысам...

ПНК

Помощник начальника караула. Я стал им по завершении своего дембельского аккорда – операции «[саман](#)», примерно за месяц до увольнения и тащился в [карауле](#) по-всякому, уж такова была эта должность. Быть ПНК не сложно. В его обязанности входит раз в сутки развести смену на посты, будить [разводящего](#) и смену, два раза в сутки ходить по постам с проверкой (чаще всего я обзванивал в положенное время посты и говорил: «Боец, запомни: если что, то я только что был у тебя с проверкой! Уяснил? Хорошо. Не подведи меня, боец!»), контролировать доставку пищи в [караул](#) и прочие мелочи. Баня там... Ну, и, конечно, все, что должен был делать начкар, и чего он не делал, так

как целыми сутками только жрал и спал. А когда он не спал, мы играли с ним в нарды или в шахматы. Наконец-то за полтора года в армии я обрел относительный покой. У меня, в отличие от [разводящего](#) и остальных караульных, было шесть часов непрерывного сна, я был предоставлен сам себе и управлял караулом по своему усмотрению. Даже когда караул дрочили часовыми подрывами, я не выдвигался на посты, так как по Уставу должен был оставаться в палатке на охране. Такой «привилегии» во время подрывов не имел даже начкар.

Но и эти таски были достаточно условны. Имела место серьезная ответственность, и комбат не раз порывался отправить меня на кичу, а кича в [Ботлихе](#), к слову, в то время была далеко не в радость, покруче чем в [Ангарске](#). Арестованных постоянно качали и пиздили контрактники из роты [разведки](#), а когда кичу нечем было занять, они заставляли их бегать на гору, туда-обратно, взвалив друг друга на плечи.

За время исполнения обязанностей ПНК пришлось выслушать много говна в свой адрес. Помню, пришел как-то в казарму какой-то толстый майор, замполит группировки или что-то в этом роде. А где, говорит, у вас тут «боевой листок»? Где обязанности часового? А почему эта табличка прибита неровно? Минут двадцать голову мне морочил и перед личным составом отчитывал как мальчика за всякую хуйню, пидор гнойный. Вы, говорит, сержант? Сержант, отвечаю. Где же ваши знаки отличия? И давай материться. Даю, говорит, вам пять минут, и на ваших погонах лычки! Никак нет, говорю. У того аж глаза на лоб полезли. Это почему? Не могу, говорю, нарушить приказ командира полка. Когда из Ангарска в [командировку](#) убывали, на построении было приказано снять все знаки отличия. Этот мудила затряс щеками и заревел: «Немедленно на гауптвахту! Трое суток ареста!» Я пошел в батальон и доложил комбату о том, что меня садят на кичу. «Кто?» – спросил [Калуга](#), не поднимаясь с нар. Я сказал. «Вспомни Устав», – вздохнул комбат. Содержание на гауптвахте может определить командир роты или командир полка. Даже дежурный по полку не может этого сделать. Иди и служи.

Впрочем, к этому времени я уже научился никак не реагировать на оскорбления в свой адрес. После года службы уже ничто не могло меня обидеть и даже хоть как-то задеть. Адаптация.

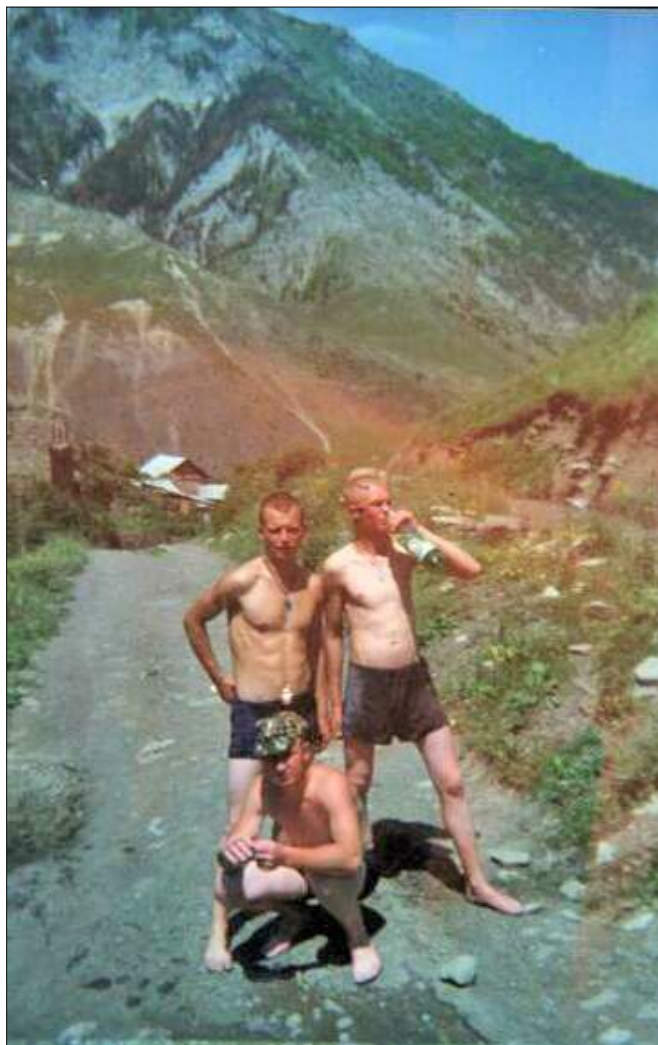
Подлас

Чечня. Химой. Август 2000-го

С Максимом Подласовым меня познакомил [Таран](#). Мы быстро нашли общий язык и много времени проводили в беседах на самые разные темы.

Подлас много говорил за свою «гражданку», рассказывал, что рос без отца, что матери он своей не нужен, и за всю армию не получил от нее ни одного письма. Рассказывал про службу в минометной батарее в чеченском селении Бути, где они стояли до [Химоя](#). Подлас был моего [призыва](#), но его [чекланка](#) только-только закончилась. Отслужив полгода, он сразу почти попал в [командировку](#), где 9/1 снова оказались самым молодым призывом и снова летали как [чекисты](#). Таким образом, чекланка для него закончилась с прибытием в Химой 9/2, по прошествии 11 месяцев с момента призыва.

Однажды, спускаясь к реке за водой, мы заговорили о нашем будущем. Подлас сказал, что ему кажется, будто люди с каждым годом становятся все хуже и хуже, и когда мы с ним будем стариками, то на молодых будем смотреть, как какие-нибудь дворяне XIX века посмотрели бы сейчас на нас. Я подхватил фантазию: да, вот так же, как сейчас, идем, ну, типа, прогуливаемся, не воду таскать, конечно, а так просто, а навстречу нам здоровый парняга с дреддами, и на плече у него большой магнитофон. Музыка орет, и он нас грубо отталкивает, а ты, мол, и говоришь мне: «Ах, ну что за нравы, не правда ли, граф?» А я тебе отвечаю: «Базаришь, князь!» И вот это «Базаришь, князь!» так Подласу вкатило, так он

Подлас (стоит слева) в Химое

долго смеялся, так восхищался этой незамысловатой шуткой, что в итоге принялся развивать эту тему и сказал, что отныне будет называть меня «графом», я же отвесил ему комплимент, сказав, что в свою очередь буду называть его «князем», но потому, что мне видятся какие-то благородно-породистые черты в его лице. Мы рассказали обо всем этом Тарану, и после долгих дебатов и шумных высказываний ему также было присвоено новое имя Димон Д`Таран – Герцог Химойский. Этот эпизод почему-то очень сдружил нас троих, и с тех пор мы старались держаться вместе. Вскоре к компании примкнули [Суслик](#), [Ара](#), [Тугрик](#). Вместе мы были самой веселой и дружной сменой в химойском карауле. Подлас же, в конце концов, наплевав на дембельские понятия о «престиже», перебрался на верхние нары в нашей кондейке, где кроме чекистов спал только я, чтобы иметь возможность спокойно беседовать, и обнаружил вдруг, что там было намного удобнее, чем на узких «полжняцких» нарах первого этажа, где теснились семь человек. Я же обычно, забравшись наверх и уперевшись спиной в стену, просто пинал чекистов ногами, пока они не освобождали мне достаточно места. Днем мы рубились в шахматы, по ночам или разговаривали подолгу, или угорали над чекарой. Стоя на посту, Подлас, по его собственным словам, придумывал темы для очередного разговора со мной. Когда же [Батов](#) поменял график службы, и мы оказались в разных сменах, то с Тараном, то по отдельности навещали Подласа на посту, чтобы ему не было скучно.

Как-то ночью, только вернувшись с постов, мы разоблачались и расставляли оружие в кондейке. Я посмотрел на Подласа, хотел ему что-то сказать... у него было страшное, бледное лицо – вылитый мертвец. В этот момент я вдруг понял, что человек этот не жилец, все – его дни сочтены, он скоро умрет. Я приписал это лунному свету, но на следующий день, утром, умываясь у родника, я видел то же самое. И его скорая смерть была для меня тогда настолько очевидна, что я не выдержал и осторожно рассказал Подласу о своих «видениях». Он принял за шутку, спросил: [нохчи](#) меня убьют, да? Я ответил, уж не знаю почему, просто это было видно, что скорее всего это будет несчастный случай.

И для меня это было так не только в один какой-то момент. В принципе Подлас был из разряда людей, которые интенсивно живут и быстро отмичиваются.

В последние дни Подлас вообще утратил интерес к реальности. От нас он отдалился, примкнул к компании [разводящих](#), вместе с ними пил и начал колотиться какой-то дрянью, чего не делал, - помню, мы на эту тему разговаривали, - даже на «гражданке». Заступал на пост и заваливался спать, совершенно не задумываясь о последствиях, ко

всему стал равнодушен, общаться с ним стало почти невозможно.

Прошла неделя после моего дурацкого пророчества. В дождливый день августа, ровно через два дня после ранения Тарана, на РОПе прозвучали выстрелы. Старшина дал команду «кольцо!». Я был опять в отдыхающей смене и, как проснулся, рванул на пост. Поднявшись до [КНП](#), увидел кучу народа, – там был весь [РОП](#). Сказали, что подстрелили Подласа, что ранение неопасное, пуля прошла навывлет. Я вернулся вниз. Минут через десять принесли на носилках стонущего Подласа и положили в кондейке, где тут же заперлись [Антонов](#), [Батов](#) и два наших санинструктора. Через дверь было слышно, как Подлас спрашивает, задет ли позвоночник? Потом стал звать маму. Когда чекист – санинструктор в очередной раз ломанулся за шприцом и бинтами, мы с Тараном выцепили его, и спросили, как обстоят дела. Тот только рукой махнул: никакой надежды.

Подлас промучился еще четыре часа. Умирал он страшно. В него попал трассер – легкая пуля без сердечника – при выстреле практически в упор она не смогла пробить тела и начала крутиться внутри. Она вошла в правый бок и, задев легкое, мочевой пузырь и позвоночник, вышла под сердцем. Когда сказали, что все, я ничего не почувствовал.

Мы зашли в кондейку – попрощаться. «Давай, Иваныч, возьми-ка его за ногу», - сказал Волк. «Зачем это?» «Иначе он тебя не отпустит, не успокоится». Я взял. Потом сидели в курилке, молчали. Дождь лупил со всей силы. Было мрачно и тоскливо. Волк сидел напротив меня, тоже долго молчал, потом грустно улыбнулся и сказал: «Эх вы, князья...»

Удивило меня поведение одного из разводящих, не помню, как его звали. На следующий день после смерти Подласа, он взял его забрызганные кровью берцы и, даже их не почистив, отпорол голенище, немного переделал и надел. Ни хера, похоже, я не понимаю в этой жизни. Ладно бы еще сильно нуждался, если бы разутым ходил... Через три недели в [Ботлихе](#) он получил за ношение берц пизды от разведки и был серьезно нагружен на бабки.

Дождь начался вечером того дня, когда подорвался Таран. Он продолжался до сих пор, а когда умер Подлас пошел настоящий мощный ливень, небо затянуло тучами. Мы стояли прямо под дождем, Батов стоял перед строем и рассказывал о том, что произошло. Самовольно Подлас отлучился со своего [второго поста](#) и пришел на [КНП](#). Через какое-то время появился круглосуточный патруль РОПа, в котором был *** (забыл вот фамилию), так же, как и Подлас служивший в [АЗДН](#). Дескать, Подлас окликнул его и предложил сыграть в игру: кто

быстрее передернет затвор. Тот согласился. Передернув затвор, Подлас направил оружие в сторону, *** же, случайно нажал на спуск, дав очередь из трех пуль. Одна из них попала в Подласа, его швырнуло на каменную стену, падая он сломал руку. Так закончилась игра в ковбоев. Подлас был виноват сам. ***, думаю, нажал на спуск просто автоматически, так, как учат делать при разрядении оружия в карауле – контрольное нажатие на спуск, так, как мы делали по шесть раз на дню, но просто не подумал, что присоединен магазин, а, передернув затвор, он дослал патрон в патронник. Дальнейшая судьба *** плачевна. С трупом Подласа и раненым Тараном его на том же вертолете отправили через два дня в [Ботлих](#). Через месяц я встретил его там, работающим в кухне. Не удержался и зло назвал его «убийцей». Но ему уже было все равно. У него поехала крыша. Его перевели в [РМТО](#), где ему всегда было самое место, не записывая на него оружия, и полностью лишили [боевых](#). Судить его не могли, так как официально он ничего не совершал (см. [Имитация](#)). В штаб группировки доложили об обстреле РОПа боевиками.

Подрывники

Рассказы о них [шакалы](#) всегда приводили в назидание. В [Хабаровске](#) это были три деда, на [стрельбище](#) разбиравшие неразорвавшийся выстрел от гранатомета... Они там служили, на стрельбище, и таким образом, сдавая цветмет, копили на дембель. Естественно, выстрел ебнул – покалечились двое, один погиб. Это был солдат 8/1, на [Зиберхали](#) в Дагестане разбиравший разрывной патрон от [КПВТ](#). Ему оторвало левую кисть и несколько пальцев на правой, вытекли оба глаза. Это был Коноплев – моего призыва, мы вместе учились в [Хабаровске](#). В [Ботлихе](#), на [копилке](#), разбирал такой же патрон и лишился пальца. После госпиталя был отправлен в [Ангарск](#). Сам он мне рассказывал, что ничего не разбирает, а стучал по нему молотком другой боец, а потом бросил ему: «Лови!», и патрон взорвался у него в руке. И в Кинхи офицеры подорвались - хотели сфотаться с шайтан-трубой, уж не знаю, как они там запикивали этот выстрел, но разнесло палатку, в которой было шесть человек. Это был [Подлас](#), царство ему небесное. Это был дембель 8/1, на одном из [РОПов](#) лишившийся ноги, гуляя по нашему же минному полю. Рассказывали, как он в истерике смеялся и требовал ногу назад. Это был [Таран](#), стучавший молотком по запалу гранаты и не знавший тогда, что он может взорваться от давления. Теперь знает. Это и чудом уцелевший Суслик (см. [Ф-1](#)), и еще несколько человек, подробности несчастий которых уже не помню. Разбирали, ковырялись в боеприпасах либо от многочасовой скуки в карауле, либо, желая приобрести сувенир – повесить пульку на шею, или впясть в дембельский альбом, например. Вот почти все наши потери...

Подъем

Утро в казарме – сумасшедший дом. Согласно Уставу, «одеяло отбрасывается на дужки кровати». Попробуй вспомнить об этом, когда над тобой, видящим сладкие сны, бесновато орут: «Рота, подъем!» Не все отбросили – отбой, и снова подъем. И так, пока каждый не научится обеими ногами одновременно нырять в сапоги, на которые уже расправлены «парашютом» портянки, одной рукой застегивать на бегу пуговицы кителя, другой – ремень. Суэта, беготня, топот, построение... Одевались буквально за секунды. Портянки нормально перематывали уже потом, после построения.

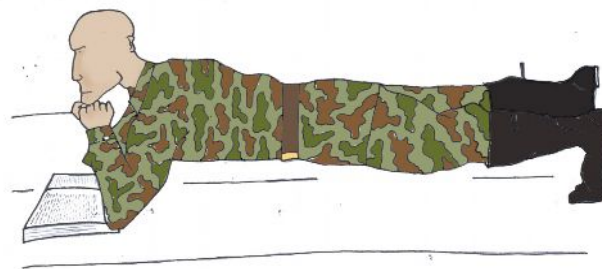
Подшива

Когда на [КМБ](#) мне пришлось впервые подшиваться самому, я внимательно смотрел, как это делает сержант, сидящий рядом, и очень был удивлен потом, что подшиву у меня оторвали. Оказалось, что я подшил уголком, что означает – полгода службы. Еби их мать! Надо же, куда бы деться!

На каждые полгода службы было свое направление и фигурное сочетание ниток на подшиве: два уголка, короткие уголки, длинные... толщина и ширина подшивы... Насрав на это все с самого начала и не имея терпения, чтобы заниматься этой идиотской вышивкой, я до самого дембеля подшивался как [чекист](#) – обычной прямой линией.

Поза думающего удава

В [Хабаровске](#) сержанты должны были присутствовать, каждый со своим отделением, на всех теоретических занятиях, и если боец чего-то не знал, не мог выучить, ответить на какие-нибудь вопросы, спрашивали с них. Поза эта была изобретена для лучшего и скорейшего усвоения и запоминания материала. Курсант без палева ставится в упор лежа, только не на ладони и не на кулаки, а на локти (очень больно и крайне неудобно), ладони упираются в подбородок, перед лицом его кладется Устав, который и изучается в этом положении в течение, скажем, получаса. Метод эффективен и безотказен (думаю, пригодился бы любому преподавателю средней школы).

Положняки

Всех армейских положняков я бы разделил на три категории: первые те, кто умел «держаться» благодаря своим воли, уму, хитрости и в меньшей степени – силе; вторые – жополизы, бывшие всегда в хороших отношениях с [шакалами](#), а потому позволявшие себе некоторые вольности: не выйти на [зарядку](#), на [развод](#), поваляться днем на койке, безнаказанно и открыто драть [чекистов](#) и прочая ерунда; третьи же умудрялись совмещать и то, и другое, являясь, соответственно, в еще большей степени пидорами и мудаками. Самыми отвратительными положняками, которых я видел в армии, были батальонные в [ПВД](#). Эти каждый месяц снимали бабки с [контрактников](#) батальона и половину отдавали в роту [разведки](#), чтобы жить с разведчиками в дружбе.

Полтора

Еще одно из разряда [Кач](#). За какую-либо «провинность» взвод (рота) ставится в упор лежа. Через пять примерно минут подается команда «Полтора!» Это значит, что руки должны быть согнуты ровно наполовину, а стоять в упоре лежа в таком положении гораздо труднее. Если и этого оказывается недостаточно, заставляют еще поднять правую ногу – «Правую ногу поднять!» - и встать «на запястья», то есть на тыльные стороны ладоней, что вовсе невыносимо. Большинство после выполнения этой команды прсто валится на пол.

Помощь детям

Дагестан. Август 2000-го.

Только-только вернулся из [Химоя](#) в [Ботлих](#). В тот же день привезли 8/1 с [Перевала](#). Офицеры только что спустившихся с [РОПов](#), а тем более дембелей, не любили, даже побаивались. Человек, просидевший месяцев шесть-семь на горе, а то и все двенадцать, спавший в блиндажах, землянках и окопах, жравший одни консервы; без возможности нормально умыться и имевший все это время неограниченный доступ к оружию и боеприпасам, изрядно дичал. На РОПе было, обычно, не более трех офицеров, и каждый из них, как водится, поначалу пытался строить подчиненных, но после клал на это все с большим прибором. Поэтому вернувшихся с РОПов старались сразу распахать по разным местам: на работы, в [караул](#), в наряды и т.п. Но дембелей ни в какие наряды не поставишь – завтра колонна на Махачкалу. И тут как раз работа в Ботлихе подвернулась, их всех туда на целый день и отправили. А с ними и я напросился, так как еще ни разу на тот момент в самом Ботлихе не был.

Работа состояла в перетаскивании тяжелых земляных кирпичей – [самана](#) – на второй этаж недостроенного здания. Выстроились в цепочку и

начали их друг другу кидать. Они хрупкие – половина в руках рассыпалась. Рабочие – даги пришли, за головы схватились. Что, кричат, делаете? Это же мы школу для детей строим, как вам не стыдно!

Работали часов пять, вымотались основательно. Старший наш – лейтенант Сурнов – все это время под деревом, в теничке, с дагами коньяк пил. В конце дня даги купили нам арбузов и соку. На обратном пути литеха рассказал, что дом, где мы работали, никакая не школа, а коттедж будет одного из местных бизнесменов, который наше начальство знает очень хорошо.

Похороны бычка

Дагестан. Ботлих. Май 2000 г.

В очередной раз обнаружив прямо у входной двери караулки здоровенный быкан [Примы](#), начкар поднял отдыхающую смену собрал всю бодрствующую, и в количестве где-то тридцати человек мы с двумя ломанами, штыковой лопатой и подборной, отправились за территорию полка в сторону [Ослиного Уха](#). У скалы, окружавшей буквой П наш полк, мы, по указанию начкара, выдолбили яму метр на метр и метра полтора глубиной (копали по очереди, хватило всем) и в торжественной обстановке погрузили туда бычок. Тогдашний помощник начальника караула – Доктор сказал речь. Мы зарыли могилу и воткнули в нее импровизированный крест из веток. Сухие дагестанские колючки сошли за похоронный венок.

ПР

Палка резиновая, сиречь милицейская дубинка. В связи со спецификой задач, возложенных на [ВВ](#), в каждой ротной [КХО](#) полка хранилось огромное количество резиновых дубинок и щитов для разгона демонстраций. Раз пять или шесть с нами даже проводились занятия на эту зловещую тему. [Сержанты](#) изображали «неистовую толпу», а мы двигались на них шеренгой, укрывшись щитами и

колота по ним пээррами (типа психическая атака) в такт шагам. Сильным ударом ноги по щиту проверялась правильность его удержания, и если щит был взят неправильно, то вбивался своим острым краем в бедро, или бил в подбородок. Строили также «черепашу», а «неистовая толпа» пыталась ее разрушить. Надо заметить, что щит сам по себе довольно неудобен для удержания, а солдату в кирасе и каске, с ПР-ом в правой руке, это вдвойне тяжело. Из-за относительной свободы действий и громоздкого тяжелого снаряжения, а также из-за того, что «толпа», обрадовавшись возможности безнаказанно побеситься прямо посреди плаца, быстро входила в раж, все эти учения заканчивались так или иначе кровью и санчастью.

А вообще чаще всего ПР использовали для прямого физического воздействия на чекистов. Он выгодно отличался от банального избия тем, что не оставлял следов и не требовал больших усилий для нанесения мощных ударов. Особенно чувствительны удары под колено и по почкам.

Прапорщик Сиськов

Такое толстое чмо! Когда ехали в Дагестан, весь наш сухпай продал и нажрался как свинья. В Ботлихе, где он был заведующим продсклада от РМТО, помню, после ужина выходит из палатки к рукомоинику, отдуваясь и поддерживая руками свой жирный живот, и говорит: «Щас блевану!» И блеванул, да противно так, сволочь!

Все его называли Сиська. Офицеры этого мандалая чмырили, как-то раз подполковник Винярский опускал его за пьянку перед всем полком, и грозился отправить с позором в Ангарск. Но не отправил.

Призыв

Определяется просто. Последняя цифра года: 1998 – значит 8. И время призыва в году: весна – 1, осень – 2. Соответственно, 8/2 – младший призыв для 8/1. Мой призыв определялся цифрами 9/1, что означало весна (на самом деле лето) 99-го.

Если ты переводился в другую роту, или полк, или просто заходил к саперам, например, или в санчасть, то первое, что спрашивали незнакомые сослуживцы (если, конечно, по тебе не было видно) это призыв. Ты говорил: 9/1, и если сами они были 7/2, 8/1 или хотя бы 8/2, то смотрели на тебя не то, чтобы уж кровожадно, но... понимающе. Только еще руки не потирали и не хихикали злобно. И слюна с кльков не капала. А так... вообще...

Прима

Только в армии узнал я, что существует столько видов «Примы». Питерская, моршанская, ростовская, елецкая, курская, екатеринбургская, астраханская, армавирская - какой только не было! Соответственно, самой лучшей была питерская, самой говняной – моршанская.

Прищепка

Всю дорогу в Дагестан Прищепка мечтал о подвиге, рассуждал о войне, рассказывал массу всяких «чеченских» историй. Приехав в ПВД и поняв, что все здесь так же, как и в Ангарске, и получив в первый день пизды от своего же призыва, сел водителем на БТР и уехал на водозабор, где БТР безнадежно «сломался» (Прищепка – неплохой механик), и просидел Прищепка там все полгода командировки.

Прищепка (слева) и Суслик в карауле Ботлиха

Противогаз

В Хабаровске нередко мы бегали в противогазах по стадиону, взвалив друг друга на плечи. Сержанты не разрешали снимать их, пока мы не сделаем пять или шесть кругов. Мы задыхались. Все противогазы

были какого-то шестьдесят-бородатого года, поэтому на 90% неисправны. Часами мы могли стоять на тактическом поле, тренируясь в одевании противогаза на скорость. Расправляешь его, ныряешь в него лицом и отпускаешь пальцы, резина с треском бьет по ушам...

В **Иркутске** зимой какому-то заезжему полковнику не понравился наш утренний **развод**, и он объявил нам сорок минут строевой подготовки. А по плану был химтренаж. Решили совместить. По тридцатиградусному морозу мы маршировали в противогазах сорок минут. Весело было нашему взводу: «Что ж. Будем играть в слоников. Всем улыбаться! Иванов, почему не улыбаешься?» А я ему из-под противогаза говорю: «Улыбаюсь, я, товарищ старший лейтенант, улыбаюсь». Мне действительно было смешно, несмотря на то, что из-за затрудненного дыхания у меня обильно текли сопля, тут же замерзавшие на морозе, и резина намертво приставала к щекам.

Путин

Вся предвыборная суэта конца 2000-го, естественно, прошла мимо меня. Во-первых, были дела поважнее, во-вторых, существовал просто информационный вакуум. Поэтому где-то в январе я писал Роману: а правда, что Ельцин ушел в отставку, и кто теперь на его месте? Приведу ответ

на этот вопрос в двух Романа письмах.

«Президент, в натуре, отказался от кресла. Ну что ж! Нас не наебешь: ничего не изменится! На смену одному ***** пришел другой. Тот ***** спиздил по подсчетам независимой журналистики примерно 2 млрд. долларов, новый спиздит все 4. И спишет на войну, на упадок, на инфляцию. Ебут нас, короче, а мы и рады жопу подставлять. Выебите нас, дяденька Путин! Но пока Путина не выбрали в президенты, он рвет ****, чтобы показать, что он хАроший, ну просто мАлАдец, вот бы нам его в президенты!! Впрочем, в последнее время этот кагэбэшник выглядит расстроенным: курс валют растет, цены на хлеб и бензин растут, потери в Чечне увеличиваются. А, хуйня все! Нет у России будущего. Все уже обосрано, пора по домам, руки мыть».

«Ходил я выбирать президента России. Это *****, мой народ, как один, снова «проголосовал сердцем» и выбрал ***** кагэбэшника Путина. Собирай свои горностаи, Мэри! Алиса – это Путин, Путин – это Алиса... Я уж было совсем решился голосовать за Явлинского, типа дядька такой самостоятельный, никого не боится, когда все против бомбардировок Югославии, он, гандон, - за; в церкви со свечкой не замечен, Николку с семьей не оплакивал; короче, нормальный дядька. Но вот, бля, беда, ему я тоже не верю. Равно как уже и Говорухину. Пошли вы все на хуй!»

ПХД

Парко-хозяйственный день. Случается всегда в субботу и от остальных отличается отсутствием каких-либо учебных мероприятий, проведением бани, заменой зарядки на **труску одеял** и разведением большей, чем обычно, грязи во время утренней уборки.

Разведзасада

На **Абдалзабазуле** было два поста. На первом был установлен **АГС** – он был направлен на дорогу, ведущую в Чечню. Второй пост отвечал за дорогу, которой оканчивался серпантин – подъем из Ботлихского района на перевал. Для **шакалов** и солдат **разведки** был построен крепкий блиндаж с печкой. Простые смертные, вполне земное говно, то есть мы – батальонные, спали на постах - в землянках.

Проблемы были в основном с дровами – брать их было неоткуда, гора абсолютно лысая, и их доставляли во время очередной замены на УРАЛе, а меняли разведзасаду раз в неделю. Дежурили только ночью, а днем валяли дурака, либо занимались строительством новой засады: дальше по хребту возводили охуительный блиндаж. Там не

было никаких дорог, и на кого хотели делать засаду, было непонятно. Позже этот блиндаж разобрали.

Воду из родника таскали почти от Соленого озера на довольно-таки крутой подъем, осторожно обходя неразорвавшиеся снаряды и многочисленные растяжки. По дороге на новую засаду отыскивали в траве зеленые «лепестки» – противопехотные мины срабатывающие от давления, и подрывали – стреляли по ним из автоматов.

Я чудесно провел время на разведзасаде: ночью слушал муллу и смотрел на звезды, днем любовался сверху красотами [Ботлиха](#), в бинокль разглядывал город или наш полк, который был как на ладони, и видны были маленькие фигурки, выстраивавшиеся на раздачу или на [развод](#).

Там же впервые в жизни в меня стреляли: во время работы на новой засаде надо мной просвистела пуля, выпущенная, судя по звуку выстрела, из СВД. Откуда она прилетела, и кто мог стрелять в этой пустынной местности, непонятно.

Разведка

Интересное правило было в роте разведки. Кем бы ты ни был до того, с кем бы ни общался, с кем бы ни призывался вместе, придя в разведку, ты уже не должен был общаться с представителями других рот. Старший [призыв](#) за этим внимательно следил. Чего они хотели этим добиться, не знаю.

Нравы в разведке были лютые. Как-то вечером, зимой, в [Ангарске](#), стоя на поверке, в строю, я обратил внимание на какой-то нездоровый движняк в спортзале разведки. Он находился на первом этаже, и окна его были как раз за спиной дежурного по полку офицера, который принимал в этот момент расход личного состава от дежурных по ротам. Так вот света в спортзале не было, но он горел в коридоре, за спинами участников действия. А

действие было такое. Первый «участник» бил в табло второму. Долго бил. Второй падал и подымался, падал и подымался. Долго. Весь развод. За спиной дежурного по полку офицера, на глазах у всего полка и остальных [шакалов](#).

См. [Блокпост Ансалта-Ботлих](#), [Берцы](#), [Батальон](#)

Развод

Ангарск. Зима 2000-го

Полковник Абросимов – командир [ангарского ОПОНа](#) - всегда был сторонником весьма продолжительных разводов. Под барабанную дробь каждое утро роты полка выдвигались маршем на [плац](#) – каждая на свое место построения. После построения на плацу Абросимов обычно с трибуны высмеивал движение какой-нибудь роты (каждый раз разной, - полагаю, так было задумано в воспитательных целях) и отправлял нас обратно. Мы возвращались под те же барабаны на исходную, и так обычно повторялось раза три-четыре. Если Абросимов был не в настроении, или мы шагали действительно хорошо, то он начинал доебываться до барабанщика. Бедный барабанщик! - бывали моменты, когда целый полк ненавидел его! И все думали только одно: «Барабанщик, ты че нас драчишь?»

Когда, наконец, мы выстраивались, кыр начинал сорокаминутную, или более того, речь. Сначала какие-нибудь новости с Кавказа (ваши товарищи в горах умирают, а вы здесь тащитесь), или что-нибудь о «дедовщине», об очередном несчастном, попавшем в [дисбат](#) (некоторые считают тут себя «королями», «деды» хреновы, так вот, имейте в виду, что...). Далее – в деталях. Вчера зашел в четвертую роту – [дневальный](#) на своей тумбочке спит (еще бы!), [авторота](#) не чешется – из четырех УРАЛов готов к выезду только один (остальные, как водится, проданы по запчастям за забор), трое вчера спалились с автомобилем (ну и дела!), офицеры [ИСП](#) пьянствуют прямо в канцелярии (когда Абросимов неожиданно зашел в канцелярию и увидел бутылки, то выбросил их в окно вместе со столом, на котором они стояли) и тому подобное...

К моменту окончания речи полковника и началу прохождения торжественным маршем полк настолько замерзал, что, казалось, уже не сдвинется с места. Однажды какая-то дамочка из санчасти уебалась в обморок на плацу всего после получаса неподвижного стояния по стойке смирно на сорокаградусном морозе. Поднимать ее ринулись человек двадцать – всем хотелось в тепло.

Поднявшись в роту после развода, мы сбрасывали сапоги и засовывали пальцы в батареи, но и батареи были мертвы.

Разводящий

Караул сам по себе очень привлекательный в армии вид службы, так как дает много преимуществ. Ну, а в самом карауле больше всех после начкара тащатся его [помощник](#) и разводящий.

Должность разводящего хуже [ПНК](#) в том, что разводящему приходится выходить 11 раз в сутки, если смена длится два часа (раз в сутки смену разводит по постам ПНК) и два раза с проверкой. Зато все остальное время разводящий может просто спать, положив на график несения службы, тогда как ПНК может отдыхать только в специально отведенное для этого время, так как обязан встречать у дверей любого, желающего войти в караул офицера, представляться ему, а командиру полка и дежурному по полку докладывать в строго установленной форме.

Разгрузка

Жилет со специальными «карманами» для магазинов. В [Ботлихе](#), при распределении амуниции, мне досталась самая смешная разгрузка, это был, собственно, даже не жилет, а одни «карманы» с приделанными к ним ремешками, которые соединялись застежкой на спине. Присутствующие тут же окрестили это нехитрое приспособление «лифчик», и в дальнейшем, собираясь на проверку или блокпост, я срывал бурные овации, пытаясь этот лифчик застегнуть и умоляя плаксивым голосом помочь кого-нибудь из «мужчин»...

Разойдись!

Самая смешная команда. Подавалась только для прикола одному [чекисту](#), который должен был реагировать следующим образом: разбрасывать в разные стороны руки и ноги, изображать панику на лице. То есть подразумевалось, что распластавшись таким образом, подобно морской звезде, в пространстве, он «расходится» в разные стороны.

РГД-5

Бросал один раз. В [Химое](#) лейтенант [Батов](#) устроил нам «учебный бросок». Но было при этом, как всегда, столько предосторожностей, что никакого удовольствия: выдернул кольцо, бросил и мордой вниз, на дно окопа – никакого кайфа!

Рева-Бизон

Приморский. Был поваром у нас в [Химое](#). Добродушный балбес мощного телосложения Рева (фамилия у него Ревин) удивлял меня всю армию и после. Дембельнувшись на месяц позже нас, он по

дороге домой, на каком-то из вокзалов, встретил какую-то телку, «влюбился», пересел в другой поезд и поехал в обратную сторону, на запад. Через месяц вернулся, женился на другой, расколотил новую машину тестя, родил ребенка и назвал его в мою честь.

Ремень

Это символ, это знак. Новобранцам обычно сразу выдавали толстые кожаные ремни. В течение первого месяца все ремни у духов изымались молодыми в пользу благотворительного фонда дедов и дембелей. Взамен выдавалась «деревяшка» – старый ремень из жесткого кожзаменителя, негнувшегося и дубеющего на морозе. Или кожник, изношенный настолько, что представлял собой тонкую потрескавшуюся ленточку.

Если дед видел, что у [чекиста](#) недостаточно туго затянут ремень, то после традиционного «Че, расслабился, чикаго?» ремень замерялся по объему головы, и дужки [бляхи](#) вминались в него ударом сапога. Надевался такой ремень на глубоком вдохе, привстав на цыпочки. В общем-то, также почти и носился и носился долго. Месяцами.

С помощью стреляной гильзы и молотка на ту часть ремня, что проходила через бляху и заправлялась внутрь, наносились круглые ровные дырочки по числу месяцев, проведенных в армии.

К стыду своему должен сказать, что отдал свой новый кожник в [Хабаровске](#) – просто не выдержал психологической атаки, а к совести, что сам я подобной херней никогда не маялся и домой приехал с деревяшкой (и без всяких дырочек), несмотря на то, что жилось мне перед дембелем очень даже неплохо.

РМТО

Рота материально-технического обеспечения. «Рота ЧМО» – так их называли в полку. Все канализационные люки, подвалы, трубы, свинарник, хоздвор – были за ними. Однажды, разводящим в [Ангарске](#), ведя смену через автопарк и проходя мимо открытого люка, я увидел внизу, на трубе, одного из «чмошников». Он, невзирая на ароматы, ел хлеб, посыпав его сверху сахаром.

Родина. Патриотизм

Не было таких понятий. Красочные плакаты типа «Наш президент» или «История Внутренних Войск», развешенные во всех [комнатах досуга](#), или «Награды России», установленные на плацу, справедливо воспринимались как часть интерьера. Все срочники просто тянули ляжку и с первых дней службы тоскливо мечтали только об одном – о доме.

Родители

Приезжали три раза в Хабаровск. Воспользовавшись знакомством с командиром части (я «готовил» его сына к экзаменам по русскому языку), я испросил увольнение, когда первый раз приехала мама. Она отвезла меня в центр города, где имелась свободная квартира – для работников их организации, приезжающих в Хабаровку в командировку. Ощущения были фантастическими: всего за три месяца службы я, оказывается, отвык спокойно сидеть, спокойно есть, свободно передвигаться и никак не мог расслабиться, постоянно думая о том, что завтра надо ехать обратно.

Перед моим отъездом в [Ангарск](#), в конце уже учебки, они приехали вместе, и четыре часа ждали на морозе у КПП, пока меня отпустят в увольнение. Когда я подошел к ротному и попросил отпустить, он долго и нудно цитировал мне Устав, разъясняя, что с этой просьбой я должен был обратиться к сержанту – командиру моего отделения, тот, если сочтет нужным, к взводному, а тот, в свою очередь, если посчитает это возможным, – к нему. Я пошел к сержанту и наобещал ему кучу добряков, тот обратился к взводному, который, относился ко мне нормально, и поговорил с ротным. Хорошо, сказал ротный, – сходишь с ротой в баню и иди. Нафига мне баня, если я в увольнение иду? Я сходил в баню, но и после этого меня не отпустили. После обеда, – было сказано мне. Все это время родители ждали меня на КПП. И я пошел на обед.

После обеда ротный отказался от своих слов, заявив, что ничего не обещал и позволил только в течение двух часов пообщаться с родителями на КПП. Мотивировка была следующей: в полку усиление, количество увольнений ограничено. Усиление ввели еще в августе, когда началась война в Дагестане, продолжавшаяся чуть больше месяца.

Мои очень расстроились. Мы поговорили о том, о сем. Они поведали скучные домашние новости, я сказал, что мне здесь хорошо, что меня никто не обижает, чему несколько противоречил фингал под глазом и некоторая заторможенность. Они покормили меня, удивляясь скорости, с которой я поглощал вперемешку мясо со сладким...

Рой

Приморский. Призыв 8/1. Сержант. Был командиром моего отделения на нашем [КМБ](#). С радостью истинного садиста хватался за любую возможность подрочить личный состав. Особенно активен был на занятиях по строевой подготовке и гонял нас по плацу на жаре часами без всяких перерывов. Тогда он казался мне очень нервным человеком, но потом стало ясно, что таким его сделала хабаровская учебка. Они все тогда вернулись оттуда с нарушенной психикой.

Любил Рой помучить нас перед столовой, когда давал команду: «Головные уборы снять!» Затем: «Отставить. Медленно!» «Головные уборы снять!» «Отставить. Не одновременно!» И объяснял, что по Уставу снимать кепки нужно именно правой рукой и братья при этом только за козырек. Иногда мы, стоя перед входом, срывали по команде кепки и со злостью водружали их обратно минут по двадцать, а Рой наслаждался, зная, что время, отведенное на обед, истекает. Сам он, усевшись за стол в столовой, требовал у нас три колеса масла, съедал [бутер](#), запивал его чаем и поднимал роту.

Некоторые даже до раздачи не успевали дойти. Мог и у самой столовой вернуть роту назад, если шли не в ногу, или плохо спели песню и, бывало, что мы попадали внутрь только с пятого – шестого захода.

Также был он большим поклонником ночных избиений и часто носился по роте с намотанным на руку полотенцем, пробивая [фанеру](#) чекистам, не выучившим еще дембельскую [сказку](#). Мы все его ненавидели, и, уезжая в Хабаровск, радовались, что не увидим больше этой гнусной рожи.

После нашего [КМБ](#) Рой попал в [АЗДН](#), в минометную батарею. Осенью 99-го недалеко от одного из наших [РОПов](#) была замечена колонна боевиков. Открыли огонь из минометов, и Рой отличился, влупив снаряд в самую середину группы. Получил знак «За отличие в службе» первой степени. Всю свою командировку он провел, кочуя по РОПам вместе с МБ, а увидел я его в [Ботлихе](#), потому что он был как раз в той команде дембелей, которой мы приехали на замену. Мы с Башмаком (см. [Санчасть](#)) наткнулись на Роя возле бани. Он изменился. Покрепчал и был теперь какой-то спокойный, немного даже будто пришибленный. Башмак, наверное, больше всех ненавидел Роя на КМБ, т.к., одержимый идеей землячества, считал, что все приморские должны хдруг другу помогать вне зависимости от призыва и роты. Показав на Роя пальцем, он громко спросил: «Может отпиздить его?» Рой увидел нас и вспомнил, но не испугался. Завтра он уезжал, в Ангарск, а потом домой – в Приморье, а мы оставались здесь, в Дагестане, на полгода.

Бить не стали.

РОП

Ротный опорный пункт. Их было штук десять с самого начала, то есть с сентября 99-го. В Дагестане – [Зиберхали](#), [Ансалта](#), [Перевал](#) (на границе с Чечней), в Чечне – Бути, [Химой](#), Биледи. От блокпоста отличается тем, что постов от пяти до десяти, и в их обязанности не входит проверять проезжающие мимо транспортные средства, так как [РОПы](#) ставили обычно не на дороге, а на самом верху горы. Задача – наблюдение за всем, что входит в сектор обстрела, короче, контроль за местностью.

В случае нападения на соседний РОП строжайше воспрещалось вмешиваться, и мы знали, что если у нас будет бой, погранцы и САшники, максимум усилят свои посты. Мы, правда, могли бы им помочь, так как у нас были минометы.

РОП мог быть и совмещен с блокпостом, как это было у нас в Химое, где под РОПом располагался

КПП и проводился досмотр всех проходящих и проезжающих мимо.

Роты как таковой, конечно, не было. Присылали всех подряд, кроме [разведки](#) и [саперов](#), поэтому компании везде были очень разные и интересные.

Рота!

Обалдевшие от неожиданно свалившейся на них после полугода жесткого дрочева свободы, наши сержанты на [КМБ](#) в [Ангарске](#) уже не знали чего такого бы придумать. Эта команда подавалась после отбоя. Рота должна была дружно и громко отвечать: Мы-ы-ы-ы-ы-ы...

Рушайло

На момент моего убийства в [командировку](#) – министр внутренних дел РФ, а стало быть, наш самый-самый бАльшОй начальник.

В [Ботлих](#) Рушайло прилетел в мае месяце 2000-го года. Началось все, разумеется, с грандиозной подготовки, что всегда означало одно – ДРОЧИВО. Территорию полка солдаты только что языками не вылизали. На всех постах собрали бычки и бумажки и поставили на видных местах красиво нарисованные картонки с секторами обстрела. Возле палаток песок пробирали грабельками, вокруг полка подобрали все ишачьи какашки, сделали даже

плац (в горах!), по периметру его воткнув несколько маленьких елочек, коварно срубленных, как я подозреваю, в [Гэдэбери](#) и, разумеется, временно ликвидировали гауптвахту. Всех заставили побриться, постираться, почиститься, выдали даже новые [белухи](#) и велели в присутствии высокого гостя без лишней надобности из палаток не выходить и через плечо на соседа не сморкаться.

Как и всегда в таких случаях, овчинка выделки не стоила. Рушайло пробыл в полку не более десяти минут. Сказал речь (не помню о чем, но точно знаю о чем), дал несколько званий, два или три креста. На посты не поднимался, в палатки не заходил, по территории полка не разгуливал, с личным составом не общался. Все, впрочем, как и полагается занятому человеку.

Но зато появился очень эффектно. Сначала вертолетный эскорт. Восемь боевых - МИ-24, и один МИ-8 – десантный. Довольно-таки внушительное зрелище. Затем с аэродрома десяток машин, включая традиционную черную «волгу», с шумом в Ботлих, а потом уже к нам.

И еще запомнилось, что в охране у него была женщина. Крупного сложения, в темных очках, в [разгрузке](#), [берцах](#), с рацией, автомат с подствольником, бронежилет – все как положено... По-любому у нее бицуха за сорокет.

Рыжий

9/1. Из Амурской области. Запомнился мне в связи с неудачным самоходом в [Хабаровске](#). В [карауле](#), будучи часовым, оставил на вышке броник, каску, автомат, магазины с боевыми патронами и, пройдя огородами, вышел к соседней с частью пятиэтажке, где жила бабка-спекулянтка, продававшая солдатам сладости, сигареты, бухло и пр. Незадолго до этого мать Рыжего, в очередной раз приехав в Хабаров, договорилась с бабкой о кредите для сына. То есть Рыжий мог прийти в любое время дня и ночи и взять все, что угодно, а когда приедет мать, то оплатит все разом¹. В ту ночь Рыжему захотелось шоколадку, но на обратном пути он умудрился спалиться и не кому-нибудь, а дежурному по полку лично. На следующий день офицер приходил в роту и, угорая, сказал Рыжему спасибо за шоколадку, была вкусной. Рыжий много-много опиздюлялся и выслушал кучу прелестей в свой адрес от командира роты и [сержантов](#). Но в итоге приехала его мать – очень солидная дама, дошедшая в своих хлопотах чуть ли не до министра обороны, и малого того, что Рыжего не отправили в [дисбат](#) за оставление боевого поста, но и оставили в Хабаровске, не отправили, как положено, в [Ангарск](#), чтобы не попал он в горячую точку. Единственное,

¹ Рыжий совершенно разумно поступал. Брать деньги у родителей смысла не имело – отберут или спиздят.

что он не получил того, за чем мы все сюда были отправлены – сержантского звания. Остался рядовым и был переведен в [РМТО](#).

Саман

Дагестан. Ботлих. Сентябрь 2000-го

В начале осени командованию полка необходимо было показать начальству из [группировки](#) войск, как идет подготовка к зиме в нелегких дагестанских условиях. И вот мэру славного города [Ботлих](#) пришла в голову гениальная идея: почему бы нам вместо палаток не построить казармы из самана (кирпич из земли и соломы)? Ведь так теплее будет. Посоветовавшись, большие дяди решили: так тому и быть. Солому Ботлих обещал, а грязи у нас у самих хватало.

Пригнали бульдозер, распахали на хоздворе площадку, осталось только назначить людей, которые будут заниматься этим ответственным делом.

Я в то время занимал должность [наводчика БТР](#) и мечтал снова попасть в [Химой](#) или хотя бы на какой-нибудь другой [РОП](#). До дембеля оставалось два месяца. Когда ротный сказал, что назначает меня в помощь [сержанту Бодругу](#) на производство самана для полка, я был возмущен: меня – сержанта-пулеметчика, только что из Чечни, грязь месить! Отбивался, как мог, просил: отправьте в горы, чуть ли ногами не упирался, а хули толку? [Янцеву](#) действительно кроме меня поставить было некого – только что уехало большинство «стариков» батальона, замена им была одними [чекистами](#), и из оставшихся Янцев знал хорошо только меня. Дал мне десять человек.

Под руководством какого-то дага сделали насыпь кругом, закидали круг землей и соломой, залили водой, и я сказал чекаре: «Разувайтесь». Загонять их туда пришлось лопатой. Все, блядь, гордые, не ебаться. Начали ходить по кругу. Я такое раньше только в кино видел про Петрова и Васечкина. И сам попробовал ради интереса. Было холодно и приятно,

липкая грязь обволакивала лодыжки, пузырилась между пальцев. Вот чем мы занимались в этой «горячей точке». Получившийся после получаса топтания конгломерат лопатами закидывали в специальные прямоугольные формы и тащили их за веревочки на расчищенное место, там переворачивали и оставляли сохнуть. Очень сложно перевернуть форму так, чтобы не повредить кирпич, нужен определенный навык. Первые два десятка мы засохтали, но потом дело наладилось. Были трудности и в приготовлении самого раствора. Кирпич должен легко выходить из формы, но и не растекаться, а потому необходимо было очень точно рассчитывать соотношение воды к земле и соломе, следить также за тем, чтобы чекара все это тщательно перемешивала, так как кирпич, не скрепленный достаточным количеством соломы, после высыхания просто рассыпался, когда его брали в руки.

Через две недели я был мастером этого дела. Мне нравилось командовать, нравилось, что я целый день мог бегать босиком, нравилось получать допай для своих рабочих, носиться по полку в поисках лопат, каждый день выбивать у ротного людей и требовать воду. Нравилось общество безумного Бодруга и Старого. Работа кипела, но кирпичи долго сохли, это все нужно было делать летом, когда здесь в Ботлихе температура была +40 в тени. Высохшие кирпичи собирали в пирамидки, а освободившееся место заполняли новыми. Я, блядь, сердцем прикипел к работе и мечтал убить пидорам, раздавившим как-то ночью погаными своими ногами несколько кирпичей. Но, к сожалению, этими пидорами оказались Моряк и Умка – мои друзья, ходившие каждую ночь через хоздвор в Ботлих за травой и водкой.

Когда высохла первая большая партия, ко мне присоединились Камиль и Саид, которых ротный направил как «местных» для помощи в производстве и собственно строительстве. Они успели построить раздачу для столовой, КПП, столовую, закончили стены караульного помещения (см. Абдула). Но начался сезон дождей, похолодало, и дело это само собой заглохло. Янцев отправил меня в караул ПНК, и в этой должности нашел меня долгожданный дембель.

Санчасть

В Хабаровске – самое любимое место. Впервые я попал туда с чесоткой и, разумеется, в изолятор. Для чекиста, задроченного службой, изолятор был подобен раю. Целыми днями я просто дрых или читал, еду приносили прямо в «номер», правда такая же чекара по дороге из столовой в изолятор запросто могла выловить пальцами из супа редкие куски тушенки (я просто однажды сам видел подобное), но это все мелочи. Меня это не смущало, как уже и многое другое. Армия – прекрасное средство от

брезгливости. Если тебе хочется курить, а нечего, и не предвидится, а тут, в курилке, ты видишь, валяется прямо на земле здоровый бычок **Примы**, что ты будешь делать? Поднимешь его, засунешь в свою пасть, еще и радоваться будешь. То же относится и к курению на пустой желудок, и к сырому белью, и к поглощению в огромных количествах воды прямо из-под крана после четырех часов строевой подготовки на **плацу** при тридцатиградусной жаре, например. Вся брезгливость осталась дома.

Я пролежал с чесоткой две недели, натираясь постоянно какой-то желтой дрянью и глотая таблетки.

Во второй раз пребывание в санчасти уже не было таким приятным. Попав туда с разбитой ногой (см. **ФСБ**) и уже не в изолятор, а в обычную общую палату, я понял, что и человека с температурой под сорок могут заставить сначала переть через весь плац (при помощи дневального) себе койку из роты, потом драить полы, заступать в наряд и таскать белье из прачечной. И все же это было лучше чем в роте. Свободного времени было больше чем достаточно, и тратили его на всякое баловство типа изготовления четок и брелоков из хлеба, дембельских альбомов на заказ и пр.

Каждое утро из моей разрезанной ноги вынимали бинт-турунду, вобравший в себя за сутки гной, и

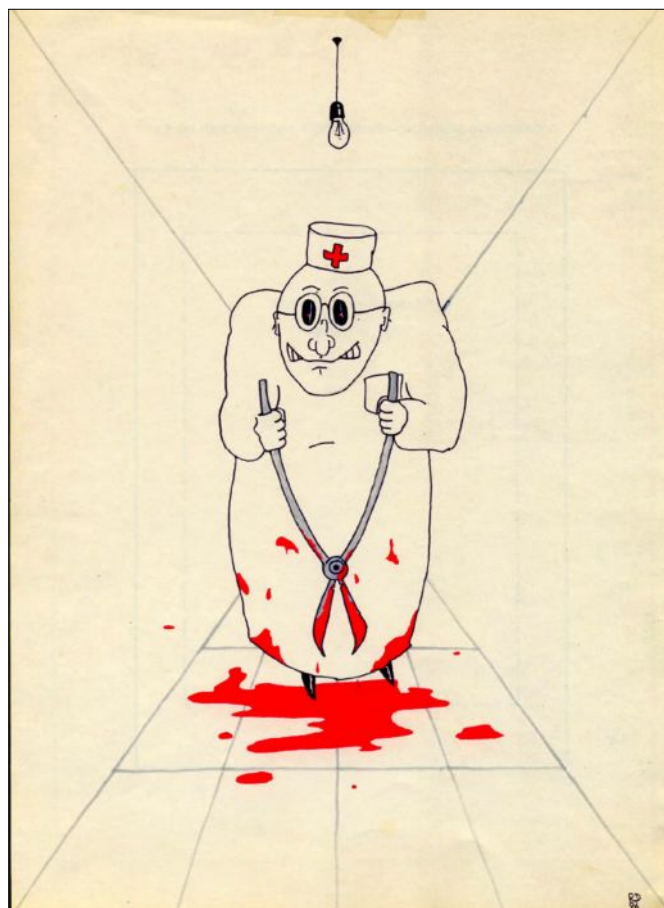

Рисунок Романа Дранкова

вставляли новый. Называлось все это «дренаж». Через неделю гной выкачали полностью, рана начала затягиваться, но я все еще усиленно хромал по ЦРП санчасти и жаловался на слабость и головную боль, памятуя о первой заповеди военнослужащего по призыву: «Солдат спит – служба идет». А как бойцы не хотели возвращаться в роты! Все, от чекистов до дембелей. Каждый вечер на приеме у начмеда я наблюдал жалкие сцены. Стоило тому отвернуться, как градусник засовывался в батарею, а если везло, и начмед отлучался, начинал усиленно растираться об пижаму.

В третий раз я оказался в санчасти уже в Сибири. Отслужив почти месяц в Иркутске, я был снова отправлен в Ангарск. Еще в дороге почувствовав сильное недомогание и несказанно этому обрадовавшись, я по приезду в полк немедленно обратился в санчасть, где служил поваром мой земляк (из Артема) Андрюха Башмаков, и радостно слег в тот же день с «легкой формой пневмонии».

Причина по которой я, уже будучи «молодым» и сержантом, все же жаждал загаситься, заключалась в следующем. Мне предстояло служить теперь во втором батальоне под началом знаменитого Яремы, и неожиданная отсрочка была очень кстати. На хуй, я знал, как у него солдаты по ночам в УЗК по плацу бегали.

Спокойная беспечная жизнь в санчасти, где положняками были Башмаков со своим другом

Лехой Лобачем из Хабаровска – оба, естественно, моего призыва, была гарантирована. Башмак справедливо считал, что земляки должны помогать друг другу вне зависимости от призыва и роты, где проходили службу, держаться друг за друга, видеть друг в друге братьев, и по-настоящему переживать, когда этого не случалось (а этого почти никогда не случалось – см. Рой, Сибилев). Для него никто не мог быть дороже земли, и он готов был впрягаться за последнего лоха, лишь бы тот был из Приморья. Только почувствовав на себе его участие, я понял, как на самом деле мы жили в Хабаровске. Как скоты, словно последние твари, били друг другу ебала, стучали, ненавидели, не желая понимать, что до этого состояния, причем намеренно, нас доводит горстка пидарасов в сержантских погонах. Вдохновляли Башмака и бородатые полковые байки о том, как когда-то давно, еще во времена первой чеченской, приморские держали весь полк, и их якобы боялись все, включая спецназ и разведку.

Но то – Башмак. В конце концов, мы с ним в соседних купе в армию ехали, а это кое-что значит, и именно он встречал нас в Ангарске, когда мы вернулись из учебки, и нас отправили, конечно, первым делом в санчасть, посмотреть, чего заразного мы с собой привезли; и высматривал в толпе задроченных худющих ублюдков в шинелях и шапках-пиздобычихах приморских. Но Лобача я не знал. И вообще не понимаю, откуда он взялся в Ангарске, там вообще не было никого из Хабаровска призыва 9/1. На КМБ я его не помню.

На вокзале в Махачкале. Слева стоит Лобач. Второй справа – Башмак, первый справа – Таран

Лобач был медбратом. Здоровый лобастый, фамилия ему очень подходила, детина. Он же и выполнял обязанности завхоза санчасти. Вместе с Башмаком в одной из пустующих палат они устроили спортзал, и каждый день тягали железо, а по вечерам, взваливая по очереди друг друга на плечи, носились по длинным коридорам санчасти, укрепляя ноги. Два амбала.

Выдавая мне пижаму и тапочки, Лобач обратил внимание на мой новый бушлат. А хороший у тебя бушлат, говорит. Давай, говорит, поменяемся. (Бушлат был действительно пиздатый: «стекло», недавно полученный, но сгинуть ему суждено было не в санчасти, даже не в Ангарске, не в Сибири даже. Его спиздили в Ботлихе из палатки, пока я спал, дембеля, которым мы приехали на замену.) Хороший, говорю, но меняться не будем. Лобач завел старую, знакомую до тошноты, подзаебавшую порядком пластинку разводящего: да ты че, охуел, или че? Ты крутой, или че? Ты дохуя прослужил? Нет, говорю, дело не в этом. А в чем? А ты у Башмака спроси, он объяснит. Башмак объяснил. Позже Лобач стал мне товарищем, и в Дагестане мы не раз помогали друг другу.

Самым большим удивлением для меня в ангарской санчасти было то, что я встретил там **Усова**. Чекист оказался совсем не таким дураком, как казалось. За побег из Иркутска ему грозил **дисбат**, но он тут же притворился энурезником. Когда Усова поймали на автовокзале, он мотивировал свой побег тем, что, дескать, сержант призыва 8/1 заставлял его по ночам писать конспекты и заполнять дневник ИВР, и что он, бедненький, не выспался, дошел таким образом до ручки и вот... сбежал. (см. **Коллективное воспитание**) Так как в Иркутске кичи не было, его и

сержанта отправили в Ангарск. Сержант 8/1 маршировал целыми днями по плацу, убирал снег, работал, а Усова, как бегунка, просто приковали наручниками к решетке штабной **КХО**. Чтобы не сбежал. И вот тогда Усов начал мочиться в штаны. Как служить не хочется! Что ж, его отправили в санчасть. Первый раз я увидел его в палате, куда зашел с Лобачем, которому рассказывал о нашей сложной жизни в Хабаровске. Я увидел абсолютно голого долговязого человека, лежащего, скрючившись, на койке. Постели под ним не было, но только непромокаемая клеенка. Правая рука была пристегнута наручниками к дужке кровати. «Вставай, пидор!» – весело сказал Лобач. Долговязый повернулся, и я увидел его лицо. «Ах ты пидор! И ты здесь!»

В то время в санчасти лечился от какой-то пустяшной болезни парнишка из батальона, по кличке Рэмбо, только что вернувшийся из **командировки**. Крышелет еще тот. Об этом говорило хотя бы то, что, вернувшись, он первым делом выстриг себе спецназовский «пирожок», за что в этом полку могли очень сильно покалечить.

Следуя разумному принципу «подобное к подобному», Лобач прикрепил к нему трех чекистов-идиотов. Двое из них начинали службу под моим началом. Они были в моем взводе на КМБ 9/2, даже в моем отделении. Первый, конечно, Усов, - о нем особый разговор. Второй – по кличке Медведь, фамилия у него была Медведев. Пухлый чекист пришел в армию, имея какой-то свет разума в глазах, это я помню точно. И даже несколько интеллигентские замашки, что в армии всегда становится поводом для насмешек. Робкий и пугливый, оказалось, он имеет неустойчивую

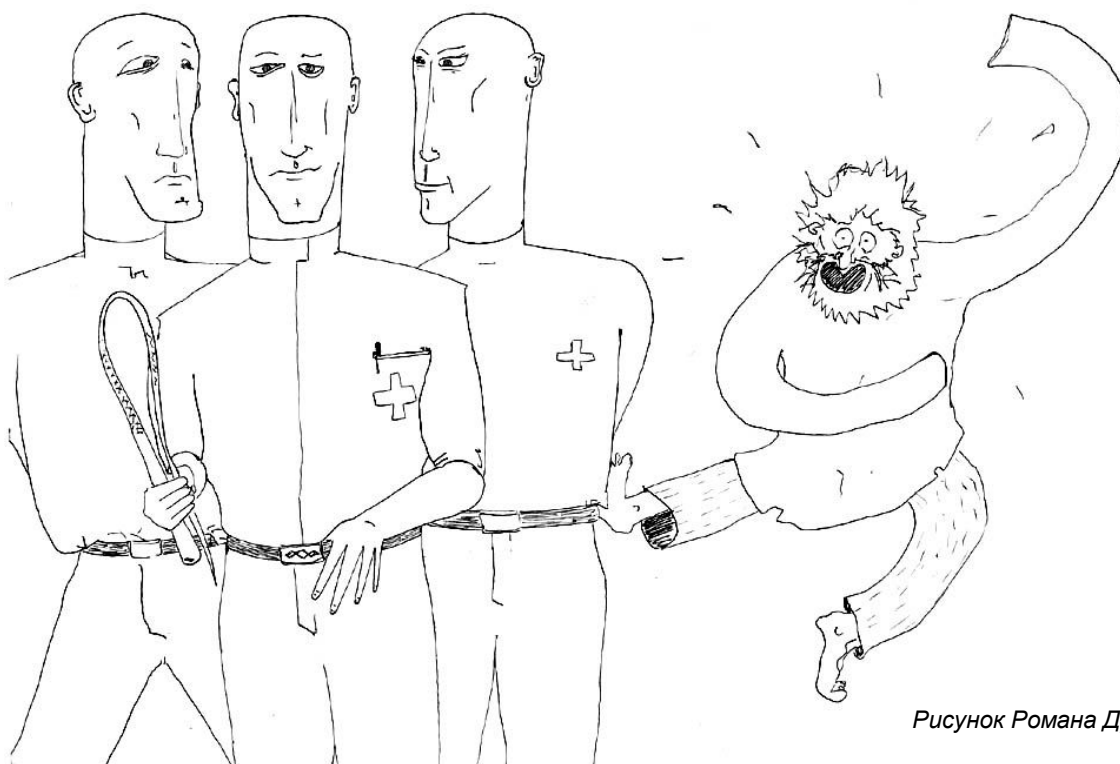

Рисунок Романа Дранкова

психику. Ему не повезло так же, как не везет всем, кто приходит в армию: он попал под начало людей, только что прошедших полугодовой период физических и моральных унижений и издевательств. За КМБ мы с Махно опробовали на своем взводе все то, что на протяжении шести месяцев применялось к нам: и «[братскую могилу](#)», и «[вождение](#)», и «[дужки](#)», и «[думающего удава](#)», и многое другое, используя на полную катушку не только опыт, но и свою фантазию и природную жестокость. Махно, например, разобрав зажигалку, вытащил пезоэлемент и по ночам прикалывался, прикладывая его к зубам храпящих чекистов. Щелк! Несчастного подбрасывает на кровати. Разряд, конечно, небольшой, но на спящего действует сильнее, чем «[убить тигра](#)». Правда, и Медведь из-за своей «интеллигентности» попадал чаще остальных. На всех построениях в роте он стоял рядом с сержантами, то есть со мной и Махно, так как был самый высокий во взводе. Стоило офицеру отвернуться, Махно прикладывал свой пезоэлемент к ногтю Медведя, или тихо командовал: «Упасть! Отставить! Упасть – отставить! Упасть – отставить!» Медведь уже тогда был заметно тормозным и потешно дергался, не понимая, выполнять ему команду, или нет.

Мы с Махно, не особо напрягаясь, довели парня до [ИОПБ](#) и комиссации, пусть скажет нам спасибо. Но тогда он был еще в санчасти. Он совсем уже ничего не говорил, очень медленно двигался, и глаза его были пусты, как у настоящего сумасшедшего.

Кстати, такой момент. Позже я случайно узнал, что у парня папа – какая-то шишка во внутренних войсках, то ли генерал, то ли полковник. То есть Медведь мог бы вообще в армию не ходить, но забил на папу и пошел добровольцем! Нет, я сам пошел добровольно, но это был, скорее, курьезный момент. Этот же, подозреваю, был из «идейных».

Третьего я не знал. Тоже какой-то придурок и бегунок.

И вот Рэмбо поручили наблюдать за всеми ними. Забавно они выглядели, когда шли друг за другом в колонну по [ЦРП](#) санчасти. Впереди низенький коренастый Рэмбо с самодовольной улыбкой командира, за ним огромный Медведь с идиотским, ничего не понимающим взглядом, дальше – согнувшийся в три погибели, зассанец, долговязый Усов – толстые губы, рожа – будто что-то кислое съел, длинный нос, грустные глаза; за спинами этих двух мастодонтов безумия суетился третий, имени которого не помню. Они шли гуськом, и Рэмбо командовал: «Ровняйся! Смирно!». Потеха.

В санчасти на этот раз я протащился с неделю. В сотый раз перечитал «Мастера и Маргариту», подружился с Андрюхой и Лобачем, отдохнул и

выспался. Впереди снова было дрочество, ебучий второй батальон и напроочь безумный [Ярема](#).

Сапоги

Ужас, который всегда с тобой. Когда я первый раз оказался в очереди за сапогами на вещевом складе, я даже не помнил точно, какой у меня размер ноги (вот жизнь гражданская беззаботная!) 42-й или 43-й. Это я и сказал толстой прапорщице. Она смачно выматерилась и принесла пару новых блестящих, резко пахнущих. Я вышел, померил, вернулся и сказал, что малы. Она смачно выматерилась, но принесла другие. Я вышел, померил, но возвращаться и говорить, что они мне велики, уже не стал. Сойдет и так. Ага. Лучше бы я выслушал все, что она умеет, но достал бы эту прапорщицу и всех остальных, томившихся в очереди, и взял бы нормальные сапоги. Гражданская еще моя стеснительность обернулась для меня шестью (!) месяцами непрерывных мучений. Пребывание в армии, кстати, прекрасно иллюстрирует справедливость таких избитых истин, как «наглость – второе счастье», или «сам о себе не позаботишься, никто этого не сделает», «простота хуже воровства» и т.д. Повезло только в одном: лучше, конечно, иметь сапоги большего размера, они сбивают ноги, но только пока новые; они спадают во время бега, но из них легко выпрыгиваешь по команде «отбой!», которую мы всегда в [Хабаровске](#) выполняли на время; в них болтается нога при ходьбе, но и лучше вентиляция, что почти спасает от грибка.

С обувью в армии проблемы. К концу учебки в виду особенности строения моих ног (я, пардон, малость косолап) каблуки сапог сносились не совсем нормально – по диагонали. То есть гвозди, которыми

они были прибиты, остались той же длины, а каблуки, вернее, их внутренняя часть, стали значительно тоньше. По закону армейской подлости почувствовал это в самый неподходящий момент: мы бежали со [стрельбища](#). По полной боевой: шинель до пят, [бронезилет](#), каска, подсумок с магазинами, автомат, [противогаз](#), саперная лопатка. До полка пять километров по пересеченной местности. Что такое «пересеченная местность» я до армии представлял смутно и плохо помню теперь. Помнят мои ноги. Они помнят, как сбегашь с горы по узкой тропинке, стараясь не отстать, виляя из стороны в сторону, чтобы не уебаться в какое-нибудь дерево или овраг; потом по грунтовке вдоль ж/д полотна, потом по камням через небольшой лесок, потом по стволам деревьев бежишь через речку и уже у самого берега прыгаешь на ржавый капот, а он с радостным лязгом, как-то хитро извернувшись, бьет тебя под колено; потом снова грунтовка, и через поле, по грязи и лужам... И все это очень и очень бодрым темпом с пинками бегающих сзади и по бокам [сержантов](#).

Так вот в самом начале этого пути я почувствовал, что гвозди каблука правого сапога, три штуки, самым натуральным образом впились мне в пятку. «Впились» даже не то слово, они просто ее проткнули. Делать нечего, рота одного ждать не будет, я это понимал. Но я, пардон, еще и обременен плоскостопием, а потому из меня и так бегун еще тот, я и так всегда бежал последним, а тут еще эта хуйня, - отстал от замыкающего сержанта, бегущего, естественно, без брони и каски, метров на двадцать. Сначала я молчал и терпел, сколько мог, но боль усиливалась и становилась просто невыносимой. Я сделал усилие и, одолев грунтовку, догнал таки сержанта и сказал, в чем дело, и что больше не могу, и только еще не расплакался. Сержант Михилев остановился, внимательно осмотрел меня с ног до головы и совершил АКТ СОЛДАТСКОЙ ВЗАИМОВЫРУЧКИ (иронизирую уж как умею): он снял с себя планшет, автомат, противогаз, повесил все это на меня и, красиво, как в боевике, размахнувшись, заебенил мне ногой под зад. И я побежал, и гораздо быстрее, чем прежде, а сам он продолжил путь совсем налегке. Я думал, это никогда не кончится, а когда увидел издали полк, мой охувший от боли и усталости мозг посетила совсем уж дикая мысль: ХОУМ, МИЛЫЙ ХОУМ!

В Хабаровске и [Иркутске](#) сапоги подрезали для «красоты» и удобства. В Ангарске действовала статья о «порче военного имущества». Когда привезли будущих контрактников (для отправки в Дагестан) из ментбата Читы, который славился похуизмом и распиздяйством, во время общего построения на плацу наши офицеры обнаружили в этой партии малого, у которого сапоги были обрезаны по самую щиколотку, а хлястики грубо пришиты белой капроновой ниткой чуть выше

подошвы. Придурка в «тапочках» офицеры вывели на середину, окружили плотным кольцом и изгалялись в остроумии до появления на [плацу](#) командира полка. Наиболее метко, на мой взгляд, выразился старший лейтенант Щербаков (см. [Шакалы](#)): «Сапоги типа берцы».

В [Ботлихе](#) летом при температуре +30, приказом командира полка солдатам разрешили легкую обувь – тапочки, кроссовки. А в [Химое](#) с первой зарплаты я купил кроссовки и про сапоги больше не вспоминал. Да и если бы захотел, не смог бы найти их в куче сырого, полусгнившего вонючего тряпья под нарами. Осенью снова попал в Ботлих, и через каждые два шага меня останавливали шакалы: почему без сапог? Сбил на [РОПе](#), товарищ майор. Как сбил? Порвались, товарищ майор. Почему новые не получишь? Ходил, товарищ майор, к начальнику вещевого службы, говорит, что нету у него. Нет вопросов. Так до дембеля и проходил, пока не прошел вдруг слух, что в [ПВД Абросимов](#) собирается. Тут сапоги и нашлись. Новые, блестящие, резко пахнущие. По размеру. Но я их не обул. У меня были берцы, которые я экспроприировал у приехавшего осенью в [командировку Курилина](#) в качестве возмещения морального ущерба. Мне.

Связь времен

27 марта – день Внутренних Войск. Командование Ангарского полка подготовило к этому

знаменательному празднику «шикарное» театральное шествие, которое называлось «Связь времен». Основная идея доступна для понимания каждому: сначала идет строй буденовцев, потом строй, изображающий солдат времен Великой Отечественной, с ГПШ, а потом уже современные солдаты. Оригинально, не правда ли? Потом под музыку из фильма с Бельмондо, где его убивают красиво, выносили венки к памятнику погибшим в первой чеченской кампании, и полк преклонял колена. Мы репетировали это по шесть-семь раз на дню под личным [Абросимова](#) контролем, и под конец меня уже тошнило от этой действительно чудесной музыки. Хотя вспоминается один удивительный момент: мы как раз стояли на коленах, и четверо солдат несли венки – медленно, торжественно, тянули ногу, и тут пошел тихий белый-белый снег – так же медленно и скорбно, при полном отсутствии ветра, и падал на наши обнаженные головы... Это было очень красиво.

«Буденовцев», естественно, изображал наш многострадальный второй батальон, благо шинели с тех пор внешне не изменились, и вполне логичным дополнением к большим красным звездам на наших буденовках были трехцветные российские флажки, крепившиеся к штыкам деревянных винтовок. Чем не «связь времен»? Изображавшие героев ВО должны были выходить в белых маскхалатах, но так как их не хватало, одного солдата в этом строю командиры нарядили на первую репетицию в подштанники от белухи – натянули прямо на камуфляж, не потрудившись даже оторвать штрипки на лодыжках, за что солдат вместе с командирами был при всех морально опущен кыром. Слава богу, мне не довелось участвовать в этом безумии 27 марта, на виду у приглашенных гражданских, так как я был в это время на [гауптвахте](#) и, если не считать злобучей обиды за несправедливое заточение, прекрасно провел время.

Сержант Бодруг

Толстый усатый молдаванин больше всего любил рассказывать о том, как он получил знак «За отличие в службе» второй степени (см. [Награды](#)). По его словам в [Ботлихе](#) на оружейном складе караул отказался выполнить какой-то его приказ. Личный состав взбунтовался, и когда храбрый Бодруг зашел в помещение, отведенное под казарму, кто-то вырубил свет. Но Бодруг не растерялся и, схватив несколько поленьев, метнул их одно за другим в темноту. За такое поведение в нестандартной ситуации и был поощрен начальством, несмотря на то, что несколько человек попали в больницу. (Это теперь Бодруг надувает щеки и пыжится, а тогда, когда еще не было известно, как прореагируют на этот его несомненно героический поступок, представляю, как он перессал.) С тех пор любимой привычкой сержанта стало кидаться в солдат всем,

что подвернется, но так, чтобы не попасть. Он мог выворачивать тебе (не очень больно) руку и в сотый раз пересказывать эту историю. Я, говорит, несколько человек покалечил – мне вторую степень дали. Сейчас тебе руку сломаю – первую дадут. Прикольный дядька.

Он же едва не погиб в Ботлихе, когда вышел на базар, имея из одежды только плавки и автомат. Горячие даги, считая, надо полагать, что подобное облачение вызывает у их женщин греховные плотские мысли, едва не порвали сержанта на части. Спас автомат.

В Дагестане за эту войну он был уже второй раз, и сначала его назначили старшим на производстве [самана](#), а я был его помощником. Там Бодруг швырялся в основном кусками развалившихся кирпичей, но мог и лопатой засветить.

Однажды мы со [Старым](#), узнав, что Бодруг собирается в город, попросили его купить семечек, сигарет и фруктов. И дали ему сто рублей. Может быть, арбуз возьмем? – весело спросил он. Коньячку. Посидим. Мы согласились и дали еще сто пятьдесят рублей. Через три часа Бодруг вернулся, быстро сунул нам сигареты, маленькую бутылочку дешевого сивушного коньяку и, сославшись на сильную головную боль, быстро съехался. Остального, сказал, не было. Денег не вернул.

Но все равно это очень забавный и обаятельный человек, хотя и редкая сволочь.

Сержант Карпов

Хабаровский сержант призыва 8/2. Мудила редкостный. Здоровый сукин сын однажды отбил почки Васюку за то, что мы отстали от него на несколько метров при смене караула (он был разводящим). Васюк после того случая отдыхал в санчасти до конца учебки.

Очень много выебывался. Когда на территории

учебного полка стали создавать спецназ, единственный из сержантов бегал вместе с нами на зарядке, нацепив на себя две кирасы, и мучил постоянно боксерскую грушу в спортуголке. Готовился ехать в Дагестан «валить духов» (как раз началась война). Затраhal командира роты рапортами с просьбой перевести его в спецназ, а когда эту просьбу удовлетворили, через два дня чуть ли не со слезами умолял вернуть его обратно. В спецназе не было разделения на призывы, и все там въебывали одинаково: все мыли полы (и сержанты тоже), все убирались, все ходили на зарядку¹, каждый сам заправлял за собой постель и чистил обувь. Там некого было послать в столовую за балабасом или в магазин за сигаретами. Бывший к этому времени уже «щеглом», Карпов будто снова попал на чекланку и, не выдержал: оставил мечты о подвиге, написал еще один рапорт, и вернулся к спокойной сытой жизни, где можно было хуярить безропотных чекистов и без особого напряжения чувствовать себя крутым.

Сержанты

В Хабаровске шакалы уделяли нам мало внимания. Все «держалось» на сержантах, которым, естественно, было насрать, с каким багажом мы вернемся в войска. Им нужно было только одно: беспрекословное подчинение, касалось ли это боевой службы в карауле или сбора денег «на дембель». Схема проста. Дембеля, деды напрягают молодых: чекисты не должны тащиться, должны «летать». Или «летать» вместо них будете вы –

¹ Спецы каждое утро в качестве зарядки бегали на стрельбище. Более пяти километров по пересеченной местности. Мы ходили на стрельбище (по полной боевой, правда) раз в неделю и подыхали.

молодые. Тех же, только что отъебавивших полгода, такой расклад, конечно, не устраивает, и они из кожи вон лезут, чтобы угодить «старикам».

В первый же день в Хабаровске сержанты-щеглы завели нас в летний туалет на окраине полка, типа оправиться, и неожиданно дали команду: «Упор лежа принять!» После секундного замешательства рота упала. Все легли на засанный, засранный пол и перед мордами нашими были зловонные очки, усыпанные хлоркой и заваленные дерьмом. Мог ли кто-нибудь из нас представить себя в такой ситуации на гражданке? Руками на пол, куда только что кто-то помочился... Пять или шесть человек не легли. Сержанты зашли внутрь и долго пинали их ногами в живот, и в грудь – куда попало. Они добились результата, но оставался еще один. Тогда было объявлено, что рота будет стоять в упоре лежа, пока он не ляжет. «Вот, пацаны, ебетесь из-за одного пидора». А «пацаны» и рады были оправдать перед собой и остальными свою трусость: ложись, сука! Мы лежим, а тебе запахло? В итоге лег и он. Такие вещи от своих товарищей слушать очень тяжело. Тяжелее, чем стоять среди говна в упоре лежа.

Далее этими людьми уже можно было манипулировать: «Вы, суки-лохи, уже забыли, как мордами в говно падали, или че?» И т.д., и т.п..

Сегодня Гордиевский при каждой нашей встрече, если заходит речь об армии, говорит: «Вот если можно было начать все сначала! Как можно было бы все изменить! Я бы не позволил... Я бы тоже.

Мозги промывались ежедневно и очень усиленно. Стоя перед строем после вечерней поверки и зная, что выспится завтра на каком-нибудь тактическом занятии, сержант Михилев неторопливо рассказывал нам о том, как они жили по чекланке. Что бак для питьевой воды, который и сейчас стоял у стены на ЦРП, всегда был заполнен киселем, принесенным из столовой. Мы старались, крутились для своих сержантов, у них всегда и бабки были, а вы что можете, лохи? «Лохи» – это слово мы чаще всего слышали. Каждый день нас поносили последними словами все, кому не лень – от сержантов до командира роты. «Кресты», «олени», «духи бесплотные», «нерожденные запахи». Нейтрально обращались к нам: «тело». «Эй, тело!» Мы прожили в этом кошмаре полгода, и, в конце концов, самой страшной для каждого стала мысль, что опустят, что станешь таким же, как Макар. Дух летает, молодой дронит, фазан контролирует дрончево, дед контролирует, как фазан контролирует, дембель тащится и учит жить. Все эти роли были в Хабаровске очень четко определены.

И еще. Постоянно мы слышали что-нибудь вроде: «Я, сука, маляву в Ангарск корешам своим, с которыми здесь служил, отправлю, когда вы обратно поедете. Напишу, как ты здесь жил, пидор, чтобы тебя там

ниже очек опустили». Мне это постоянно обещал [младший сержант Пивняк](#). Занятно было услышать по приезду в Ангарск от тамошних сержантов в адрес хабаровских: «Лохи, суки, они нашим сержантам в учебке жопы лизали, чтобы их в Хабаровске оставили!» И говорили так все.

Далее. Каждый из нас знал, что если чекист поднимет руку на сержанта, то сержанты всего полка соберутся и сделают все возможное, чтобы чекиста этого башкой в очко засунуть. Было ли это правдой, неизвестно, никто ни разу не отважился, но, думаю, что да. Была там у них такая «клановость», чувствовалось, что все друг друга прекрасно знают и, если что, готовы помочь.

Сибилев

Маленькое говнистое чмо. Приморский. Был [сержантом](#) у нас на [КМБ](#) в [Ангарске](#). Командир одного из отделений нашего взвода. Учебку проходил в том же полку, в [Хабаровске](#), куда потом попал и я. На КМБ, думаю, первый и последний раз в жизни почувствовал власть над людьми, – постоянно выебывался. Любил участвовать в избении [чекистов](#) по ночам, когда, подвыпившие, сержанты носились по роте, обмотав кулаки полотенцами, будили по очереди чекистов, спрашивали «сказку» дембеля и пиздили тех, кто еще не выучил. А чекисты, только с гражданки, замерзнув от ужаса, лежали, с головой укрывшись простынями, и молчали, ждали своей очереди. И вот как-то ночью будят меня [Сибиль](#) и [Рой](#). Встаю. Выхожу на середину прохода между койками. Ну что, говорят, сказку выучил? Ага, говорю, выучил (ни фига не выучил). Точно? Точно. Все равно отпиздить, – злобно говорит Рой. А Сибиль смотрит так на меня снизу вверх и говорит: не, я приморских пиздить не буду. И пошел других пиздить. Приморских. А Рой говорит: а мне по хуй. И кулачком своим тычет мне в грудь. Стою, смотрю на него. Ладно, говорит Рой тоном человека, делающего большое одолжение, ложись.

Второй раз я Сибиля увидел в [Иркутске](#) почти через год. Он служил в автозвезде третьего батальона и совсем уже не был похож на сержанта. Чмырили его там все, кому не лень. Егор, Егор, здравствуй! Он встретил меня как старого доброго друга. Как жизнь, хуе-мое... Адрес мой записал, в гости обещал приехать, еще только в жопу меня не целовал и сам не подставлялся. С удивлением я на него смотрел.

Сигареты

Вечная проблема солдата. Долбаная [Прима](#) уже не лезла в глотку. Однажды, выйдя за КПП, я спросил у двух гражданских пацанов лет по семнадцать «нормальную сигарету». «А что значит «нормальная»?» – спросили они и засмеялись. «Ну, с фильтром...» – засмутился я.

Сказку [фазана](#) я помню, потому что она короткая. А вот дембельскую – наитупейший образец солдатского [фольклора](#) – только местами.

**Как-то летом на опушке
соловей сказал кукушке:
Чик-чирик-пиздык-куку –
Скоро дембель старика

**Масло съели – день прошел
Старшина домой ушел
(Потом про какой-то сон, про какие-то
волосатые пезды)

**Через горы, через лес
Мчится дембельский экспресс
Подмывайтесь, девушки
Едут ваши дедушки
Потом еще какой-то бред и концовка:
Бомб нет! Мин нет!
Спи спокойно, милый дед**

Довольно-таки длинные вирши, запомнил я мало. И вот эту бредятину чекисты рассказывают на ночь дембелям.

Сколько служишь?

На вопрос «Сколько служишь?» [чекист](#) должен отвечать: «Сорок минут как с поезда».

Случай в карауле

Дело было в ботлихском карауле через неделю после моего туда зачисления (см. [Таран](#)). Я был в бодрствующей смене и, как все, просто сидел на нарах, не зная, чем заняться. Тут полы палатки распахнулись, и с черного хода появился начкар – молодой лейтенант, которого я до командировки ни разу не видел. Появление его было театрально. Он вошел, не глядя ни на кого, и остановился посередине палатки. Глаза его были налиты кровью, в руке он держал малую саперную лопатку. «Что, суки, продали меня?» – он свирепо посмотрел на нас, в ряд сидящих перед ним на нарах. «Только и можете, гады, что в штаб бегать, ссстучать!» Его качнуло. «Пидара-асы-ы!» Лейтенант был изрядно пьян. Широко размахнувшись, он воткнул МПЛ в дощатый пол и, начав с края, стал развешивать оплеухи слева и справа, каждому по очереди. Все сидели и молчали. Удары были весомые, в полной тишине шлепки звучали звонко и задорно. Так он медленно продвигался к середине. Расправившись с [Ананниковым](#) и увидев Доктора, который тогда был ПНК, он как-то тихо взревел, сделал шаг назад, выдернул из пола лопатку и, разогнувшись, как пружина, с силой уебал ребром лопатки Доктора в лицо. Тот, конечно, уклонился, но удар таки пришелся по щеке, и лопатка резанула довольно сильно. Брызнула кровь. Я был следующим. Вид безумного лейтенанта с МПЛом в руке и то, что он только что сделал, отнюдь не придало мне бодрости духа, но я почему-то ничего не предпринял. Лейтенант выбросил лопатку и просто засветил мне кулаком в глаз. На этом и успокоился.

На следующий день мы были уже в Чечне и стояли в

шеренге перед хорошо известным мне [майором Калугой](#), бывшим тогда командиром РОПа [Химой](#). Да и все его прекрасно знали, и он нас всех, как ни странно, помнил. «А что, – говорит Калуга, – Иванов, у тебя синяк под глазом? Об дверь ударился?» «Лейтенант ***, товарищ майор!», – ляпнул я, не успев даже сообразить, что подставляю человека, хоть и такого поганого. «А-а-а... ну-ну... А что, Доктор, за шрам на щеке?» «Лейтенант ***, – повторил за мной Доктор. «Ах, какой злой лейтенант ***, какой злой лейтенант...» – съерничал Калуга и более расспрашивать не стал.

Прошло три месяца. Я вернулся в [Ботлих](#) опять же в одной компании с Доктором (см. [Лейтенант Батов](#)). Вечером в батальонную палатку заходит тот же лейтенант и начинает нас грузить за стукачество. Что, говорит, за хуйня, Калуга с РОПа возвращается и предъявляет мне, что я солдат избиваю, вы что ли ему жаловались? Я раскрыл уже было рот, но в голове было пусто. Растерялся. И тут подлый Доктор ответил. Уж он-то не задумывался. «Да есть там, – важно так говорит, – лошара – [Ананников](#). Он вас и сдал, товарищ лейтенант». И тот поверил, Ананников-то в Химое остался, не проверишь. Доктор завтра уезжал домой, ему все равно было, что соврать, а я оставался.

Лейтенанта за пьянки отправили домой с той же партией, что и Доктора.

Смертник

Овальная стальная пластинка, на которой выбит личный номер каждого военнослужащего. С тех пор, как перед отправкой в Дагестан я получил смертник,

много раз представлял себе такую картину: люди в камуфляжах выкапывают из чеченской земли обгоревший скелет. Сначала вынимают из зубов чеку от гранаты, а потом между треснувшими шейными позвонками обнаруживают помятый кусочек металла. Один из людей протирает его рукавом камуфляжа и, щурясь, читает вслух:

МВД РОССИИ
ЕН – 005778

Снег

Действительно делали квадратным.

Сова

Прибор ночного видения. В [Химое](#) их изначально было семь или восемь. Почти на каждом посту. Категорически запрещалось смотреть в него днем, так как прибор из-за этого портился, что-то там засвечивалось, не знаю. В итоге все начали смотреть в них именно днем, интересно же, и все их «засветили».

Солдатский кошелек

Делался из подтяжек камуфлированных зимних штанов. Подтяжка безжалостно отрывалась, с одной стороны пришивалась петлей широкая резинка, извлеченная из тех же штанов, с другой – липучка, срезанная с застежек [кирасы](#). Петля надевалась на запястье, обматывалась подтяжкой и закреплялась на липучке. Кроме того, что в сочетании с формой аналогично камуфлированный напульсник смотрелся очень симпатично, в двухслойной подтяжке с внутренней стороны делался короткий надрез, куда прятались редкие и скудные деньги. Некоторые вшивали туда часы. При процветающем повсеместно крысятничестве и невозможности доверять кому бы то ни было, вещь очень нужная и полезная. Посему в итоге в батальоне не осталось ни одной пары целых штанов, и все сержанты, включая меня, были жестоко выебаны. [Ярема](#) лично содрал у меня с руки напульсник, и я испытал при этом чувство глубокого удовлетворения, потому что на второй руке у меня был еще один.

«Сопли»

Жаргонное название [лычек](#). Целая истерия имела место при получении оных. Со стыдом вспоминаю, что страстно желал стать сержантом в учебке. Скорей бы. Зачем?

Из пластиковых бутылок вырезались вставки, вокруг которых туго обтягивалась камуфляжная ткань. Во вставки втыкались сопли, и все это вешалось на погон. Круто.

СОЧИ

Самовольное оставление части. Аббревиатура СОЧ выдрана из офицерской документации. СОЧ бывает двух видов: 1. Самоволка (бабы – водка – погулять) 2. Побег, не выдержали нервы (см. [Усовы](#)).

Из первого больше всего запомнился следующий эпизод. В ночь с 7 на 8 марта 2000-го года (дата сохранилась в письме Роману) я был [дежурным по роте](#). И пять человек свалили в самоход. Чего их всех потянуло в одно и то же время, причем в разные места, не знаю. Не пустить я их не мог – долбаные дембеля. Пришлось всех в расходе записать, как пребывающих в [санчасти](#). Отнес расход в штаб, доложил, что «все люди налицо, незаконно отсутствующих нет». То же самое доложил капитану Самохвалову – дежурному в те сутки офицеру роты. А он мне и говорит: «А позовика мне, сержант, [Прищепу](#)». Это в канцелярии после вечерней проверки. Я вышел и на полном автомате двинул к дембелям. За советом. Что делать, мужики? Обнаружится, что Прищепы нет, построят роту, как положено, проведут повторную проверку, и выяснится, что нет еще четырех! Придет [Ярема](#), он и за одного посадит и в говно опустит, а тут пятеро. Иди, говорят дембеля, к Самохвалову, скажи, что нет Прищепы, не бойся. А пока пусть кто-нибудь из твоего [призыва](#) (нам не поверят) садится писать объяснительную: дескать, стояли в курилке с Прищепой, а потом видим – нетути его! Маслов сел писать, а я пошел к Самохвалову. «Контуженный на всю башку» (в Дагестане сбили вертолет, на котором он возвращался из Чечни), капитан долго не мог понять, о чем я говорю. А когда понял, то очень на Прищепу обиделся. У него, как потом выяснилось, заболел сын, и он хотел отвезти его в больницу, а так как выпил тем вечером, то водителем хотел взять Прищепу. С обиды Самохвалов пошел сдавать Прищепу в штаб, а меня отправил будить комбата. В первый и в последний раз оказался я в офицерском общежитии, располагавшемся на территории части, и увидел

некрасивую яремину жену. «Ничего не понимаю», - сказал заспанный Ярема и пошел одеваться.

Всю ночь я провел на измене. Но батальон пересчитывать не стали. Повезло. Утром все пидарасы явились, отчаянно разя перегаром. Прищепу я сдал тепленьким в канцелярию, так как ничего уже для него сделать не мог, остальных провел без палева в роту.

Воспоминания о втором виде СОЧ связаны в основном с призывом 9/2. Эти бегали много и постоянно. Уж не знаю, почему. Видимо, из-за того, что почти все были сибиряки – дом-то близко. Чувство презрения к ним не оставляло. По ебалу получил один раз и бежать. Это никем не приветствовалось. Не понимали этого ни солдаты, ни офицеры, особенно не понимал этого старший призыв, которому всегда кажется, что уж они-то больше «летали».

И самый неприятный случай. Был в Хабаровске такой парень Семен, сам из Амурской области. Получил телеграмму, что мать в тяжелом состоянии, просит приехать. Понес телеграмму в штаб, а [шакалы](#) говорят: невозможно. Через два дня приехала сестра, привезла одежду гражданскую, и прямо с КПП, со свидания, Семен рванул домой. Потом поймали его, конечно. Перевели в другую часть.

Спецназ

Легендарный ангарский спецназ, которого в полку все так боялись,¹ был расформирован осенью 99-го. Я тогда был в [Хабаровске](#). Часть спецназовцев была переведена в [разведку](#), остальные - в какое-то новосибирское спецподразделение [ВВ](#). В [Ангарске](#) остались только [байки](#) об их сверхподготовке, жестокости и похуизме.

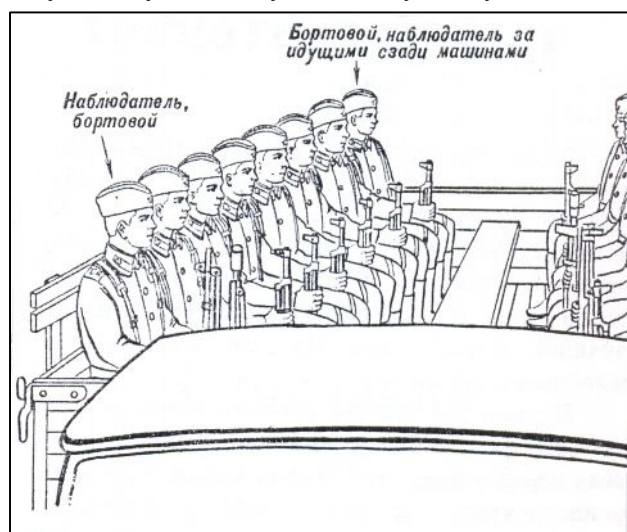
Способы перевозки солдат

Бывают двух видов: на дальние и короткие расстояния. Перевозка солдат на дальнее расстояние осуществляется следующим образом. Солдаты запикиваются в два-три УРАПа (зависит не от количества солдат, а от количества имеющихся в распоряжении машин) и транспортируются на вокзал, где строятся на перроне в ожидании поезда. По прибытии поезда, солдаты получают команду: «По вагонам!» и занимают посадочные места. Офицер с началом движения сообщает, что вырвет кадык любому, кто без разрешения покинет вагон на станции, что закует в наручники до конца поездки тех, кто спалится с алкоголем, что прием пищи, отбой и подъем будут осуществляться в строго

¹ По рассказам, любой спецназовец – срочник мог позволить себе послать на хуй любого офицера не своей роты, за исключением командира полка.

отведенное для этого время; далее назначает [дневальных](#), дежурного и теряет к личному составу всякий интерес. Все время поездки офицер обычно тратит на продажу «излишек» солдатского сухого пайка (в основном тушенки) и сигарет, и на распитие всевозможных спиртных напитков, купленных на вырученные с продажи деньги. Солдаты же, начинающие уже на следующий день остро чувствовать недостаток пищи и курева, вынуждены лазить по всему поезду и кланчить или пиздить оное у гражданских или же, проявляя находчивость и смекалку, продавать на станциях банки перловой каши, с содранными этикетками, выдавая их за тушенку. Справедливости ради надо отметить, что летом 99-го, когда нас транспортировали из Владивостока в [Ангарск](#), этот номер проходил «на ура», зимой же, когда везли нас обратно, торговки на станциях готовы были принять неопознанную банку только при наличии характерного бульканья, слышимого при ее энергичном встряхивании.

Перевозка же на относительно короткие расстояния осуществляется, как уже было отмечено выше, с полным пренебрежением реального количества солдат, вместимости машины и без всякого учета неожиданно возникающих у солдата мелких потребностей, как то: поссать, покурить или хотя бы куда-нибудь вытянуть затекшую ногу.

Старший лейтенант Ни

Ярко выраженный кореец. Низенький, коренастый, плотного телосложения. Мастер спорта по рукопашному бою. Он, вместе с [капитаном Сысоевым](#), забирал нас в [Ангарск](#) с призывного пункта во Владивостоке.

Первый раз чувство неприязни возникло к нему всего на секунду и еще во Владике. Когда Сысоев перед отъездом построил всех для инструктажа в спортзале, то мы - еще в общем-то гражданские люди, еще свободные и не утратившие пока чувства собственного достоинства - веселились, шумели и задавали глупые вопросы типа: «А у нас форма

такая же как у вас будет?» Сысоев улыбался и отшучивался как мог. И в какой-то момент из-за его спины вышел Ни и спокойно, но четко и громко сказал: «Упор лежа принять!» И тут же Сысоев: «Отставить». Все замолчали. Никто из нас и не подумал упасть, я полагаю, не все даже успели понять, что происходит, но само обращение, интонация, с какой было сказано, произвели гнетущее впечатление. Это был первый приказ, который мы услышали в армии, и даже представить не могли, что через каких-то пять дней будем падать мордой в пол, в грязь, в песок, в траву, в говно – куда угодно и по приказу не только офицеров, но и сопливых **сержантов**, едва те откроют рот.

Всю дорогу из Владивостока в Ангарск Ни пугал нас наручниками, кичей и **дисбатом**. Выпендриваясь не меньше **Сысоева**, он поругался с каким-то хачиком-проводником и в итоге громко, так, чтобы слышал весь вагон, сказал: «Попался бы ты мне где-нибудь в Моздоке!»

Следующий раз я увидел его уже зимой в Ангарске. Позади были **Хабаровск** и **Иркутск**. Ни тогда только что вернулся из Дагестана. Дембеля рассказывали, что на одном из **РОПов**, кажется, **Зиберхали**, он пиздил солдат и издевался над ними до тех пор, пока кому-то из них не удалось заснять незаметно момент очередного избиения на пленку. Фотография была отправлена обычным солдатским письмом кому-то из знакомых в Сибирь, те в свою очередь отослали ее командиру полка. Ни немедленно вернули в Ангарск. Видимо из-за своего бесславного возвращения Ни и был так зол той зимой. Его поставили на должность командира взвода нашего батальона.

Как-то после отбоя Ни собрал всех сержантов в канцелярии и потребовал дневники ИВР¹ и конспекты занятий с личным составом каждого для проверки. Естественно, никто из нас подобной херней не занимался. Ни велел собраться всем в **комнате дóсуга**, иметь при себе тетрадь и ручку. «Бессонную ночь я вам гарантирую», - сказал он. Отобрать у заебанного солдата, а тем более, ангарского сержанта, его единственную драгоценность – сон, равносильно лишению способности жевать или глотать. Мы собрались и, стоя за партами, ждали Ни. Он пришел минут через десять и произнес длинную речь, суть которой сводилась к тому, что он, Ни, когда был сержантом, себе такого не позволял, что дисциплинированность..., что ответственность..., что «на вас смотрят солдаты – ваши подчиненные...», короче, редкостное занудство. «Может быть, - говорил Ни, - вы считаете себя

¹ Дневники индивидуально-воспитательной работы. Все о солдатах твоего отделения: год и место рождения, родители, образование, а также твои собственные (сержанта) характеристики на них и прочее.

крутыми, «дедами», думаете все про армию знаете? Хорошо, выбросить бы вас в лес, я посмотрел бы, как вы ориентируетесь по азимутам, как умеете обращаться с компасом; посмотреть бы, как вы разберете-соберете **КПВТ**, как передвигаетесь по местности...» Тут он был, конечно, прав, но кто бы нас тому учил. Или мне в самоволку свалить и провести ночь в лесу, тренируясь ориентироваться по азимутам? Ни просто собирался задрочить нас, заставить писать всю ночь, он-то был в те сутки дежурным офицером роты, ему все равно не спать, но... не судьба. В казарме появился майор, не помню фамилии, бывший в ту ночь дежурным по полку, и своевременное: «Что здесь происходит?» повисло в воздухе. Мы, естественно, на этот вопрос отвечать не решились, а Ни несколько потерялся, поэтому ответом дежурному была тишина. «Полку, кажется, была дана команда «отбой»? Старший лейтенант, пройдите». Переговорив в канцелярии с Ни, майор удалился. Когда Ни вернулся, его желтое лицо казалось черным. Оперевшись руками о парту, он долго молчал. «Больше всего сейчас мне хочется перевернуть этот стол, разбить аквариум, сломать руками стул и выбросить телевизор в окно», - тихо сказал он наконец. «Кто все это потом чинить будет, товарищ старший лейтенант?» – отозвался с задней парты один из сержантов 8/1. Ни медленно поднял голову, внимательно посмотрел на говорившего и ответил: «Ты прав. Отбой».

Как рад я был, как рады были мы все, когда через месяц Ни перевели в комендантскую роту в Иркутск. И оттуда доходили слухи, что он дрочит солдат, почем зря, что всех в Иркутске заставил носить **сапоги** вместо **берц** и кепки вместо беретов, но нам это было все равно.

Старшина

Образно выражаясь, «собака на сене». В конце учебки так получилось, что мне пришлось посидеть запертым в каптерке (до этого только стоял в ее дверях при получении белья или полотенца какого-

нибудь) несколько часов. Чего там только не было! Ремни, шапки, белухи, камуфляж, бушлаты, шинели, шевроны, кепки... все новенькое, с иголки. И это при том, что мы ходили в самом настоящем рванье.

Старый

Четин Эдуард. Ему было лет двадцать, но на лицо и манеры он тянул на все тридцать пять, поэтому все и звали его Старый.

Любопытно вспомнить о нем, как о человеке, умудрившемся трижды пропустить свой законный дембель.

Первый раз Старый пропустил свой дембель так же как и все мы – заключившие контракт. Каковы были причины, побудившие его после почти двух лет срочной службы поехать в командировку, не знаю. Спрашивать об этом было не принято. Может быть, он хотел вернуться с деньгами, может, с орденом на груди, легким шрамом на лбу, и чтобы в родной деревне Степаново, что в Пермской области, все знали, что он вернулся из Чечни, и что он «дурак», особенно когда выпьет, и боялись, и уважали, и сочувствовали. Может, так же как и я, опасался дисбата (см. [Курилин](#)) – таких тоже было немало. Не суть.

Уволиться Старый должен был в августе 2000-го. Но поскольку смена прибывала в [Ботлих](#) только раз в месяц, уехать как положено не удалось – не хватило нескольких дней. Для дембеля каждый лишний день, проведенный в армии, - что год, но пришлось ждать еще месяц. Куда денешься.

Тут и появился Добродумов – начальник продовольственной службы полка и, как большинство людей, занимающих подобные должности, - редкостный пидор. Он пришел в батальон и сказал, что ему нужен в помощь один доброволец солдат, лететь в Ханкалу за хлебом.¹ «Добровольцем» оказался Старый. Его кандидатура была предложена ротным, весьма прозорливо старавшимся держать дембелей по возможности на расстоянии и раскидывавшим их всех кого на [копилку](#), кого на [водозабор](#), кого по [РОПам](#). А Старого вот в Ханкалу. Не фиг в последний месяц здесь «дедовать», глаза мозолить и плохому «молодых» учить.

Старый обрадовался: на поездку предполагалось потратить две недели – быстрее время пройдет. Но вышла накладочка. Уезжали на две недели, а

¹ Хлеб долгого хранения. Выпускается в плотно запечатанных полиэтиленовых пакетах и при распаривании водой вроде бы принимает вкус и вид настоящего. Незаменимая вещь для РОПов, куда продукты доставляли в лучшем случае раз в месяц.

получилось больше месяца. Проебал Старый и сентябрьскую партию, и дембель свой в третий раз, и остался в полку еще на месяц. А в качестве «дембельского аккорда» строил новую баню на том же хоздворе, где я гонял [чекистов](#) по грязи (см. [саман](#))

Стодневка

Ангарск. Январь 2000-го.

Старинный славянский ритуал. В первый из ста дней, оставшихся до выхода приказа Министерства Обороны об увольнении, дед становится дембелем, бреется налысо и перестает есть [масло](#) в столовой (что-то вроде добровольного поста в ожидании сытой свободы).

Будучи [бумажным дедом](#), я все-таки решил повыпендриваться. В первый же день стодневки ко мне в столовой подошли старослужащие из [автороты](#) и деликатно поинтересовались, не приехуел ли я, имея в виду мою свежевыбритую бошку, не соответствующую году [призыва](#). Я объяснил, что призван на год, а потому все вполне законно. Традиции уважали, и инцидент был исчерпан.

Счастливым образом был избран сержант Маслов, погоняла «Масло». Из-за фамилии и просто потому, что был он мой товарищ. За завтраком и ужином ему теперь доставалось лишнее колесо масла. (На обед масло не давали.) Но Махно, узнав об этом, упал, что называется, «на хвоста» и отбил у Маслова ужин. Но все мое масло съесть они не успели. Я продолжил стодневку уже в [Иркутске](#).

Естественно, что когда я сообщил всем об убытии в командировку на полгода, первые шутки по этому поводу касались масла, потраченного мною зря.

Стрельбище

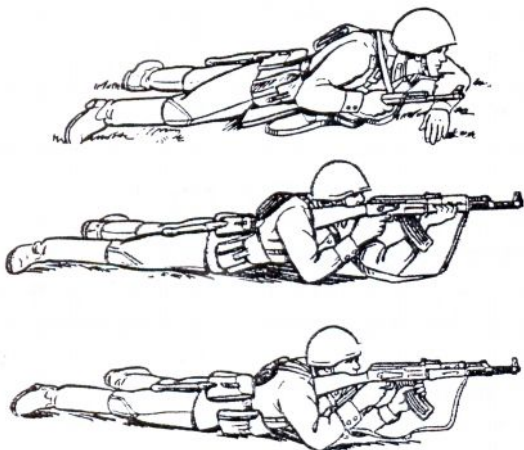
Ходить на стрельбище не любил никто. Сначала полдня тащишься по жаре (или снегу), потом, даже не присев, полчаса пидоришь оружие, чтобы снова его «испачкать», потом часа полтора ждешь своей очереди, делаешь, наконец, три выстрела; еще полчаса у тебя проверяют оружие; остаток дня уходит на то, чтобы добраться обратно до полка и

еще раз почистить автомат, и еще раз постоять в очереди в **КХО**, чтобы сдать автомат и чтобы получить **шомполом** по башке за то, что ты его плохо почистил.

Да и как стреляли-то! Всего три позиции. Стоишь на первой позиции – в метрах ста от «огневого рубежа». Когда первые отстреляются, выдвигаешься **СТРОЕВЫМ ШАГОМ** на вторую и снова ждешь. Потом бежишь на третью, падаешь мордой в землю, но строго по Уставу¹: правая нога – продолжение туловища, левая – до отказа в сторону. По команде наводишь на цель, по команде снимаешь с предохранителя, по команде передергиваешь затвор, по команде нажимаешь на спуск... потом по команде сдвигаешь ноги (смешно сказал) и поднимаешь руки, по команде встаешь, по команде поворачиваешься, по команде (строевым опять же) идешь обратно... короче, не стрельба, а балет.

Обед на стрельбище привозили из полка, и здесь, рядом с тремя термосами, имели место безобразнейшие сцены. Сначала сержанты накладывали себе. По старшинству, конечно. Накладывали долго, вылавливая куски посочнее и потолще. Потом подтягивались их шестерки из нашего **призыва**. Толкаясь и переругиваясь, выгребали остатки. Остальным доставалась водица...

Стрижка

Хуярили всегда максимально коротко, лишь бы не под нулевку. Привилегию ходить совершенно лысым имели лишь дембеля и разведчики. Первый раз нас стригли в **Ангарске** на плацу. Стригли **сержанты** – каждый свое отделение. Тупыми совершенно станками. Таких жутких «лесенок» не сможет продемонстрировать самый убежденный, самый

¹ Вот где выполнение положений Устава строго контролировалось лично офицерами так это на стрельбище! Ты себе пулю в ногу загонишь или пристрелишь кого-нибудь случайно, а им потом отвечать. На хуй надо!

«антуражный» панк. Кому-то, помню, исполосовали всю башку до крови.

Строевые песни

На самом деле строевая песня это, можно сказать, особый виртуозно-ебанутый жанр. Но она должна быть правильно выбрана, исполняться слаженно и с душой, к тому же необходимо иметь хорошего запевалу. Да. Это все понятно. Когда самый первый раз, шагая по плацу в Ангарске, я «запел» вместе со всеми какую-то гнусную дрянь про солдата, вернувшегося домой и не узнавшую его младшую сестренку («Дома мамы и бабушки нет, а чужим открывать не велели...»), рот мой непроизвольно растягивался в дурацкой улыбке, совершенно не вязавшейся с грустным мотивом... По прошествии нескольких месяцев службы было уже на все плевать. Глупость стала нормой жизни.

Пели всякую гадость. «Ра-а-адна-а-ая Ру-у-усская земля-я-я!!!» В Ангарске на вечерней «прогулке» семь рот, почти тысяча человек, «гуляли» строем по плацу, и каждая рота орала СВОЮ песню. ДЛЯ КОГО? Это было в натуре дико. А самой смешной строевой песней, которую я слышал в армии, была из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»: «Маруся напрасно слезы льет, как гусли поет душа ее...». В третьем батальоне, в **Иркутске**, эту песню гнусавым голосом исполнял Доктор. По идиотству и уморительности песня в его исполнении брала все сто процентов. Доктор отчаянно картавил и пидарастически растягивал окончания.

При прохождении по плацу на обед (естественно, по всему периметру, хотя по прямой столовая была напротив дверей нашей казармы) тоже полагалось исполнять песню. **Ярема**, будучи под воздействием наркотиков или просто в плохом настроении, дробил нас так: рота начинает движение, запеваает батальонную строевую, проходит метров пятьдесят, и тут Ярема орет: отставить! кругом! на исходную бегом марш! Рота поворачивается и бежит обратно. Там снова разворачивается, сержанты выравнивают колонны, и все сначала. И так раз по десять-пятнадцать перед обедом, перед завтраком, ужином.

Сушки

Так называли боевые истребители СУ-27. Вот случай, неоднократно рассказанный призывом 8/1 в **Химое**. Весна 2000-го. Самый обычный день. Все, как положено, на постах каждый занят делом: кто книжку читает, кто накуривается, кто играет в шахматы. Рудик и Зяба как раз накуривались на КПП. И вот, удолбавшись, Зяба выходит на дорогу и видит: прямо на них по ущелью летят два самолета. И между Рудиком и Зябой происходит следующий короткий диалог:

- Смотри, сушки!
- Ни хуя! Красиво идут! Смотри на боевой ложатся!

- А куда стрелять-то будут?

В ту же секунду будка КПП за ними взлетает вверх. Оба героя в кювете. По всему РОПу солдаты спасаются в окопах. Командир РОПа, майор Калуга, передает по радиации в Ботлих: «Почему меня бомбят?! Какого хера?!» Сушки ебанули два раза по РОПу, жертв, слава богу, не было, разрушили один чеченский дом на окраине деревни и заделали немного только что отстроенную новехонькую мечеть (нохчи залатали ее уже к вечеру). Как потом выяснилось, летчики ошиблись «всего» на пять километров.

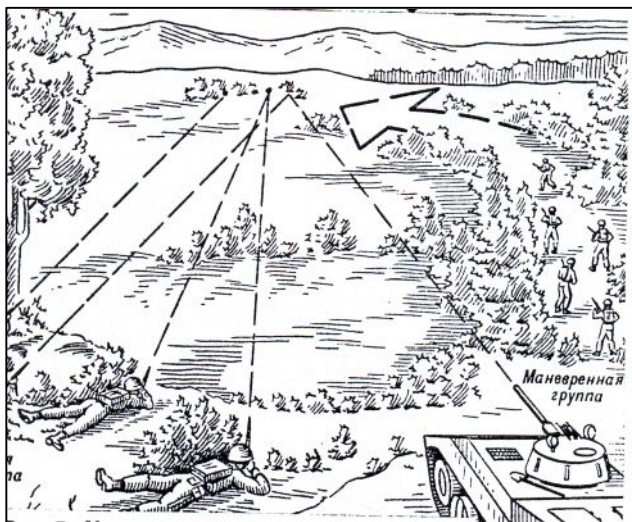
Счет?

Вопрос задается в период **стодневки**. На этот вопрос **чекист** безошибочно и незамедлительно должен назвать количество дней до конца стодневки и выхода приказа о дембеле. Дедам это приятно.

Тактические учения

В **Хабаровске** проходили следующим образом. На целый день мы уходили на поле для тактических занятий далеко за территорию полка. Потом **сержанты** выстраивали нас в цепь, и мы, переведя оружие за спину, входили в лес и шли по нему, собирая грибы. Не принесший ни одного съедобного, как минимум опиздюлялся. Вечером сержанты, ужасно воняя, жарили грибы в бытовке.

Танки!

Метод уборки. Если в расположении роты грязно, то после команды «танки!» рота падает на пол и ползет по расположению между тумбочек, под кроватями, вытирая, таким образом, своим камуфляжем пол.

Таран

Димка Таран – неисправимый апологет травокурения, любитель рассказывать анекдоты,

бабник и фанат компьютерных игр. Когда-то кто-то сказал ему, что мимикой, манерой вести разговор и интонациями он похож на Джима Керри (это правда), и Таран начал подражать ему сознательно и делал это неплохо. Что касается анекдотов, баек и всяких историй, то он относился к типу людей одаренных. Губастый и долговязый, он выкатывал глаза, шепелявил, гримасничал как обезьяна, смеялся, потирая руки и, доставляя удовольствие окружающим (правда, не всем), получал его сам.

Познакомился я с ним в Ботлихе. Сам Таран из Братска, призывался оттуда в **Ангарск**, потом был переведен в Читу, в ментбат, служил в Иркутске, в Байкальске. Оттянув положенные два года, он подписал контракт и снова оказался в Ангарске.

Так вот о **Таране**. Мы подружились в карауле и с тех пор старались держаться вместе. Вместе попали в **Химой** – описано в главах **Второй пост**, **Лейтенант Батов**, **Подлас**. Закончилось все это более чем печально. Беда случилась 4-го августа, в дневную смену. Я спал, когда в кондейку зашел Суслик и начал тормозить меня: вставай, тебя Таран зовет. Первое, что я спросонья подумал, это: идет дождь, что надо вставать, обуваться, тащиться на гору, на пост... Скажи ему, что я приду попозже, - ответил я и уткнулся лицом в подушку. Вставай, - повторил Суслик, - Тарану пальцы оторвало. Я сел на нарах и посмотрел на него. Я думал, он шутит, но Суслик был абсолютно серьезен. Я ломанулся к медбратам.

Таран сидел на скамейке и являл собой жалкое зрелище. Все его лицо было искоцано, руку он держал перед собой – ладонью к себе. Пальцы были перемотаны бинтами так сильно, что были похожи на барабаны. Весь он был в крови и дрожал. Я встал перед ним и развел руками. «Как же так, Димон?» Таран был раздражен и сказал мне, что только меня с подобными вопросами не хватало. Попросил помочь ему закурить. Я помог...

Потом уже я узнал, как было дело. В последнее время Таран со своим сменщиком Зябой любили друг друга подкалывать следующим образом: разбирали запалы от гранат, извлекали селитру, и подкладывали ее под какие-нибудь предметы. Как именно это происходило, я не знаю, но при прикосновении к этим предметам случался небольшой взрыв. Приходит, например, твой сменщик на пост и снимает трубку телефона, чтобы доложить, что пост принял – бах!... Таран стучал по запалу молотком...

Его отправили в госпиталь, в Буйнакск, откуда он вернулся спустя месяц с воспоминаниями о медсестричках, которых так и не удалось развести на секс. Его запихали в наш батальон. Я в это время переживал эпопею с саманом. Таран почему-то

сразу очень активно не понравился Янцеву – командиру нашей роты. Таран был в **берцах** – такую обувь ему выдали в госпитале как контрактнику. Янцев дал Тарану три дня на то, чтобы он нашел себе сапоги, а по истечении этого срока посадил на кичу за неуставную обувь.(см. **Ишаки**). Отсидев, Таран заступил в караул – так был решен этот вопрос: он сидит в караулке и на постах, на построения не выходит, Янцев не слышит неприятных вопросов о том, почему его солдат в такой обуви. Но на этом история не закончилась. На первый план вышла разведка. Контрактник в берцах! Они грузили его на бабки, и тут пригодились мои знакомства в разведке и **санчасти**. Я впрягся за Тарана, уже не помню деталей, но я сделал что-то очень правильное и полезное до такой степени, что было очевидно – без меня его бы просто порвали. Димон был очень благодарен.

Таски

От слова тащить. В смысле отдыхать, когда другие въебывают. Популярный вопрос старослужащего молодому: «Че охуел? Таски словил, или че?» знаменует начало морального прессования, за которым вполне закономерно следует физическое.

Татуировки

Делались бледные, безкусные, дебилные. Черепа в краповых беретах, корявые буквы ОПОН, какие-то

завитушки непонятные, что называлось «абстракция», короче срань. Я не знал раньше, что татуировка, сделанная на левом плече, – любительская, то есть можешь наколоть все, что захочешь, а за татуировку на правом плече положено отвечать. Перед кем? Никто толком не знал. В **Химое** был парнишка **призыва** 8/1, который очень переживал по поводу того, что «по молодости» (на первом году службы) выколол на правом плече на безграмотно-английском языке нечто, что переводилось вроде: «Смерть выбрала меня», или «Смерть выбрала нас», что-то такое.

Особой популярностью в **Ангарске** пользовалось изображение скорпиона. Но по приезду в Дагестан большинство обладателей такой татуировки ждало серьезное разочарование. Они увидели настоящего скорпиона. Увидели и сравнили с тем, что было выбито на их теле.

Машинка делалась из моторчика от электробритвы, проводов и струны от гитары. Ради интереса я однажды пробил немного очередному желающему. Сломал иглу, испортил линию и очень сильно запачкался гелем.

Перед дембелем татуировка обычно сводилась в страшных мучениях раствором марганцовки. Был в **Хабаровске** такой сержант 7/2 по имени Вася. Так вот он, осознав вдруг перед самой отправкой домой, что на запястье у него выколота какая-то чушь, что в армии, может быть, и круто, а на гражданке смеяться будут, ливанул марганцовки и прожег руку до кости. Я лично перевязывал долбоеба.

Позируем с Тараном на посту ботлихского караула

Ташка

В Химое посты были расположены на порядочном расстоянии друг от друга, так, что мы даже не могли видеть соседа. Но зато, когда кто-нибудь крутил ручку ташки (ТА – телефонный аппарат. Полевое приспособление простое, как три рубля) на каждом посту раздавался звонок, и мы могли общаться все вместе, нужно было только нажать панель на ручке трубки. Воспользовавшись этим чудом техники, один раз устроили «секс по телефону», и текст был примерно таким: «Я отстегиваю магазин от своего автомата... оттянув пальцем затвор, я удаляю патрон из патронника... Теперь я полностью беззащитен... а теперь я очень медленно и эротично расстегиваю ремешок на своей каске, медленно снимаю ее и кладу рядом... Я снимаю кирасу... (истерично) Бери меня, Суслик!... Ржали десять постов и разводящий в кондейке.

Тело

Самое распространенное обращение по отношению к [чекисту](#).

Тест Купера

должен был пройти каждый, желавший служить в разведке. Принимал его лично Гарифулин (см. [Шакалы](#)). Когда я на [КМБ](#), на первом месяце службы, пытался сдать этот тест, проводился он следующим образом. Сдавали человек двадцать. Каждый из них должен был выполнить упражнения: 1. Поднос ног к груди, лежа на спине – 20 раз. 2. Отжимания от пола – 20 раз. 3. Подъем туловища, лежа на спине – 20 раз. Упражнения выполнялись без перерыва, под счет. Как только заканчивалась первая серия из трех упражнений, сразу, без какого-либо отдыха, начиналась вторая, потом третья и т. д., пока не останутся самые выносливые. Нужно было Гарифулину всего три человека.

Чекисты, 9/2, зимой 2000-го сдавали уже по-другому. Рота разведки почти в полном составе была в Дагестане, и Гарику нужны были люди. Потому взять он готов был почти любого. Сдавали они на время.

Тигрятник

Из военкомата нас повезли в «накопительный пункт» на Вторую Речку, где нам предстояло ожидать своих «покупателей». Я просидел там три дня, и там познакомился с Гордиевским и некоторыми другими персонажами. Спали на голых нарах. Охраняли нас [БАМовцы](#)¹. Пидоров этих навсегда запомнил. Зная, что мы через два-три дня уедем, они позволяли себе, например, вывести ночью десять человек в туалет и заставить чистить очки. Могли и просто вывести и отхуярить дубинками, построить ночью и шмонать сумки в поисках балабаса и денег, отбирали одежду, обувь. В [тигрянике](#) впервые я увидел, как сильно все боятся армии, как нервничают от неизвестности, и в каких беспомощных уродов этот страх превращает людей.

Тондо

Я видел это дагестанское селение только издали, когда мы поднимались на [разведзасаду](#) (см. также [Абдалзабазуль](#)). Во время боевых действий летом 99-го оно пострадало больше всего, его разрушили почти целиком. Разведчики, которые ехали с нами, говорили, что там живут сейчас лишь несколько стариков. Еще один повод завидовать роте [разведки](#) – эти лазили везде и помногу, они побывали на всех [РОПах](#) полка, во всех населенных пунктах Ботлихского района, в то время как батальон почти безвылазно торчал в части.

Труска одеял

Тут особенно расписывать нечего. Каждую субботу утром, вместо зарядки, рота выходит на [плац](#), каждый со своим одеялом, и вытряхивает скопившуюся за неделю пыль. Вспоминается только один момент. Дело было весной в [Ангарске](#). Тогда [Ярема](#) совсем охуел. Во время труски дал команду остановиться и сказал: «Солдаты, вы неправильно трясете. Не синхронно». И мы начали трясти одеяла под счет. Три раза сбивались и начинали сначала.

Ярема мог заставить даже есть под счет. 8/1 рассказывали, что однажды ночью он пришел удолбанный в казарму, поднял роту и устроил истерику с выбрасыванием тумбочек на [ЦРП](#). И среди прочего, говорили, выдал такую фразу: «А! У вас здесь мыши не в ногу бегают, и тараканы не клейменные!»

¹ БАМ – батальон армейской милиции, если кто не знает.

Туалет и все, что с ним связано

Толчок. Место курения конопли, разборки на повышенных тонах, переходящих в жестокое мордобитие, и напряженных мастурбаций по ночам.

Любимое развлечение «молодых» сержантов, заступающих в наряд по роте, в [Хабаровске](#) – не пускать «духов» ночью в туалет. Ритм нашей жизни там был такой, что сходить в туалет днем можно было максимум два раза, а то и ни разу. Мы просто не успевали. И вот «дух» просыпается (если ему вообще дали этой ночью уснуть) от нестерпимой рези в мочевом пузыре, натягивает сапоги без портянок и шлепает по [ЦРП](#) к туалету. Напротив входной двери, рядом с тумбочкой дневального, сидит за столом сержант – дежурный по роте. «Товарищ сержант, разрешите в туалет?» «Съебался!» - лениво отвечает сержант, слегка приоткрыв заспанные глаза. «Ну, товарищ сержант!» «Ты че, чикаго, охуел, или че?» «Товарищ сержант!» «Ты че меня дрочишь?!» - глаза открываются шире...

Ссали в котелки, во фляжки. Утром едва успевали выливать. Раз ночью сам видел, как якут Вася Кривошапкин (см. [Чистка оружия](#)), вернувшись после неудачной попытки, встал на колени возле батареи напротив своей кровати и обмочился прямо на пол.

Иногда успевали проскочить: сержант мог задремать или отлучиться, проскальзывали в туалет, хотя дневальный на тумбочке делал большие умоляющие глаза. Но если палили на обратном пути, могли выставить за дверь казармы на лестницу в одной белухе и босиком. Один раз я простоял так несколько часов. С тех пор я перестал пить на ночь.

Любопытно еще такое явление как **сержантские очки**. В [Хабаровске](#) туалет был разделен на две части деревянной перегородкой. Соответственно имелось два ряда очек. Тот, что ближе к выходу отводился [чекистам](#), другой – сержантам. Войти на сержантскую сторону без разрешения строжайше воспрещалось.

Утром чаще всего в туалет не пускали, а сразу, не дав облегчиться, выгоняли на пятидесятиминутную зарядку. Но если дежурный по роте оказывался в хорошем настроении или не окончательной гнидой, нам давали минуты две, чтобы помочиться. Очек было шесть. В роте сорок семь человек и у каждого только две минуты, а потом час непрерывного бега, прыжков, отжиманий. Толкались, теснились, брызгали друг на друга, боясь не успеть... Сержанты выгоняли пинками. На одной стороне столпотворение, приглушенные маты, журчание и

зловоние, на другой – чистота, пустота и спокойно управляющийся сержант Михилев, падла пидарская.

Ботлихский туалет был ужасен и представлял собой выгребную яму, кое-как прикрытую досками, по которым ступать нужно было очень и очень осторожно, чтобы миновать беды и несмываемого позора.

В [Химое](#) возможность использования строительных материалов была практически неограничена. Мы разобрали два больших пустующих чеченских дома и имели все: большие листы железа, бревна, стальные балки, к тому же в нашем распоряжении было много гладкого речного камня. Мы могли построить все, что угодно, и при возведении постов демонстрировали просто чудеса фортификации.

Это же относилось и ко всем остальным помещениям. Раз прибыла комиссия из [Ботлиха](#). Посмотреть, как солдаты живут, что едят, где спят, как одеты; не дрочат ли солдат и если дрочат, то, правильно ли, а если нет, то почему, что за хуйня

такая? Приехали, значит, посмотрели, среди прочего, на наш туалет и очень обиделись: почему это, дескать, тут у вас в [Химое](#) туалет лучше, чем в [Ботлихе](#), в центре группировки ВВ, в образцово-показательном полку? По какому такому праву? Почему, мол, наши офицеры должны гадить в

худших условиях, чем у вас тут солдаты? Ходили потом даже слухи, что был приказ: толчок наш замечательный разобрать. Но при мне, во всяком случае, этого сделано не было.

Тувинцы

Дагестан. [Абдалзабазуль](#). [Разведзасада](#). Ранее утро. Туман. Первый пост. До смены полчаса. Сажу в окопе, прислонившись спиной к земляной стене. В полудреме. Напротив меня на краю окопа Малой обнимает свой РПК и клюет носом. Позади и выше меня дровник. И вот, слышу, появляется на дровнике (а меня оттуда не видно, так как я в окопе) один из тувинцев по фамилии Монгуш и деликатно интересуется у Малого: «Што ты спыщъ на посту, пыдор?» Малой сонно посылает тувинца в

неизведанные дали. В ответ тут же летит камешек. Малой просыпается, хватается первый попавшийся камень и запускает обратно. Тувинец швыряет уже порядочных размеров булыжник. Малой уворачивается. Я, находясь как раз между ними, внизу, сквозь дрему думаю: «Надо хоть мне показаться, что я тут есть, а то зашибет ненароком!» – и начинаю приподыматься, как вдруг мне прямо на шею падает сверху здоровенный толстый обрубок бревна, не долетевший до Малого. Сон как рукой сняло. Оглушенный и злой, я поднялся во весь рост и высказал удивленному моим неожиданным появлением тувинцу все, что я думаю о нем и о родившей его маме. Когда я перестал орать,

повисла недолгая пауза, после чего, не сумев придумать в этот напряженный момент ничего лучшего, гневно, с обидой в голосе, Монгуш крикнул мне: «А ТЧЭГО ТЫ ТАМ СЫДИЩЪ?!». Его слова резко изменили мое настроение, я упал на дно окопа и смеялся до пороссячьего визга.

А в целом тувинцы замечательные и симпатичные люди.

Тугарин Алексей

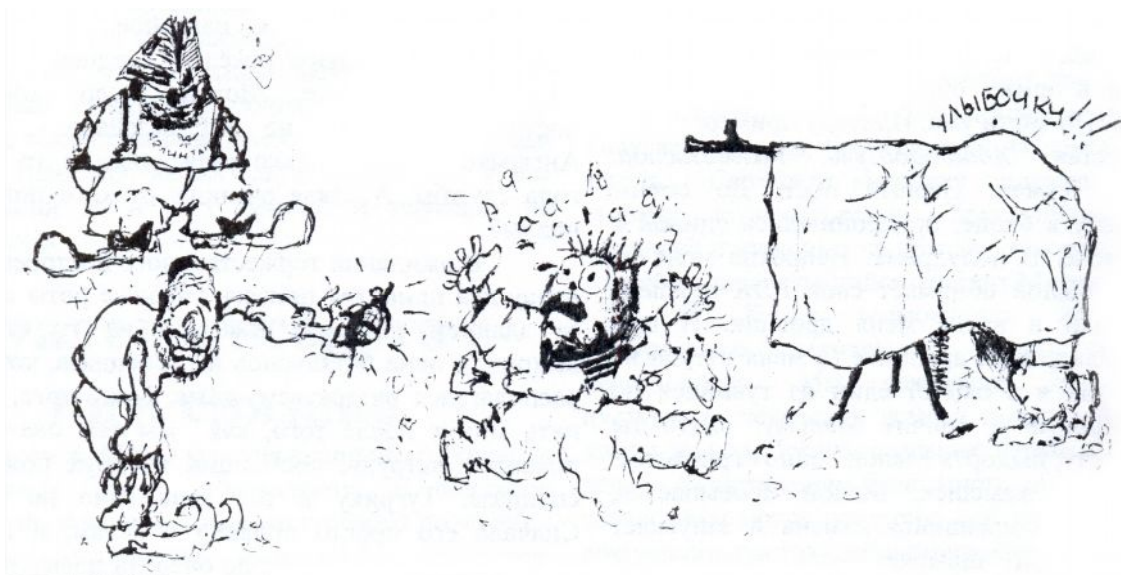
Сержант 8/2. Прибыв в [Ангарск](#) после хабаровской учебки, попал командиром отделения к нам, новобранцам 9/1, на [КМБ](#) в отдельный полк [АЗДН](#). Прослужив там около месяца весьма припеваючи, как и положено сержанту в любой учебке, несколько, видимо, утратил ощущение реальности и постригся «под пирожок», который в Ангарске имел право носить только спецназ.¹ Но до Ангарска было несколько десятков километров, и Тугрик совершенно спокойно расхаживал по территории части с «крутой» прической. Беда нагрянула неожиданно, и была это наша присяга. На присягу положено было ехать в оперативный, а сержантам, естественно, сопровождать личный состав. Об этом Тугрик, наверное, не подумал. Представляю, с каким тяжелым сердцем ложился он спать накануне. Можно было, конечно, постричься налысо, но вот незадача – так в Ангарске ходили только разведчики и то после года службы. А какая разница, от кого получать пизды?

В ожидании торжественного построения на [платцу](#) для принятия присяги учебные роты стояли за зданием казармы. Как раз на ту сторону выходили окна батальонов спецназа, который располагался на третьем этаже. Мало того, через пять минут после того, как мы там оказались, появился патруль, состоящий из двух бойцов того же спецназа. Тугрику в тот день явно не везло. Сначала его просто подвели к окнам, и спецы, находившиеся в казарме, по очереди плевали вниз, стараясь попасть в центр «пирожка». Затем патрульные отвели Тугрика за угол и жестоко испиздили резиновыми дубинками. «Завтра у тебя на голове волосы, делай, что хочешь», - сказали они ему, видимо не зная, что уже сегодня Тугрика здесь не будет. Для спецов батальонные все были на одно лицо. Страх перед [ГСН](#) был велик, и ни один из сержантов, ни один из тех, с кем он ебался полгода в учебке, даже не попробовал заступиться за него. Они вообще старались не смотреть в ту сторону. [Чекисты](#) же, и я в том числе, наблюдали эту сцену с огромным удовлетворением.

¹ После расформирования группы спецназа ангарского ОПОНа осенью 99-го так стали стричься разведчики.

После КМБ я почти год не видел Тугрика, а встретился с ним только в [Химое](#). Оказалось, что он вовсе не чмо и не пидор, каким мы его видели на учебном сборе, а довольно-таки интересный человек, веселый, знающий массу анекдотов, и, кроме того, обладающий талантом рисования. Рисунок Тугрика. Я носил в то время бороду и широкие штаны от ватников с подтяжками. Ну а клоунские ботинки... даже и не знаю, чего это он. Большеносый тип кавказской наружности изображает [Ару](#), а пухленький человечек, испугавшийся лимонки, - Суслика, который незадолго до этого едва не подорвался на гранате (см. [Ф-1](#)). Треногий фотоаппарат – это пулемет Тугрика, под покрывалом, соответственно, он сам.

Мы с [Подласом](#) часто в шутку напоминали Тугрику о нашем КМБ и его тогдашних сержантских замашках. Подлас в частности рассказывал веселую историю о том, как Тугрик однажды хотел поставить ему [лося](#), и был послан на хуй. Но Тугрик не обижался, к тому же все это уже было давно в прошлом. Уволился он осенью 2000-го, увезя с собой пленку, отснятую в [ПВД](#). Фотографии обещал прислать, но до сих пор так и не прислал, засранец.

Ты че меня драчишь?

Самая популярная фраза у тех, кто имел право ее произносить. Был у нас на [КМБ](#) замкомвзвода старший сержант Титов. Такой маленький кривоногий мудака. Он все бегал по роте и визгливо орал: «Дрочите меня, [чекисты](#), или че?» Рассказывал постоянно как он ебался в учебке в [Хабаровске](#), и что мы по сравнению с той его учебкой просто тащимся здесь и только ноём, что спать не дают, что пить не дают, что жрать мало, курить нет и пр. Я потом сам попал в ту учебку. И действительно, гандон-коротышка оказался прав.

Тяга

Из [АЗДН](#), 9/1. В [Химое](#) очень долго добивался положения и в итоге стал [разводящим](#), положняком, принятым 8/1. Обладатель самой ужасно выполненной и глупой татуировки на армейскую тему, какую я когда-либо видел: на плече – по локоть - огромный кривой череп в берете в каких-то удивительной формы разводах. Участвовали в создании этого безобразия все, кто хотел. Когда произведение было закончено, Тяга, рассмотрев его хорошенько, впал в депрессию. Ебанный клоун.

Убить тигра

Это значит взять двумя руками подушку, размахнуться как следует и изо всех сил ебнуть по морде храпящего. Разумеется, процедуре этой подвергались только [чекисты](#). Шутки ради сержанты иногда давали команду «убить тигра» в лице храпящего старослужащего и от души забавлялись растерянным видом чекиста, не знающего, что же хуже: не выполнить команду и получить за это пизды от одного деда, или выполнить и получить того же, но от другого деда.

Уборка

Хабаровск. Июль – декабрь 99-го.

Каждое утро уборка начиналась с того, что мы на скорости выносили тяжелые дсп-тумбочки на [ЦРП](#). Сержант считал до пяти и гонял нас туда - обратно раза три – четыре: в зависимости от настроения – подавал счет быстрее или медленнее, а мы, толкаясь и падая между кроватей, наперегонки перли тумбочки к проходу. Затем мокрыми тряпками выгребали грязь на [ЦРП](#), причем те, кто таскал воду из туалета, тоже делали это на счет. Потом грязь по [ЦРП](#) везли тряпками к туалету и там собирали в ведра. При низкой скорости или

неудовлетворительном качестве уборки применялся [метод разлива воды](#).

Настоящим мучением было набивание «кантиков». Каждое утро в течение сорока минут, оставшихся до [развода](#), мы набивали «кантики» (то есть острый угол, если непонятно) на краях одеял, туго обнимающих матрас. Для начала с помощью мотка ниток койки выравниваются в одну линию по черным полосам на одеяле, коих имеется ровно три. Они, очевидно, заменяют надпись «НОГИ». Теперь можно приступать к нащипыванию кантиков, то есть солдат просто тупо щиплет край туго подвернутого под матрас одеяла (так туго, чтобы он слегка прогнулся, и одеяло образовывало идеально ровную поверхность – это называлось «лодочка»), пока тот не становится острым, что придает одеялу «квадратный» вид. Нащипывали, нащипывали... Иногда, если роту было нечем занять после развода – бывало и такое – нас просто «бросали на порядок». То есть мы занимались набиванием «кантиков» до самого обеда. Минут сорок в позе сборщика риса за абсолютно бесполезным занятием – попробуйте. Один из молодых сержантов бдительно следил за тем, чтобы мы не смели разогнуться вне зависимости от того, закончена работа или нет...

УЗК

Универсальный защитный костюм. Комбинезон из плотной зеленой резины. Полностью закрывает тело, за исключением лица, которое закрывает [противогаз](#). В комплект входят здоровые черные перчатки и огромных размеров уродливые ботсы на толстой подошве с высоким голенищем. Предполагается, что солдат должен быстро натянуть УЗК при начале химической или ядерной атаки, а став после облачения в два раза страшнее, продолжить боевые действия. Вместо того, чтобы оснастить костюм какими-нибудь быстрозастегивающимися молниями или липучками, безумные создатели его придумали дурацкие нормативы, по которым солдат за –нцать секунд должен справиться с таким количеством хитровыебанных застежек, тесемочек и петелечек, и в таком строго определенном порядке, что с ума можно сойти уже только разматывая сверток.

На лесной поляне на жаре, при контроле [сержантов](#) мы пытались совершить невозможное: обычным человеческим разумом постичь секреты коварных изобретателей. Тренировка по разматыванию свертка с УЗК, напяливанию его на себя, стаскиванию и сматыванию длилась несколько часов. Все это, как обычно, сопровождалось пинками, матами, к которым мы тогда уже привыкли, но еще и диким качем, прелесть и новизна которого заключалась в том, что приходилось отжиматься на тридцатиградусной жаре в полностью закрывающем

тело резиновом костюме и в противогазе. Поднявшись после очередной серии отжиманий, я снял резиновую перчатку, и из нее хлынул струями пот. Ботсы тоже были полны и хлюпали при движении.

Умка

Маленький черный, как ослиная какашка, бурятенок с просто уморительной обезьяноподобной рожцей.

Я познакомился с ним в [Ботлихе](#).

Моего [призыва](#), не будучи [контрактником](#), но в то же время, как и все мы, остро нуждаясь в деньгах, сей славный бурятенок проявлял поистине чудеса смекалки. Вместе со своим расторопным дружкой по прозвищу Моряк (тоже нашего призыва) он мог достать все. У Моряка в Ботлихе (уверен, у единственного во всей [Объединенной группировке войск на Северном Кавказе!](#)) был даже открыт свой личный кредит. То есть в любое время дня и ночи он мог постучаться в один из трех домов, стоящих на окраине Ботлиха и взять все, что ему было нужно, пообещав скоро вернуть долг. Надо, правда, заметить, что подобное умение приходит не от хорошей жизни. Представьте, что вас посреди ночи пинком будят деды и требуют шоколада, сока и три пачки «Петра». А ведь до Ботлиха еще нужно добраться, пройти незамеченным по территории части, миновать караул, где, конечно, стоят свои, но им тоже не очень улыбается отвечать, если Моряк спалится; и, в конце концов, не попасться какому-нибудь военному патрулю. Да и кредит у дагов заслужить непросто. А, взяв все, что нужно, ведь еще надо суметь назад вернуться.

Но «вершиной творчества» этой неразлучной парочки стало похищение у дагестанца - начальника [насосной станции](#) четырех метров колючей проволоки с последующей продажей их ему же (!) по несколько сниженной цене. [Бодруг](#), помню, все нарадоваться не мог, как славно у них получилось: «Этот лох думал по дешевке купить! Теперь восемь

метров будет... приходит на склад, а там вообще ни хуя!»

Умка был прирожденный шут. Все, что он ни делал: его голос, манера разговаривать, сама фигура его – все вызывало смех. Поэтому я очень любил, когда он приходил к нам на [саман](#). Однажды Умка появился у нас в обеденный перерыв. Мы были сыты, добродушны и только что выкурили добрый косяк. Мы развалились на тюках с соломой, и тут я предложил Умке спеть. Тот уселся на землю, сложив ноги по-турецки, взял лопату и, имитируя игру на каком-то восточном инструменте, спел песню «Ветер с моря дул» на бурятском языке. Причем исполнялось все это с совершенно дикими завываниями, ожесточенной мимикой и судорожными перемещениями маленьких черных ручек по «грифу» лопаты. У меня едва не сорвало крышу и челюсти сильно болели. Никогда в жизни я так не смеялся. Где ты сейчас, Умка?

Унижение

Унижение – это то, что ты считаешь таковым. И если для кого-то было в порядке вещей вставать по ночам, чтобы подшить китель сержанта, почистить ему [берцы](#), напидорить [бляху](#) ремня, постирать портянки – это его дело. В Хабаровске существовал определенный порядок: каждое отделение «ухаживало» за своими сержантами. Они никогда не готовили «внешний вид». Чекисты только не брили их. Не хочу сказать, что публично вставал в какую-то позу, просто мне удавалось избегать этого, а сержантам было все равно, кто именно вставал ночью, а кто – нет. Они говорили: «Если ты не хочешь что-то делать, то найди другого и заставь его сделать это. Не можешь найти – делай сам». Главное, чтобы все было тип-топ: блестящая бляха, чистая [подшива](#) и т.д.

Унру. История с переодеваниями

Был такой курсант в [Хабаровске](#). Унру – это его фамилия. Худющий, курносый, поведением своим он всегда напоминал мне героя Маковецкого из фильма «Операция «С Новым Годом!». Того типа, что катался в инвалидной коляске и все время нудел: вам-то хорошо... Унру был невыносим со своим нытьем. Даже когда он смеялся, голос его был плаксивым. Фамилия его могла вызывать только одну ассоциацию, и с первых же дней в учебке его единодушно прозвали «Умру». [Сержанты](#) прикалывались: «Унру, умри!» И он картинно взмахивал руками или хватался за сердце и падал навзничь. Бедняжке приходилось «умирать» везде: на [стрельбище](#), в казарме, в столовой, на [плацу](#), в [карауле](#), на [зарядке](#), днем и ночью. В [КХО](#), при сдаче оружия, на него направляли ствол, нажимали

на спуск, и после щелчка он падал, сраженный невидимой пулей.

А запомнился он мне в связи с одним очень неприятным инцидентом, случившемся перед нашим отъездом в [Ангарск](#). Мы уже получили звания, учебный курс закончился, уже приехали за нами офицеры из Ангарска. И вот на вечерней проверке сержант Савин – был такой педрила – объявил, что те, кто хочет и имеет деньги, могут обратиться к нему, он поможет перед отъездом купить новые сапоги или камуфляж. За комок, помнится, просил рублей семьдесят, за сапоги – сто. Подумайте, говорил хитрожопый Сава, вы ведь теперь сержанты, вы приедете в Ангарск, и будут у вас чекисты, на которых новая форма, а вы как лохи одеты. Он был прав. За шесть месяцев учебки наша форма выцвела от солнца, истрепалась от ползаний по полу и земле, провонялась и пропиталась потом и даже прогнила местами от постоянной сырости и грязи. Конечно, многим из нас, в том числе и перед самым убытием в [Ангарск](#), приезжали [родители](#), но Сава не мог быть уверен, что ему отдали все. Он знал, сволочь, на что надавить. Мне до сих пор неприятно вспоминать, что я, дурак, купился на это кидалово, как ребенок. Короче, я решил приодеться.

Когда приехали родители повидаться последний раз перед моим отъездом, я так и объяснил, что хочу сменить форму. Они дали мне денег. Вечером вытащил мне Сава из каптерки камуфляж. Только китель и штаны расцветки разной. Ладно, говорит, сейчас темно¹, потом замену тебе. Носи этот пока. На следующий день я надел новый комок, нацепил сержантские «[сопли](#)» со вставками и, важный, разгуливал по казарме. Надо, кстати, отметить, что в последние дни сержанты нас практически не трогали, и мы до такой степени оборзели, что даже курили в туалете, не таясь совершенно. Может, они боялись офицеров из далекого Ангарска, которые приехали за нами, а скорее всего, боялись нас, что мы отхуярим их перед самым отъездом, или настучит кто-нибудь. Так вот, хожу, значит, другим человеком себя чувствую, как вдруг подплывает Унру и начинает канючить, чтобы я ему комок вернул. Ты охуел, говорю, Унру? Я ж купил его! Нет, говорит, это мне мама привезла, брата моего старшего дембельский комок, я его на сохранность сержанту Маевскому отдал. Вот и иди, говорю, к Маевскому. Маевский меня уважал за мои познания в спорте, часто спрашивал у меня совета и качался по программе, которую я для него составил. Я даже представить себе не мог, что какое-либо дело он мог решить в пользу дохода Унру, а не в мою. Естественно, Унру побежал тут же к Маевскому, и тут выяснилось, что остальные сержанты были совершенно не в курсе савиных махинаций. На

¹ Света в казарме не было всю учебку, так как находилась рота на четвертом этаже – последнем, и крыша протекала, и проводка неисправна была.

экстренной сержантской летучке, собранной по этому поводу в туалете, я рассказал, как было, а Сава клятвенно заверил всех, в том, что ничего об этом не знает и вообще первый раз слышит. Мне же, отведя после в сторону, пообещал все самое плохое, что только мог выдумать в тот момент. «Смотри, - сказал Сава, - ты в армии теперь. Попадешь однажды за свой язык!» Как ни странно, все тогда на этом закончилось, хотя, подозреваю, Сава пришлось нехило поделиться с остальными «шмотками» если не все отдать. Унру впал в отчаяние, я успокоился.

Этой же ночью, вернувшись из туалета, я увидел вдруг, что мой комок, аккуратно сложенный на табуретке у изголовья кровати, в слабом лунном свете имеет какой-то странный вид. Подсвечивая зажигалкой, я тщательно осмотрел его со всех сторон и догадался наконец, что это комок не мой! Не мой - новый, чистый - «плащевка», а обычная «зеленка» - старая, задроченная, грязная. Я сел на кровать и тупо смотрел на табуретку, ничего не понимая. «Это Унру». Голос был спокойный, но четкий. «Это Унру», - повторил Качанович. Он лежал на койке, подперев голову рукой, и смотрел на меня. «Я видел, как он взял, когда ты выходил».

Такого, хода, такой решительности и наглости от этого лоха я не ожидал, а потому, честно говоря, растерялся. Но, подумав о том, что завтра все спросят: а где же твой новый комок? и о том, что на этот вопрос надо будет отвечать, я взял себя в руки и отправился будить Унру. «Я не брал», - ответил он... Я пугал его, уговаривал, требовал, наверное, около двух часов. В полной тишине и темноте мы, сидя на койке в расположении второго взвода, злобно переругивались вполголоса. Память подводит меня, уж не помню как, но мне удалось убедить его вернуть комок «на время»... Унру спрятал его в свертке бумаги, прибитом для светомаскировки к верхней раме окна над его кроватью. Вот же пидор! Я бы ни за что не догадался! Утром я совершил большую ошибку. Мерзко улыбаясь, я послал Унру на хуй и смачно выmaterил, назвав при этом раза четыре «лохом» и два раза «сукой», и дал ему в торец, выплеснув таким образом свою благородную ярость за ночное унижение. Насчет Маевского я по-прежнему не беспокоился по двум причинам: во-первых, как уже говорил, я считал его почти другом, а во-вторых, завтра мы должны были уехать в Ангарск, а из 9/1, я знал, за Унру никто впрягаться не станет, да и не было в нашей роте таких, что могли бы меня озадачить.

В Хабаровске оставалась всего одна ночь. Перед отбоем я аккуратно сложил комок и засунул его под подушку. Проснувшись вдруг за час до подъема, обнаружил, что под подушкой все та же грязная, рваная «зеленка». Унру я тревожить не стал. Как я и предполагал, он не отличался особой хитростью и

разнообразием приемов. Комок был аккуратно завернут все в ту же светомаскировку под потолком над его кроватью.

На утро я ожидал слезливых приставаний, но их не последовало, и это меня насторожило. Гром прогремел уже на построении перед самой посадкой в автобус. Сержанты проверяли наши вещмешки, когда ко мне подошел Маевский и потребовал вернуть комок Унру. «Саня, - сказал я ему. - Ты же знаешь, что я его купил». «А Унру - мой подчиненный, и мне насрать!» - вдруг закричал обычно спокойный Маевский. Эта сука, он меня предал, в последний момент испугавшись за свою жопу. Позже в армии несколько раз меня предавали люди, казавшиеся одно время самыми лучшими, самыми проверенными друзьями, и именно из-за боязни подставиться самим. Поначалу я реагировал на это очень болезненно, а потом привык. Но тогда это, конечно, было сильным ударом и настоящим унижением. Я вернул Унру комок, надел снова задроченную «зеленку» и больше никаких попыток восстановить «справедливость» не предпринимал. Устал.

Новый комок достался мне совершенно неожиданно, так, как я даже и не предполагал. Были у нас в Хабаре два таких заядлых «гаса». Первый - таджик - длинный худощавый парень с интеллигентскими замашками. В первый же день учебки, получив сапогом в кадык, он отправился в санчасть и назвал какую-то свою старую болячку. Счастливчика тут же перевезли в госпиталь, где он и провел благополучно все шесть месяцев учебки. Снова мы увидели его только перед отправкой в Ангарск. Он уезжал назад в звании ефрейтора, милостиво брошенном ему командиром полка. Второй - Васюк. Тому просто отбили почки где-то на второй неделе. Месяца два он маялся в санчасти, шестерил там медбратам и завхозу и пиздил для них из смотровой димедрол. Когда я сам лежал в санчасти, Васюк не мог даже согнуться. Попав в госпиталь, он, конечно, «косил» до конца и вышел оттуда вместе с таджиком. Я всегда сочувствовал ему, и у нас были хорошие, дружеские, отношения.

И вот в поезде Васюк наклюкался в зюзя и пришел ко мне. «Иваныч, - сказал он, - ты же дед?» «Дед, - согласился я, - только бумажный». «А это однохуйственно, - сказал Васюк. - Это однохуйственно. Подожди-ка меня». Он пошел, и снял таджика с «дужек». Наши, озверевшие за время учебки, бойцы дрочили всю дорогу таджика за то, что он «прогасился» в госпитале полгода, пока они «ебались», и постоянно подавали ему команду «дужки!». Отвыкший в госпитале от такого без пизды невежливого обращения, таджик только еще в штаны не писался от страха и метался по вагону в поисках «дужек». В итоге он каким-то чудом растопырился посреди купе, уперев руки и ноги в края полок. Так и стоял. Васюка не трогали. Так вот,

Ф-1

он его снял и привел его ко мне. «Смотри, таджик, - сказал Васюк. - Это Иваныч. Иваныч – дед, а ты – лох. Какой у деда комок, а какой у тебя. Дед всю учебку на пузе проползал, а ты в госпитале жопу рвал в кухаре, тебя дрочили, но твой комок у каптеры лежал. Считаю до пяти – твой комок у деда!!!» - закричал Вася и сделал страшное лицо. Таджик быстро разделся и передал мне камуфляж. Он был мне немножко великоват по росту, но зато практически новый. Это немного сгладило неприятный осадок от истории с Унру. Потом, правда, приходил пьяный Махно, который тоже положил глаз на комок таджика, но опоздал всего на несколько минут. Я послал его на хуй. Махно обиделся, ушел и вернулся с пятью «положняками». Я встал посреди купе, оперевшись руками о края верхних полок, и произнес небольшую, но емкую и красочную речь, суть которой сводилась к тому, что если в учебке кое-кто подлизывал яйца сержантскому составу и имел потому там какие-то привелегии, то теперь он никто, а стало быть не хуй тут быковать без толку, а в заключение предложил им вшестером попробовать отнять у меня мой новый комок. Они ушли, забрав с собой таджика – «поговорить»...

Махно снял себе новый комок с первого же чекиста в Ангарске, и мы помирились.

Усовы

Усова назвал Усовым лейтенант Щербаков. Вообще это **чекист** призыва 9/2 – долговязый длинноносый ганс, нескладный, с омерзительной рожей, с маленькими подлыми вечно мокрыми глазками. Еще до всех историй Щербаков, уловив внешнее сходство с одним из офицеров третьего иркутского батальона по фамилии Усов, как всегда громко и шумно, удивлялся этому на каждом построении. Широко улыбался, разводил руками, подчеркивал ударение в словах небольшим наклоном вперед и балагурил как только мог.

Настоящей фамилии чекиста история не запомнила. Да и прославился он не этим, а постоянными побегами. Начал еще на **КМБ**. Служил он тогда в нашем с Махно взводе, и, видит бог, его мы не трогали. По крайней мере, не больше чем остальных.

Устав

Считается, что есть части, где есть дедовщина, а есть части уставные. **Ангарск**, например, это, считалось, уставная часть, а **Хабаровск** – нет. На самом деле, дедовщина есть везде, просто элементы Устава в ней присутствуют в разном объеме. А используется он все в тех же коварных целях – задрочить личный состав до состояния полнейшего подчинения.

На каждом посту в **Химое** было не менее двух таких гранат. Кроме того, мы с **Тараном**, например, имели еще каждый по своей. Таран свою отобрал у кого-то из лохов, не помню у кого, а мне мою подарил... тоже не помню, кто...

В Химое были свои интриги. Рассказывать об этом слишком долго и неинтересно. Суть же в том, что на какое-то время мы с Тараном оказались в серьезной оппозиции местным положнякам, и как-то днем, пока мы устанавливали на склоне горы постом **звенящие банки**, с поста был похищен запал от эфки. Исчезновение его грозило большими неприятностями нам обоим - в первую очередь со стороны **разводящих**, которые это и сделали, чтобы было за что нас потом напрячь. А во вторую со стороны **шакалов**, которые нет-нет да проверяли наличие и количество боеприпасов на постах. Мы не растерялись, нет. Выкрутили запал с тарановской личной гранаты, а ее саму зашвырнули в Аргун. Хорошо иметь свою гранату.

Моя же оставалась при мне до самого отъезда. Я закопал ее возле первого поста, так как взять ее с

собой не было никакой возможности, и, уезжая, сказал об этом **Аре**. Вдруг понадобится. Когда сняли **РОП** Химой, я снова увиделся с Арой в **Ботлихе**, и он сказал, что не стал выкапывать гранату. Так и лежит там, родная, завернутая в тряпочку, в чехле, сделанном из двух пластиковых бутылок.

Самый памятный эпизод с гранатой. Химой. Ранее утро. Смена построена для развода на посты. **Лейтенант Батов** заканчивает инструктаж. И вдруг с четвертого поста, который находился выше по склону горы, - сильный взрыв. Все повернулись в ту сторону и, казалось, долго-долго стояли. Наконец Батов опомнился и рванул туда, за ним – разводящие. Я организовал носилки. Но они не понадобились. Суслик мог идти. По бокам его поддерживали разводящие и медбрат. Суслику повезло в том, что когда раздался щелчок запала, он находился в месте, где окоп круто заворачивал, и пока горел запал (3сек.), Суслик успел съебаться за

угол. Повезло. Он шел, белый, как мертвец, щеки трясутся, глаза навывкате, и на совершенном автомате повторял: «Я только выкручивал запал... я же только выкручивал запал...». Батов после этого распорядился держать запалы отдельно, но я все равно на ночь их вкручивал. И, уверен, не только я. Страшно ведь по ночам-то было.

Такой же запал от Ф-1 оторвал [Тарану](#) пальцы...

Фа́зан

Один из уровней солдатской иерархии, которая полностью выглядела так:

ЗАПАХ (не рожденный) – только призван
ДУХ ([чекист](#)) – прошел КМБ, принял присягу
ЩЕГОЛ (молодой, черпак) – прослужил полгода, отъебался [чекланку](#)
ФАЗАН – прослужил один год
ДЕД – прослужил полтора года
ДЕМБЕЛЬ – вся хуйня...

Чудо это видел я только в [Хабаровске](#). В Ангарске один [призыв](#) постоянно был в [командировке](#), поэтому всякая «расстановка сил» была похерена почти полностью.

Еще каждому из этих «званий» соответствовало определенное количество уголков из ниток на [подшиве](#), но это я так и не смог полностью запомнить и до самого дембеля подшивался обычной прямой линией, как [чекист](#). Это было проще всего, а подшиваться я терпеть не мог.

Была кроме дембельской и [сказка фазана](#), которую каждый чекист должен был помнить и рассказывать по первому требованию. В отличие от дембельской она мне почему-то запомнилась целиком, хотя рассказывать ни ту ни другую ни разу не пришлось.

Фазан – сказочная птица,
Красотой своей гордится.
На груди его могучей
Орденов большая куча
А на шее, белый-белый,
Воротник пришит умело.
Фазан песенки поет,
А потом пизды дает.
Духи-мухи!
Боюсь-боюсь...

Последние две строчки должны были произноситься с изображением ужаса на лице и в голосе.

Фанера

«Пробивать фанеру» традиционно не только для [ВВ](#). Есть такое и в СА, и в Морфлоте. Процесс следующий. Запрос: Фанеру к бою! Ответ: Фанера трехслойная бронебойная 19..-го (год рождения)

года выпуска к бою готова! Несильный удар кулаком или прикладом автомата, можно и с ноги, в грудь. Ответ: Первый слой пробит, откат нормальный, гильза в ящике! Еще удар средней тяжести. Ответ: Третий слой пробит... и т.д... Третий, самый сильный, удар... В идеале [чекист](#) должен помнить ответы, не путаться, не морщиться и ни в коем случае не плакать.

В карауле чаще всего «пробивают» прикладом, но так, чтобы автомат, предварительно снятый с предохранителя, перезарядился, а удар для этого должен быть очень сильным.

Фибра

«Фибрить» – значит делать жесткими [шевроны](#) и всевозможные нашивки, чтобы круче смотрелись. На шеврон с обратной стороны кладется кусок плотного целлофана, сверху ткань и проглаживается все это утюгом. Целлофан плавится, ткань прилипает, шеврон становится жестким, как толстый картон. Так можно сделать сколько угодно слоев и, соответственно, достичь любой плотности.

Филолог

Как «филологу в прошлом» всегда приходилось возиться со всякими стенгазетами и боевыми листками: «Несмотря на непогоду и разорванный сон, бойцы 4 МСР бдительно несут службу в карауле...» Я выдавливал из себя эти пустые фразы, чтобы забить колонки, аж скулы сводило от отвращения.

Флэш-бэк

Самый шикарный ужин в моей армии, состоялся в одну из ночей холодной [ангарской](#) зимы, когда сразу трое с нашей роты вернулись из самохода. Кроме колбасы, печенья и всяких там пряников, имели

место спирт и трава. Принять я не мог, в ту ночь был [дежурным по роте](#) и как раз должен был идти докладывать в штаб. Но взял жменю травы и накуривался в одиночестве до утра, и накурился до такого состояния, что назавтра в обед меня неожиданно снова торкнуло, хотя последний раз я курил в четыре утра и ничего после этого уже не чувствовал. Меня прибило по этой теме и занудством своим я довел до ручки [Прищепу](#), который имел неосторожность перед обедом угостить меня сигаретой. Почему-то мне взбрело в голову, что он дал мне сигарету с травой, чтобы разыграть, а я не заметил. Никак у меня в голове не укладывалось, что «на халяву» может так двинуть.

Фольклор

У каждого – то есть абсолютно! была какая-нибудь записная книжечка, куда аккуратно-неряшливо, с огромным количеством самых дичайших ошибок заносились «дембельские» стишки типа:

Чтоб до дембеля дожить,
Надо с поваром дружить.

Или:

Скоро лето,
Скоро мухи,
Скоро к нам приедут «духи»!

Или:

Не надо слез, не надо грусти!
Придет приказ, и нас отпустят.

Или вот, просто сердце разрывает:

Здесь могут нас назвать собакой,
Стереть достоинство и честь.
А мы в душе пошлем всех на хуй
И как всегда ответим: Есть!

Фотографии

То, что я в армии упустил. Сколько было колоритных персонажей, сколько живописных мест, особенно в [Химое](#)! Фотоаппарат нам с [Тараном](#) удалось приобрести только в [Ботлихе](#), а это не самое красивое место. Мы сняли две пленки – одну в [ПВД](#), другую в поезде по пути из Махачкалы в [Ангарск](#). Остальные фото – случайности и подарочные.

С ними я встречался несколько раз. Первый, когда пришел в [санчасть](#) в [Хабаровске](#) с разбитой и опухшей ногой и температурой под сорок. Врачу я сказал, что на [стрельбище](#) во время погрузки меня зацепило краем бревна. Естественно, она не поверила. Каждый день к ней приходили упавшие с лестницы, не разглядевшие в темноте дверь и т.п. Позже при мне приходил парнишка из пятой роты, бурят, с растертой до красноты и воспаления шейей. Когда спросили, что случилось, сказал: натер воротником [шинели](#). Это ж какой должна быть шинель, и как ее нужно носить? Парню просто сделали окантовку вафельным полотенцем, чтобы не забывал ее делать сам.

Вечером того дня я имел доверительную беседу с двумя улыбочатыми мордатými фээсбэшниками. Они сразу заявили мне, что все знают, что-либо выдумывать бесполезно, короче, давай парень, подпиши вот здесь... да! еще нужны фамилии... мелькнуло «в результате неуставных взаимоотношений»... Я снова начал рассказывать захватывающую историю о том, как меня, неосторожного, долбануло бревном... Разговаривали долго: убеждали, угрожали, объясняли. В итоге было сказано, что я дурак, раз покрываю сволочей, я написал объяснительную, назвав имена двух свидетелей бревнопадения, и они умыли руки.

Второй раз увиделись в [Ангарске](#). За день до убытия в [командировку](#) всем уезжающим, а в [батальоне](#) их было четверо, велели построиться перед [комнатой дóсуга](#). Пришли два (опять два!) незнакомых нам офицера. [Призыв](#) 8/1 они отпустили сразу. Остались я и Пономарь (в недалеком будущем – лох и опущенец). Первым пошел Пономарь. Разговаривали они там долго, я ждать устал, весь измаялся.

Когда он выходил, нам не дали обменяться даже парой слов. Сразу пригласили меня.

Один был серьезный и молчаливый, другой – улыбочивый и разговорчивый. Бля, какие фильмы они смотрят? Улыбочивый начал издали. Объяснил мне, какая сложная сейчас в Дагестане обстановка. Неуставные взаимоотношения набирают силу с бешеной скоростью (я это сразу себе представил). Несознательные солдаты готовы выменять пару гранат на банку сгущенки и так и делают (почем, говорите, сгуща?), а потом в их товарищей бросают эту самую гранату. А верить на Кавказе никому нельзя (нигде нельзя никому верить), поэтому офицерам так нужна поддержка наиболее добросовестных подчиненных и пр. хр., и все одно и то же. Потом спросил, сколько мне лет, какое у меня образование, звание. Узнав, что 23, что высшее, что сержант, очень натурально обрадовался. Как раз

такой нам и нужен! Ты уже не мальчик, ты постарше твоих сослуживцев, закончил университет, сержант, поэтому... и все то же самое, сначала.

Я устал. Я все понял с первой секунды разговора, и мне хотелось побыстрее с этим покончить. Я сказал: хорошо, я все понимаю, и мы перешли к деталям. Необходимо прямо сейчас поработать над легендой, - сказал улыбочивый. Откуда ты? Из Владивостока.

Прекрасно, я служил во Владивостоке, предположим, я знаю твоего отца. Поэтому можешь в поезде спокойно подходить ко мне, и докладывать обо всем, что считаешь важным. Объяснение у тебя будет. Тебе нужно выбрать конспиративную фамилию (Пресвятая Дева Мария!) – сказал серьезный. Что за фамилию? Любую. Пусть будет «*****». Хорошо, - улыбочивый улыбнулся и записал себе в блокнотик. А теперь, - он достал чистый лист, - пиши. Я, такой-то, обязуюсь сохранять в тайне все факты, которые станут мне известны в процессе работы с органами ФСБ. Число, роспись. Все, увидимся в поезде.

Я вышел от них уставший, но воодушевленный и крайне заинтригованный. Меня первый раз в жизни завербовали! Наконец-то! Наверняка, все закончится стрельбой и погоней.

Ни в поезде, ни в Махачкале, ни по прибытии в полк к фээсбэшнику я не подошел, но всячески избегал его. В [Ботлихе](#) у ФСБ была отдельная палатка, я всегда обходил ее стороной.

Чем именно занимались они в [ПВД](#), точно не знаю, но по рассказам, расследовали всякую хрень типа похищения с вещевого склада двух мешков солдатских маек с последующей продажей их

местным. Найдя виновных, долго пытали их электричеством в палатке разведчиков.¹

Хабаровск

Мне этот город и до армии не нравился – скучный, разбросанный, а уж теперь-то... За полгода учебки я, наверное, ни разу не улыбнулся, мне казалось, что я и вовсе разучился это делать. Даже не знаю, буду ли я когда-нибудь чувствовать себя так хреново, как было там, и увижу ли еще такое скотское отношение к людям. Город, конечно, ни при чем, тем более что происходило все не в самом городе, а в поселке Сосновка, но ассоциации самые отвратные.

Хеды

Так называли в горной Чечне самых красивых по тамошним меркам девушек. В отличие от остальных женщин, которые пашут на своих мужчин весь световой день, эти ничего не делают, а только наряжаются в яркие тряпки и с самого (но не раннего) утра сидят на крыльчке, либо медленно, с достоинством, покачивая бедрами, прогуливаются по деревне. И так, пока не выскочат замуж. Сожалею, но хед я видел только издали с постов, через скучный армейский бинокль, хотя представляю: чеченские женщины в большинстве своем обладают завидной фигурой, но весьма уродливы на лицо.

Химой

Маленькая деревушка на границе Шатойского и Веденского районов недалеко от границы с Дагестаном. Довольно живописное место. Наш [ротный опорный пункт](#) состоял из караула в сорок человек, десяти постов, столовой, двух кондеек для отдыха. В задачу входило: контроль за местностью, в случае чего оборона, проверка и досмотр проезжающего транспорта.

На следующий день после нашего прибытия была баня. Вымывшись, я вышел на маленький дворик возле бани. Двое дедов – 7/2 – можно сказать, прадеды мои – угощались сникерсами и спрайтом, купленными в соседнем с баней магазином.

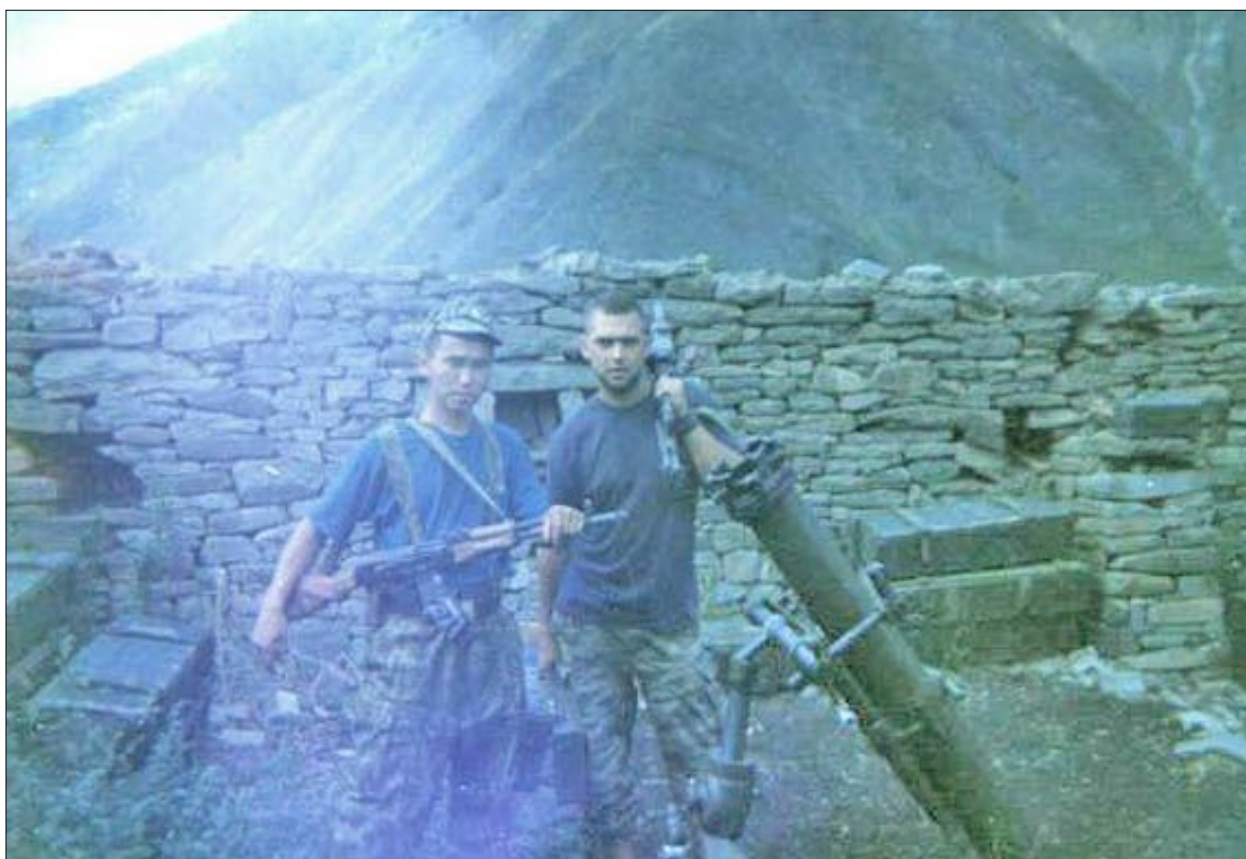
«Слушай, - сказал Рудик – долговязый такой парень, - сгоняй-ка наверх, позови Суслика» (баня располагалась уровнем ниже основных помещений и постов [РОПа](#)). Я ответил, что не собираюсь ни для

¹ Два провода от ташки кидают на зубы жертве и крутят ручку. В должности наводчика БТР, я испытал на себе действие ташки. Однажды я забыл на ночь зачехлить пулемет, а с утра пошел дождь. Ротный завел меня в канцелярию, и я держал провода до тех пор, пока шевелились пальцы, и еще немного после того. Хорошо хоть не обоссался. С тех пор я никогда не забывал зачехлить пулемет.

кого бегать. Вежливо. Зяба – второй – аж подпрыгнул, и прозвучало надоевшее мне за полтора года: «Какого **призыва**?» Я сказал. Они охуели и поднялись со скамейки, намереваясь, очевидно, что-то мне объяснить за армейскую жизнь. Я встал в стойку. Деды, оценив ситуацию, приступили к словесному прессованию. Я выслушал все их истории про тяжелую **чекланку** – все это было так одинаково, так знакомо! – про то, что старший призыв надо уважать, что я еще никто, а вот когда они уедут, тогда... Закончилось все тем, что да, старший призыв будем уважать, но бегать я все же не буду.

Новость о том, что появился «залупленный», быстро облетела РОП. Я поднялся наверх и присел в

Вечером того же дня разводящему Тяге не понравилось, что я медленно двигаюсь во время смены постов, и он рассказал старикам про «охувшего чеклана». Когда стемнело, меня пригласили в кондейку положняков. Зяба и Рудик очень удивились, снова увидев меня. Мы проговорили минут десять «за жизнь», и в итоге они сказали, чтобы я обращался к ним «если что». Я вернулся в кондейку, залез на второй ярус и попробовал заснуть, но тут появился Тяга и шумно заявил: «Щас там Иванов опиздюляется. Рудик его грузит». Я с удовольствием прокашлялся и дал о себе знать, не люблю подслушивать. Тяга удивился: «Ты что здесь делаешь? Я же сказал, что Рудик хочет с тобой поговорить!» «Он уже все сказал» - я отвернулся к стене.

С Батхой на минометной позиции в Химое

курилке рядом с пухлым бойцом, который и был, как позже выяснилось тем самым Сусликом, за которым меня посылали. Рудик и Зяба тоже уже были здесь. После пары несмешных анекдотов и нескольких минут молчания Суслик спросил: «Рудик, так где ЭТОТ, который на тебя залупился?» Сказано было таким тоном, что стало ясно: после того как покажут ЭТОГО, Суслик ЕГО как минимум пополам порвет. Я ответил сам, повернувшись к Суслику, прямо ему в ухо: «Я здесь». Я сказал это максимально дерзко и с вызовом. Реально все заебал. Суслик посмотрел на меня... и ничего не сказал. Мне это понравилось. Это было из разряда тех эпизодов, когда смешно, но не смеешься...

С тех пор в Химое никто меня не трогал.

Химой славился гостеприимством. Однажды командир РОПа майор Антонов пригласил в гости соседей – пограничников из Кинхи. Как они там договаривались, неизвестно, но когда на РОП с горы начали спускаться вооруженные люди в полевой одежде, по ним открыли огонь из **АГС**а. Никто не пострадал. Капитан Иванов, был там у них такой, очень обижался. Этот же капитан сильно удивился увидев наших положняков. Дело было так. Они с Антоновым прогуливались по РОПу, осматривали хозяйство. И вот навстречу им из-за угла кондеек вырывается такая компания: Доктор в плавках и

кроссовках с сигаретой в зубах и Рудик в шортах, кепке и черных очках. У Доктора на плече здоровенный магнитофон орет, оба покачивают головами и пританцовывают в такт музыке, за ними плетется чекист – тащит аккумулятор...

Командиры вызывали у нас отвращение. Все это в главах [Корова](#) и [Лейтенант Батов](#). Еще запомнился случай, когда наши бойцы-минометчики косили сено для местных чеченов (!) по приказу майора Антонова, которому заплатили за это бараниной. Дальше уже русского солдата унижать некуда, я считаю.

Доходило до того, что чечены приходили к нашим командирам и высказывали свое неудовольствие по поводу того, что русские солдаты моются в реке и своим, видите ли, неприличным видом смущают чеченских женщин и гневаят мужчин. И после этого нам запретили раздеваться на речке догола!

Цирк

Иркутск. Февраль 2000-го

В цирк повели третий иркутский батальон. Я, последний раз видевший «гражданку» в начале осени в хабаровском увольнении, едва не прослезился, глядя на нормальных, прилично одетых, даже смеющихся людей. Оказавшись в обстановке полной раскованности и веселья, я вдруг почувство-вал себя не в своей тарелке, уткнулся в воротник бушлата и два часа хмуро смотрел на слонов и клоунов, а по возвращении в часть, написал о своих ощущениях другу. Из его ответного письма было видно, что он не понял моих восторгов.

ЦРП

Центральный ротный проход. Делит расположение роты на две равных части. Ненавистное для всех место построения и уборки. На ЦРП иногда стояли часами. Просто стояли.

Чапа

Спалиться с «чапством» было хуже всего. Человек автоматически становился опущенцем на весь срок службы (см. [Макар](#)). Был такой [Петриченко](#) у нас на [чекланке](#) в [Хабаровске](#). Так вот в Дагестане, на [Ансалте](#), старший [призыв](#) опустил его из-за того, что обнаружили хлеб в его карманах, когда он на пост заступал. Повесили ему на шею кружку и ложку, так он и ходил. В назидание остальным.

Чапа самый несчастный человек, так как страдает вообще ни за что. Все, конечно, ни за что, но чапа особенно. Первые шесть месяцев в армии мы просто голодали, а в столовой [сержанты](#) никогда не давали нам спокойно поесть. Сами они не жрали ни сечку, ни армейский бигус, а жарили вечером в бытовке картошку. В столовой они быстро выпивали чай с хлебом, с маслом и командовали: «Рота, на выход!» Искушение засунуть в карман недоеденный кусок было очень большим (см. [Питание](#), [Макар](#)).

Чекара

Общее презрительное название всех [чекистов](#).

Чекисты

С первых секунд пребывания в дружном армейском коллективе духу ненавязчиво дают понять, что он никто. Что ему придется пройти через очень многое, прежде чем он получит возможность валяться днем на койке (и ночью, кстати, тоже), носить [берцы](#) и носки, подшиваться уголком, иметь свои деньги, крутить какой-нибудь брелок, носить часы; может быть, не выходить на [развод](#) и [зарядку](#), укорачивать [сапоги](#), пить водку, ходить в самоволку, получать свои и чужие посылки, курить фильтровые сигареты, кушать сгущенку и шоколад, справлять нужду, когда хочется, а не когда позволят, громко смеяться и шутить, спать в клубе во время фильма - словом, все то, что на «гражданке» – полнейшая ерунда, а в армии – привилегия.

«Стирать портянки с детским мылом для славных парней», конечно, унинительно, но можно еще стоять на [дужках](#), в упоре лежа на «[полтора](#)», скоблить очки лезвием, маршировать в [противогазах](#), умирать на «[братской могиле](#)», заниматься «[вождением](#)» – фантазия дембелей, уже прошедших через все это, неисчерпаема.

Впрочем, дембеля сами чекистов драчили редко. Дембель – это человек уже остывший, успокоившийся. Он думает ТОЛЬКО о доме, он

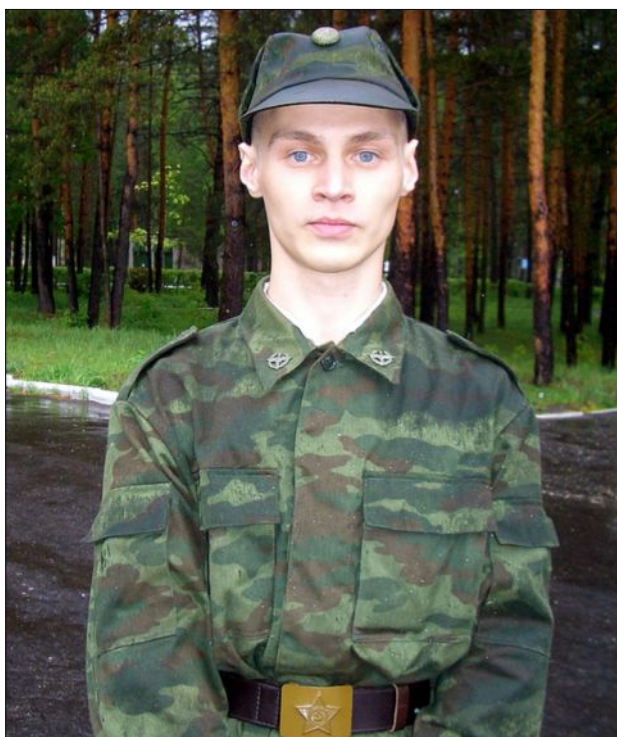
ленив, мыслями своими он уже там, и все эти «дешевые трагедии внутри загона» ему до лампочки. Иногда он, конечно, вмешивается в «воспитательный процесс», может и пизды дать, но редко. Он устал. Все ужасные нечеловеческие поступки, о которых пишут в газетах и снимают жалостливые фильмы, совершаются по большей части молодыми, вчерашними чекистами, которым дали роту обоссанных от страха перед неизвестностью духов и сказали: прочтите их, как вас прочтили! И молодые вымещают свою злобу и унижение шести месяцев, компенсируют таким образом стыд, страх и позор начала службы. И они будят роту среди ночи, строят ее на ЦРП и пиздят и качают, и издеваются по-всякому...

А Дембель, если он не полный дебил, помнит, что можно ведь и спалиться. И тогда в лучшем случае кича. В худшем – дисбат. На фига ему перед самым домом такое счастье? И сам он не дрожит, а зовет молодых: почему чекара тащится? Разве вы тащились? А молодые и рады услужить, потому что страх перед старшим **призывом** у них уже крепко засел в мозгах.

Да! Слово «чекист» взято из изречения Дзержинского, развешанного в виде плакатов по всем частям ВВ. Не помню я его, забыл.

Чекланка

Период длиной в полгода. Пока не привезут новых **чекистов**. Всегда забавно смотрится дед,

Типичный запах. Обратите внимание на туго затянутый ремень, крашеную бляху, еще чистую форму, отсутствие шевронов и спокойный взгляд. Наверное, еще до присяги. А фотографию делала, наверное, мама на КПП.

начинающий какую-нибудь историю из своей «молодости»: «Да я, блядь, по чекланке...»

Человек-невидимка

Ботлих. Осень 2000-го.

У **коней** был свой экскаватор. Однажды водитель его, копаясь в кабине, бросил через плечо ветошь, пропитанную бензином. На горе свое рядом стоял солдат, которому как раз в этот момент вздумалось закурить. Итог: сильный ожог лица какой-то хуевой степени. Своей санчасти «кони» не имели, а потому перекинули парня через дорогу, то есть к нам. Весь в бинтах, замотанный до такой степени, что видны были только глаза, он получил прозвище «человек-невидимка» и болтался в полку около месяца.

Человеческие отношения

Иногда думаю: почему мне не удавалось дрочить так **чекистов**, как дрочили нас, притом, что ведь я этого хотел и тогда уже считал, что это правильно. Ответ, наверное, такой. Когда начинают мальчишка, только что с гражданки, обламывать, пытаюсь превратить его в дрессированную собачку, у него возникает вопрос: зачем, почему, за что? И он его задает своему сержанту, деду, черпаку, неосознанно пытаюсь при этом вызвать к себе именно человеческое отношение, а не отношение к ничтожеству, рабу, жертве. Он может начать рассказывать про себя или задать вопрос: «А как вы на чекланке ебались, товарищ сержант?» Еще на **КМБ** я понял, что этого делать не стоит. Я как-то сигарету у сержанта спросил, а он мне: ты охуел, **чикаго**? Надо же, уж сигарету дать запаadlo! Потом я это понял, но не принял. Когда я сам стал сержантом, чекисты находили во мне понимающего собеседника, а после двух-трех слов «за жизнь» трогать я их уже не мог. Представьте: человек, наивно и доверчиво улыбаясь, смотрит тебе прямо в глаза, ты чувствуешь, что он тебя даже как-то уважает за то, что ты много в этой злобучей армии видел и пережил, а ему только предстоит это пережить, и что его такого кулаком в зубы? А ведь надо, надо, или потом он тебя просто на хуй посылать станет. Я имел такой опыт, когда в **Ангарске** растащили мы свою учебную роту, как последние лохи, пизды им не могли дать. Они этим воспользовались и забили на нас хуй. Глядя, как утром на подъеме чекист, который и месяца не прослужил, лениво наматывает портянки и вспоминая, как мы подрывались за несколько секунд в **Хабаровске**, я начинал злиться. Но это все бы ничего, но ведь **шакалы** пиздили нас за это! Почему рота не выходит вовремя на **зарядку**? Почему порядка нет? Почему спят в **карауле**? Да потому что добренькие мы. На по ногам!

Выходишь злой, берешь чекиста, с мамой которого только вчера на КПП разговаривали, и тоже в ногу ему. «Расслабился?» «Пиздите, пиздите их, - говорили нам **шакалы**, - качайте! Вы же сержанты!» А ты стоишь и думаешь: «А если что случится, если палево какое, вот селезенка отвалится или кровоизлияние там, ты же, сука, меня и сдашь. Сначала кича, потом показательный суд, потом дисбат».

В **Ботлихе**, в карауле, дверь имели право открывать либо **ПНК**, либо начкар, либо **разводящий**. Будучи ПНК, говорил чекистам, тысячу раз говорил: смотрите, бараны, в окошко, кто пришел, зовите меня, если офицер, я же ему представиться должен и доложить, если это комбат, **кыр** или дежурный по полку. Говорил: пацаны, я с вами по-хорошему, так и вы меня не подставляйте, а то ведь посадят ни за хуй собачий. Утром как-то, только произнес перед сменой подобную тираду... через пять минут офицер заходит, да еще и незнакомый никому – из только что прибывшей партии. Пиздец! Кто дверь открывал? Иди сюда. Уебал ему в грудь со всей силы. А он, оказалось, в бронике – под бушлатом не видно, - на пост собирался. Палец у меня на руке еще несколько месяцев после армии болел.

Чечен

Служил в третьем батальоне, в **Иркутске**. **Призыв** 9/2. Маленький, кривоногий, имени не помню. Вел себя свободно, даже нагло. Мы разговаривали несколько раз. Папа у него якобы жил в Иркутске, занимался каким-то солидным бизнесом, чечен все

рассказывал о том, какой он крутой, сколько у него машин и какой коттедж.

В марте 2000-го чечен не поладил со взводным. Тот – молодой лейтенант пытался его «построить». В один из вечеров литеху испиздили прямо на КПП какие-то ребята в гражданке, и тот убыл, как, усмехаясь, сказал мне потом чечен, «в бессрочный отпуск».

Чечня

Все мои знания о ней ограничены одной деревней. Удивила резкая перемена ландшафта и климата, когда летели из Дагестана. Горы в Чечне зеленые, не так жарко. Разительное отличие в отношении местных к нашим солдатам. В Дагестане сдержанное дружелюбие. В **Химое** же всегда чувствовалась какая-то напряженность, натянутость во всем, враждебность. В Дагестане мы вообще ни о какой войне не думали, жили как-то по-домашнему. В Чечне при отсутствии каких-либо значительных боевых действий не отпускало ощущение, что ты на вражеской территории. А может быть, просто эта земля уже настолько пропитана кровью, что человеку там не по себе.

Чистка оружия

Была почти каждый день и обязательно после **стрельбища**. Табуретки выносились на **ЦРП** и ставились в ряды по краям. На них раскладывали ветошь, масло, содержимое пенала и детали автомата. Самым страшным при этом было уронить

Химой. Слева на первом плане – Рева-Бизон, справа на втором - Батоха

какую-либо из них на (бетонный) пол. Чаще всего и громче всего падала ствольная коробка. На звяканье подходил **сержант** и наказывал «за неосторожное обращение с оружием»: брал шомпол и стучал им по голове. От этого тонкого стального прутика боль ужасная, нетерпимая, даже если стучать легонько, слезы непроизвольно просто выбрызгивают из глаз. Без подобного инцидента на моей памяти в **Хабаровске** не обходилась ни одна чистка оружия, так как поверхность табуретки явно недостаточна для того, чтобы уместить на ней без потерь все вышеперечисленное. Такое «воспитание» научило с трепетом относиться к оружию. И только в **Ботлихе** осенью 2000-го, когда привезли духов 0/1 из **Ангарска**, у которых никакой учебки не было, не было и таких сержантов, а потому они тыкали стволами куда попало и постоянно что-то теряли; только тогда я понял, что все это было правильно. Лучше десять раз получить по башке, чем потерять деталь от автомата или допустить случайный выстрел (см. **Подлас**). А ведь до некоторых так и не доходит. Таким был у нас якут Вася Кривошапкин – единственный в нашей учебной роте, удостоившийся за систематический недосмотр за оружием наказания, какого я в армии не видел ни до, ни после. К стене, примерно на метр от пола, ножками прислонили табурет, а к его седушке точно так же, ножками, второй. Так, чтобы второй удерживал первый. Ну а второй (и таким образом оба) удерживал своей башкой Вася, которого прислонили лбом к крышке второго табурета. В этой позе он простоял минут сорок, пока не окончилась чистка. Примерно вот так:

Шакалы

Так в **ВВ** называли офицеров. И не без оснований. Прослужив полтора года, могу вспомнить добрым словом только одного. Когда мы увольнялись, незнакомый капитан совершенно бескорыстно сделал для нас все то, что были обязаны сделать

офицеры, с которыми мы вернулись из командировки. А я даже фамилии его не запомнил.

Всех офицеров можно разделить на несколько категорий:

Ущербные. Те, кто не может чувствовать себя на гражданке полноценным человеком. Пример – старший лейтенант Янцев. Наш ротный в период моей службы во втором батальоне **ангарского ОПОНа**. Метр с кепкой, абсолютно лысый, с кривенькими больными ногами, мутными косящими глазками, настоящий карлик, у свободного гражданского человека он не мог вызвать ничего кроме усмешки или жалости. В армии – в форме, в берцах, портупее, погонах, наделенный какой-то властью, воспринимается совсем по-другому, и в первую очередь, совсем по-другому воспринимает себя сам. Он командовал сотней здоровых молодых парней а когда получил капитана, совсем охуел, даже начал пытаться пиздить своими маленькими ручонками. Комичный, куда еще такому идти, как не в армию? Где еще реализовать себя? В **Ботлихе** раз пришел с проверкой в **караул**. Я тогда был **ПНК**. И тут как раз заходит **Бодруг** чайку попить, и как бы между делом говорит, подлец: часовой-то ваш на **КПП** спит. У Янцева аж глаза заблестели. Сразу на **КПП** бегом. Я и начкар за ним. Заглядываем в пост, а там и правда часовой на **кирасе** развалился и дрыхнет. Причем в каске. Янцев отыскал здоровенный камень чуть меньше его самого, с

трудом поднял на грудь, тащил, старался, пыхтел и ебнул в конце концов его часовому на каску. Хорошо хоть с небольшой высоты. Не смог высоко поднять, силенок не хватило.

Такая вот сволочь.

Социально неполноценные. Те, кто не может устроиться на «гражданке». Не умеющие ничего делать. Предпочитающие борьбе и учебе паек и льготы. Бездари, неучи. В случае увольнения их, в лучшем случае, ждет место охранника в продуктовом павильоне.

Романтики в прошлом. Эти в юном возрасте поступили в офицерское училище, закончили, прослужили какое-то время, все поняли, но деваться было некуда – семья, дети. Так и тянут эту лямку. Это наш замполит в [Хабаровске](#), лейтенант Сурнов в [Ангарске](#). Последний при встрече всегда говорил: «Сержант, давай я тебе в ногу пну?» И еще многие.

Фанатики. Общение с ними требовало предельной осторожности. Здесь действительно можно было получить в ногу или в кадык.

С самого своего образования ангарский полк воевал. Почти все офицеры прошли Чечню. Старший лейтенант Потапов. Человек из одних мышц и сухожилий. Участвовал в первой чеченской кампании, служил в спецназе, в разведке. Однажды чуть не прибил меня на КПП в Ангарске, за то, что я не отдал воинское приветствие. У него не было знаков отличия, и видел я его тогда первый раз. Зато у него было плохое настроение. Человек, головой пробивающий шифер, руками ломающий кирпичи, зубами бутылки и пр. В Дагестане ему всюду чудились засады и другие происки врагов.

Старший лейтенант Щербаков. Выйдет этак перед строем и давай орать что-нибудь типа: «Война-а-а! Война спасет этот мир, солдаты! А-а-а все, пиздец! Война – это жизнь! Грачи будут клевать ваши глаза! А может быть, и мои». Прикольный мужик. Или: «Нет, я спереди с ПМом не пойду! Я что дурак? Спереди пойдете вы, потому что вас много, а нас – офицеров... мы слишком много знаем, чтобы так – хуяк! Нет, я с ПМом не пойду, я возьму десять «Мух»!» или: «еще раз такая хуйня повторится, сержанты, я вас изнасилую». Солдат до мозга костей.

В полку были двое обладателей краповых беретов – высшей солдатской награды. Первый – старлей Гарифулин. Он сдавал на берет. Гвоят, его там чуть не убили. Он гордился своим беретом. Гарик служил в роте разведки, и «летучие мыши» чувствовали себя с ним как за каменной стеной. Спокойный, степенный, он внушал своим солдатам, что они должны быть лучшими во всем и, главное, он их хоть чему-то учил. Страшно переживал, что его не взяли в первую дагестанскую партию.

Второй краповик – капитан Гибадулин. Толстый, неопрятный чувак. Юморной, но очень жестокий. Долго я не мог понять, за что ему дали краповый берет, хоть он и служил раньше в роте спецназа. Но раз, стоя на вечерней поверке рядом со мной и будучи в дупель укуранным, он рассказал [Яреме](#), находящемуся в таком же удолбанном состоянии, историю о том, как в первую кампанию вытащил путем обмена из чеченского плена трех спецназовцев – срочников. «За это мне и дали краповый берет», - сказал он и рыгнул.

(см. также [Лейтенант Кондратьев](#), [лейтенант Батов](#), [Ярема](#), [капитан Сысоев](#), [Дежурный по роте](#), [майор Калуга](#))

Шаной

Бурят Шаноев. [Чекист](#) 9/2. Был моим подчиненным на [КМБ](#). У Шаноя обалденно красивый голос, а людей, умеющих что-либо классно делать, в армии балуют. Его все любили - и 9/1, и 8/2, и 8/1. Все звали его на свои посиделки, слушали, ахали и сожалели, что он не умеет играть на гитаре, и просили спеть еще.

Маленький, крепкий и очень спортивный Шаной, тем не менее, был законченный тормоз. Больше всего он любил заниматься чем-нибудь монотонным (плести какие-нибудь веревки, что-нибудь мастерить, вытаскивать, чистить) и при этом петь свою нехитрую бурятскую думку словами наиболее популярных представителей российской эстрады. В конце концов, он попал рабочим в пустую казарму, которая ремонтировалась для второго батальона и его же силами. Он целыми днями соскребал там с пола старую краску и пел. Часто, забываясь за этим занятием, он опаздывал на построения, за что попадали сержанты. Я много раз пытался поговорить с ним, объяснить ему, как здесь хорошо к нему на самом деле относятся, рассказывал про свою [чекланку](#), но ему было пофиг, он уже расслабился, как тот Иван Бровкин. Однажды в батальон зашел после обхода части командир полка и в крайнем изумлении спросил: кто это у вас на втором этаже поет?

Управлять Шаноем мог только Зандан – [зема](#), тоже бурят, 8/1, с самого начала качественно

обломавший его. Шаной мог послать на хуй меня – сержанта старшего [призыва](#), но стоило Зандану недовольно поднять бровь, как Шаной бледнел и становился послушен. Остальные же, включая командира роты, ничего с ним поделать не могли, и целыми днями он гасился, предоставленный самому себе.

Однажды капитан Гибадулин из роты разведки зашел в столовую и сказал мне, - в тот день старшему кухонного наряда, - что забирает у меня Шаноя на соревнования по рукопашному бою в [Иркутск](#). Я ответил, что просто так отпустить его не могу, что должен доложить командиру роты, но Гиба и слушать не стал, а забрал Шаноя и ушел. Вечером мы сдали наряд, вернулись в роту, потом сходили на ужин – Шаноя нет. Не появился он и на вечерней поверке. Полк уже разошелся по казармам, и только второй батальон, как уже не однажды бывало, мерз на [плацу](#). [Ярема](#) велел мне послать человека в роту разведки. Я отправил чекиста. Тот вернулся и сказал, что Шаной там, но самого его он не видел, а дежурный офицер заявил, что Шаной останется у них ночевать. Ярема аж позеленел от такой наглости и пошел разбираться сам. Его не было минут сорок. Окоченевшие, мы пританцовывали, чтобы хоть немного согреться. Наконец из темноты показался Ярема. Даже походка его показывала, как он был раздражен. Батальон перестал дрыгаться и напрягся. За Яремой, прихрамывая, ковылял Шаной. Когда он подошел ближе, и свет фонаря упал на его лицо, весь батальон, как один человек, изумленно выдохнул. Вместо лица у Шаноя было опухшее синее месиво. Выяснилось, что пока Шаной находился в роте разведки, туда пришли двое контрактников – бывшие спецназовцы, недавно вернувшиеся из Дагестана и дембельнувшиеся буквально на днях. Увидев «чекиста», они решили его прокачать. Просто так. Непривычный к такому обращению Шаной оказал активное сопротивление и был, естественно, жестоко отхуячен. Что интересно, под горячую руку попали и «чекисты» - разведчики: Фома, Ли и Семен. Еще две недели после этого они светили на весь полк своими роскошными синими фонарями.

Гиба сначала пытался убедить Ярему в том, что это так покалечили пацана на соревнованиях. Ярема был не дурак, но хода делу не дал, так как Гиба был его другом.

Настоящая же чекланка началась для Шаноя, как и для большинства ангарских 9/2, в [командировке](#). В [Химое](#) из-за своей медлительности и непонятливости Шаной опиздюлялся от 8/1 по несколько раз в день. Сначала я, не скрою, смотрел на это с некоторым даже удовлетворением, вспоминая, как в [Ангарске](#), 9/2, пользуясь идиотскими уставными порядками этой части, едва ли не на хуй посылали нас – своих сержантов. Потом мне стало жаль Шаноя – хоть и тормоз, он

был все-таки неплохим парнем, и я рассказал всем, что он классно поет. Избавив его, таким образом, от постоянных пиздюлин, я одновременно, не желая того, подложил ему свинью. Теперь Шаной пел днями и ночами – для каждой смены, а спать ему самому было просто некогда.

Его пение очень любил [Подлас](#). Вместе мы пытались Шаноя подтянуть, беседовали с ним, намекали. Но он не желал догадываться, как важно в армии положение, и продолжал тормозить. Заснув в очередной раз на посту, он спалился Батову (см. [Лейтенант Батов](#)), и тот отправил его на уборку в туалеты. Не найдя в себе мужества не выполнить такой приказ и совершив таким образом еще одну ошибку, Шаной покорно отправился пидорить очки. После этого все от него отвернулись. Деда больше не приглашали его к себе в кондейку, не сажали с собой за стол, не угощали фильтровыми сигаретами. Как я уже не раз в армии видел, человек, оказавшийся в такой ситуации, совершенно перестал следить за собой и интересоваться тем, как он выглядит в глазах окружающих. Когда я уезжал из Химоя, Шаной был грязным, вонючим задроченным лохом, и пение его уже не спасало.

Через месяц Химой расформировали, и Шаной снова оказался под моим началом уже в бутлихском карауле. Всеми возможными способами он старался показать теперь, что помнит мое хорошее к нему отношение. Я же дал ему самый поганый пост, но в целом относился нормально, и про Химой не вспоминал и никому не рассказывал. Петь, правда, больше ни разу не просил.

Шаной в караульном помещении Ботлиха

Шеврон

Шеврон с тигром (восточный округ внутренних войск) был предметом нашей гордости. Все даже расстроились, когда [ангарский полк](#) передали Сибирскому округу, и тигра сменил беспонтовый медведь с идиотской улыбкой.

Шинель

Ненавижу. Твердая, жесткая, холодная, слишком длинная для солдата, шею не закрывает. Если у армейского бушлата предусмотрено абсолютно все, что нужно, то шинель – полная противоположность, как будто специально в наказание сшита. В [Ангарске](#), кстати, в шинелях только гауптвахта ходила.

Шипа

Шипилевский. Имени не помню. Прославился на весь [ангарский ОПОН](#) тем, что, будучи в [карауле](#), сумел перетащить через высокую стену с колючкой какую-то малолетнюю блядь, приходившую к нему на КПП, и, мало того, отодрать ее в камере гауптвахты на железных нарах, куда для неудобства арестованных были приварены в ширину три металлических уголка. Когда Шипу спрашивали, что он при этом чувствовал, и не было ли больно, он отвечал: «Не знаю, я был сверху».

Шмель

Алексей Чмилев. Мое с ним знакомство началось через меню сапог. Суть в следующем: прослужившие полгода и год, естественно, уже не имеют нормальной обуви. Что там положено солдату, какие «нормы довольствия», всего этого уже не помню – херня это все, конечно. На самом деле материальное благополучие солдата зависит от того, что за полк, какой командир полка, роты, какой [старшина](#). Короче, «старики» снимают с [чекистов](#), получивших полностью новое обмундирование, все, что только можно: сапоги, ремни, кепки, ватники, бушлаты, камуфляж. Но делают это осторожно, без палева. Например: из [роты разведки](#) приходит человек в батальон и говорит: нужен новый бушлат, или пизды получите. Старослужащие из батальона напрягают своих молодых, те снимают с чекиста бушлат и отдают старикам. Те, в свою очередь, отдают его разведке, а разведчик, приходивший в батальон, суетился, естественно, не для себя. И вот он несет бушлат в роту и отдает его дедам. Кому именно предназначается бушлат, может и не знать. С бушлата отстегивают верх, но оставляют подклад, а взамен дают верх другой – грязный, засаленный, рваный, шитый-перешитый. Подклад подменить просто невозможно – при получении новой формы, все беспощадно клеймится хлоркой. И вот чекист из батальона получает назад свой подклад с чужим верхом. Кто будет теперь пользоваться его формой, может только догадываться. Из-за боязни кичи цепочки передачи в «уставном» [Ангарском ОПОНе](#) выстраивались иногда с просто невероятным количеством участников. Чекист мог и не знать, кто именно из старослужащих его роты забирает бушлат и кому отдаст, и что вообще отдает. Просто к нему подходит такой же дух (которому в свою очередь дали «двадцать минут – и здесь новый бушлат, время пошло»), делает большие глаза и говорит, что «надо», прессует психологически, сам уже начиная понемногу понимать, как здесь выживать надо. А чаще всего бушлаты, форму, сапоги, пасту зубную, лезвия и все, что есть у солдата в тумбочке, просто пиздили ночью или во время отсутствия роты. Украли бушлат, а завтра его уже носит кто-то в автороте, например. Даже если

нашли «крысу» – это такой же чекист, а кому отдал не скажет, – побоится.

На [КМБ](#) в [Ангарске](#), когда я уже был командиром отделения, у нас была точно такая история. [Лейтенант Щербаков](#) собрал всех сержантов в канцелярии, построил в шеренгу и начал допрос. Прослужил он офицером к тому времени уже немало и прекрасно знал, как все это делается. Он начал «раскручивать» цепочку, но где-то сбился и в итоге забрался в такие дебри, что только расстроился и в сердцах выгнал всю роту на [плац](#) в лютую зиму на строевую подготовку. Мы просто маршировали по плацу без остановки, «искали бушлат». Самое удивительное, что через три часа он нашелся. К этому моменту мы все одубели до такой степени, что не чувствовали ни рук, ни ног. Обидно было знать, что виновник гасился в это время в [кухонном наряде](#).

Так вот, разбудил меня ночью сержант из «молодых» и сказал, что нужно поменяться сапогами «вон с тем парнем». В кромешной темноте, путаясь в портянках, мы со Шмелем обменивались первыми впечатлениями об армии. Он тогда был крайне худ и запуган всем происходящим, впрочем, как и все остальные. Говорил, что мечтает после армии поступить в офицерское училище и сделать военную карьеру.

Позже мы оказались в одном плацкарте поезда, увозившего нас в [Хабаровск](#). Офицеры продали и пропили весь наш сухпай, и все три дня дороги мы практически голодали. Общее уныние сблизило нас, и тогда он первый раз назвал меня другом, а впоследствии часто повторялся. Я с подобными определениями не торопился.

В [Хабаровске](#) мы летали практически вместе, хотя и были в разных взводах. В [карауле](#) наши койки были рядом и я, помню, долго рассказывал Шмелю о том, как скучаю по дому, по возможности просто сидеть ночью, когда никого нет, и никто не достает, и просто читать при свете настольной лампы, неторопливо пить кофе и курить сигареты с фильтром. Короче, у нас были общие темы. Когда он возвращался с поста, а я, находясь в другой смене, раскладывал сечку или макароны по тарелкам, то одну из них наваливал с горкой и кивком головы осторожно показывал Шмелю, где сесть. И я, возвратившись с поста, мог рассчитывать на такое же внимание. И в роте мы держались вместе, никогда не отказывали друг другу в мелочах типа лезвия или сигареты.

Все изменилось, когда я попал в [санчасть](#). Я пролежал там около трех недель, а когда вышел, не узнал свою роту. Можно сказать, что приехали мы

все одинаковыми, все чекисты. Но чтобы держать в подчинении роту, нужны помощники, проще говоря, шестерки. Тут каждый сержант выбирает под себя: кто-то сообразительных, кто-то сильных, кто-то угодливых. Не знаю, чем подошел Шмель, но когда я вернулся из санчасти, то увидел: он стал положняком и начал, грубо говоря, выебываться.

Кроме Шмеля вылезли еще двое: Махно и Семен. В один прекрасный день все трое заявили своему взводному, что по окончании учебки и прибытию в [Ангарск](#) хотели бы служить в роте разведки. Молодой лейтенант начал активно их к этому готовить, всячески подтягивать и поощрять. Со Шмелем невозможно стало общаться. Еще не надев берета, он уже презирал всех остальных. Еще больше выросло его самомнение, когда забирать нас «домой», в Ангарск, приехал прапорщик – старшина роты разведки. Переговорив пять минут в канцелярии с нашими офицерами, он вышел на [ЦРП](#), где стояла рота, и громко спросил: «Ну, кто тут желает служить в разведке?» Трое получили «главный билет» и возвысились (в своих глазах) над простыми смертными. Прапор доверил им все, вплоть до выдачи сухпая в дороге. Естественно, что больше половины его было продано Шмелем и Махно на первых же станциях, а на вырученные деньги покупались колбаса, водка, сигареты, сладости и проч. Оседало все это в плацкарте, где ехал прапор, трое наших героев и двое гражданских. Мы же попросту обламывались. Вся радость того, что вот мы теперь наконец-то свободны, была омрачена элементарным отсутствием хавчика и курева («Прима», которую прапор получил на роту, также продавалась или обменивалась на продукты). Знать при этом, что за стенкой кто-то жрет банками сгуху и курит «Мальборо», а ты из-за этого пролетаешь даже с положенной тебе консервированной перловкой было не особенно приятно. Еще в Хабаровске прапор при всех нас сказал своим новым протеже, что в Ангарске, в разведке, постоянно не хватает мыла, и что «надо». А Шмель, Махно и Семен как последние твари принялись после этих слов трясти чужие вещмешки, отбирая куски хозяйственного мыла, выданного в дорогу. Тогда я это еще терпел, да меня это и не коснулось¹, но в поезде, на третьи голодные сутки, я не выдержал и все-таки пошел к Шмелю, хотя любое общение с ним теперь было в тягость. Прапора не было. Наверное он сваливал наш тушняк вперемешку с колбасой в унитаз или заигрывал с неряшливой проводницей. Семена и Махно не было тоже. Они изрядно выпили, и когда я сказал Шмелю все, что о таком поведении думаю, он поднял крик и

¹ Прошу не думать, что я подавал голос только в случаях, касающихся меня лично. Но если ты настолько лох, что позволяешь своему же призыву такие вещи с тобой делать, тут я не помощник.

начал визжать, что я впрягаюсь из-за банки тушняка, и полез на третью полку, вытащил несколько консервов и демонстративно вручил мне. На крик прибежало несколько бандерлогов, которым Шмель кидал по старой памяти – сержантские любимчики – из того, что перепало ему в дороге, и попробовали задавить меня своим наивным диким базаром, типа всем хуево, а ты, мол, такое чмо, вой, как баба, поднимаешь. На это я спокойно ответил, что я не слепой и вижу, куда что идет. Потом смачно послал их всех на хуй, взял консервы и отнес в свой плацкорт, где на них набросились голодные пацаны. Мне тоже дико хотелось жрать, но тут появился один гражданский из плацкарта Шмеля и вызвал меня в тамбур «на пару слов». Его полупьяный бред отражал взгляд на проблему человека, никогда не знавшего, что такое голод, и не понимающего потому, как можно устраивать разборки «из-за банки тушняка». Было видно, что после двух-трех рюмок, доверительного разговора «за жизнь» Шмель, который и трезвый-то любил пускать пыль в глаза, ему понравился, и теперь он рвался, что называется «уладить дело». Его я тоже послал на хуй, послушав полминуты, и повернулся, чтобы уйти. Он схватил меня за руку. Не поворачиваясь, я спокойно высвободил руку и удалился, исполненный достоинства. За то короткое время, что я отсутствовал, консервы были истреблены беспощадно и полностью. В спешке и от радости, парни про меня просто забыли. Расстроенный я завалился спать.

По приезду в Ангарск мы снова стали равны. Все «положение» осталось в Хабаровске, и все приходилось начинать сначала. После осмотра в санчасти, нас построили на плацу и лейтенант Гарифулин объявил, что является сейчас временно исполняющим обязанности командира взвода на учебном сборе призыва 9/2, который проводится здесь, в полку; и что ему нужны сержанты на должности замкомвзводов и командиров отделений. «Мне нужны звери!» – громко выдохнул он и беспощадно оглядел всех нас слева направо. Было холодно. Плац был пуст и запорошен снегом, за колючей проволокой темнели огромные деревья. Мы молчали. «Кто считает себя зверем?» – не унимался Гарик. Задроченные вчерашние чекисты, уставшие и голодные мы молчали. Мы были зверями, но не в том смысле, который вкладывал в это слово офицер разведки. Мы не знали, чего ждать от этого вопроса, что будет, к чему нас обяжет положительный ответ. Наконец Шмель не выдержал. «Я!» – громко ответил он и сделал шаг вперед. Понты пересилили страх неизвестности. Больше никто добровольно признать в себе «зверя» не захотел, и Гарифулин выбрал сам. В том числе и меня.

Жизнь, что называется, пошла своим чередом. Шмель снова стал в доску своим и балабасил, и угорал вместе со всеми. Очень, правда, обиделся на нас на всех за то, что ему выпало быть дежурным по роте на Новый Год, хотя кого тут винить?

Ситуация изменилась, когда КМБ закончился, и всех нас, вместе с чекистами, начали распределять по ротам. Взяли Шмеля в разведку. Вылизал он для этого, думаю, не одну жопу и успешно пройдя видоизмененный Тест Купера, перебрался в соседнее здание, в то время как мы еще ждали свих новых командиров и временно жили в полупустой роте КМБ. Вечером того же дня Шмель явился в казарму «проведать» товарищей, а между делом показать свои новые берцы. Берцы были, конечно, ношенные и дышали на ладан, но суть была не в этом. Важный, он прогуливался по пустому ЦРП...

Потом меня перевели в Иркутск и там, по ТВ, я смотрел церемонию убийства очередной партии в Дагестан. В ней был и Шмель.

Когда я сам приехал в Ботлих, мы встретились в первый же день. Он сам подошел ко мне и предложил поговорить. Мы зашли в пустую палатку, на двери которой было написано «клуб». К этому времени я уже успел увидеть, что разведка и саперы, как того и следовало ожидать, держали полк, как и в Ангарске, только жестче. Абросимов остался в Сибири, и беспредел здесь остановить было некому. По рассказам, получение контрактниками зарплаты (в среднем около двух тысяч рублей) проходило так. По одному они заходили в штабную палатку, которая была первой в ряду, а выйдя оттуда с деньгами, соответственно, поднимались вверх по центральному проходу между двух рядов палаток, где их уже поджидали, сидя на подставках для чистки обуви, «сильные мира сего». Любой из них мог, не сходя со своего места, пнуть контрактника ногой и потребовать: сотыгу! К утру следующего дня у большинства контрактников карманы были пусты.

Шмель начал издали. Сказал, для начала, что рад меня видеть, напомнил, что мы друзья и поведал о сложной и полной опасностей службе разведчиков оперативного полка на Кавказе. С гордостью рассказал о том, что уже несколько раз летал в Чечню и даже кидал там в кого-то гранату. Далее разговор зашел о деньгах. Шмель был и оставался срочником, я приехал служить по контракту, а потому мне в конце месяца светили бабки. Просто отобрать их у меня, как у другого, он не мог, а потому попросил «дать займы». Подобная просьба, разумеется, предполагает возврат денег, с другой стороны, было понятно, что рассчитывать ему будет просто нечем. Да и незачем. Самому себе

Шмель в тот момент, наверное, казался очень хитрым, но все, о чем он думал, было написано у него на лице. Я в свою очередь, решил не портить отношения – надо было сначала осмотреться. Я согласился, думая про себя, что когда дойдет до дела, причина отказать найдется. Шмель обрадовался и пообещал мне любое содействие, если будут проблемы. И я действительно воспользовался раза два или три его помощью по мелочам, а получив 31-го мая первую зарплату, утром 1-го улетел в [Химой](#).

В Ботлихе Шмель сдал на зеленый берет, а на следующий день, решив напрямь батальонного Доктора, получил от него пизды и сдался без боя, за что Гарифулин у него берет тут же и отобрал. Спалился Шмель также пытаясь развести кого-то на бабки. Этот «кто-то», видимо, стукнул фээсбэшникам, и Шмеля из разведки поперли.

Для него все это было сильным ударом. Изю всех сил он старался показать, что ничего особенного не произошло, но не получалось. Прожив в батальоне два дня, уехал с очередной партией на [Ансалту](#).

Шомпол!

Команда, подаваемая хабаровскими [сержантами](#) для проверки того, как выбрит солдат. По этой команде подбородок резко и до предела задирается вверх. Но иногда вместо проверки следовал удар в кадык кулаком или ребром ладони. Любили также хватать пальцами и сжимать изо всех сил. Никаких синяков, никаких увечий, так, охрип солдат немного. Так ведь сквозняки в роте какие! Я однажды целую неделю после такого разговаривать не мог.

Щегол

То же, что и Черпак, Молодой. Следующая после [чекиста](#) ступень.

Переводят «в щеглы», кажется, тридцатью ударами табуреткой по жопе. Меня не переводили, так как в [Хабаровске](#) этой чести удостоились только положняки, к которым я не принадлежал, а в [Ангарске](#) на все это срать хотели с высокой колокольни (см. [Фазан](#)).

К слову, очень понравился мне перевод из деда в дембеля. Старшего сержанта Потешкина уложили на койку, сверху накрыли толстым слоем подушек и одеял, собранных по всей роте, а под койку затолкали [чекиста](#). Один из дедов «хлестал» по всей этой куче ниткой, а чекист под койкой орал за Потешкина, изображая боль и невыносимые страдания.

Щетки

Две лысые щетки на батальон, который только что вернулся с завтрака и через пять минут должен стоять на [разводе](#) с начищенными сапогами, конечно, маловато. Что ж делать! Чистили зубными. Вилы в жопу [старшине](#).

Эвенки

Было у нас несколько человек, [призыва](#) 9/2. Один из них спокойно так, довольно развязано подкатил ко мне с разговорами «за жизнь», а я к тому времени прослужил уже месяцев семь или восемь и по идее за такую попытку должен был дать ему в ребра и отправить на очки. Но я этого не сделал, поступив по всем понятиям как лох. Не можешь драть чекистов, заставить уважать тебя и бояться, выполнять любое твоё требование – значит лох. А он, почувствовав нормальное к себе отношение, изливал душу. Вот, говорит, я, когда только в армию пришел, первый раз в казарму захожу мне, говорит, кричит кто-то: «Эй, тело, сюда иди!» И ты знаешь, говорит, меня аж всего передернуло. А он, видно, такой начитанный, речь правильная, учился, наверное, где-то. Мне вдруг вспомнилось, как в [Хабаровске](#) ночью второй взвод на [дужках](#) стоял, а [Шмелю](#) младший сержант Карпов хлестал [бляхой](#) ремня по пяткам, а Шмель плакал громко так, на всю роту. Вот как после этого [чекистов](#) не пиздить? Они ведь не понимают даже, как им хорошо живется и славно служится. «Передернуло» его!

Потом рассказал мне, что их, эвенков, очень мало осталось, Тысяча, что ли...

Юбочки

Так солдаты спецподразделений называли всех остальных из-за формы одежды: китель навывпуск, перетянутый ремнем, образует эту самую «юбочку». В отличие спецназ и разведка китель заправляли в штаны, что могло любого задрота сделать на вид более мужественным. Это, кроме беретов и берц, и отличало их от нас внешне.

Язык

Язык, на котором изъясняются в армии, конечно, дичайший. Отчасти это слабое подражание блатной фене, а в основном просто смешение армейского жаргона с какими-то примитивными деревенскими диалектами.

Одни и те же выражения, слова кочевали по ВВ от Владивостока до Чечни. К концу службы я, например, исключил из своего лексикона вопрос «Можно?», так как мне надоело слушать про то, что «можно» Машку за ляжку, телегу с разбегу, козу на возу». Так на этот вопрос отвечали все без исключения, солдаты и офицеры, в шутку и всерьез.

От офицеров особенно заебалось слушать про слона, которого я должен был купить, оторвать ЕМУ голову и ЕМУ ебать мозги.

Хотя есть и несомненные успехи. Например, более точное определение для офицеров, чем «шакалы», трудно придумать. Или слово «чекист». Неплохо и «балабас», «балабасить», «запах не рожденный». Особенно по началу было прикольно. Я, к сожалению, не могу на бумаге передать интонаций, а они тоже имели свойство легко преодолевать значительные расстояния и, проведя полгода в хабаровской учебке, можно было с удивлением обнаружить, что солдаты в Ангарске или Иркутске говорят точно также. И лексикон, и интонации, и словоупотребление мало чем отличаются.

Ярема

Великий и ужасный Ярема держал в страхе и постоянном напряжении весь второй батальон Ангарского оперативного полка еще до того, как майор Калуга – комбат – убыл в служебную командировку на Северный Кавказ. Когда же это случилось, Ярема стал исполнять его обязанности, получив фактически полную власть над более чем сотней солдат. Когда срочники из других рот наблюдали из окон, как второй батальон бежит часами по плацу в УЗК, или просто марширует после вечерней поверки, или просто стоит, когда полку уже дан отбой, они, я думаю, благодарили судьбу за то, что она не забросила их служить под началом безумного капитана.

Все, что я о нем знаю, взято из рассказов старослужащих. Вот эти скудные сведения. До первой чеченской кампании Ярема часто занимался рукоприкладством по отношению к подчиненным, но однажды кто-то стукнул, и его едва миновала тюрьма. После этого Ярема зарекся трогать солдат и избрал способом воздействия метод коллективного воспитания. Он старался драть личный состав по Уставу и мог в любое время дня и ночи процитировать наизусть любую его статью, назвать ее номер, главу, страницу. После первой чеченской Ярема конкретно поехал умом. Никто точно не знал, принимает ли он какие-то таблетки, чтобы успокоиться, или наоборот это они делают его невменяемым, но ясно было одно: Ярема был един в двух лицах. Спокойный уравновешенный командир, внимательный к простому солдату и всегда готовый за него заступиться, и совершенно не контролирующийся себя мудака, способный прийти в казарму в три часа ночи, построить роту, начать переворачивать койки, выбрасывать тумбочки на ЦРП и орать, что нет порядка. Однажды в мое дежурство он в подобном состоянии появился в казарме, зашел в комнату дбсуга и увидел на столе куски бумаги. Он перевернул все столы, выбросил за дверь все книги, разбил деревянные стеллажи, горшки с цветами, ногами проламывал двери в тумбочках и даже местами отдрал от пола линолеум. Комната дбсуга до этого была нашей

гордостью: это был «дембельский аккорд» 7/2, и они тогда постарались на совесть. Ярема уничтожил всю эту красоту за пять минут. Из-за чего? Из-за листка бумаги, портившего общий вид.

В пять утра он мог поднять [сержантов](#) и усадить их писать никому не нужные конспекты, часами мог держать роту на плацу, а сам расхаживать перед строем и гнать абсолютную чушь, в которую и сам не верил. Однажды в субботу каптера принес из прачечной сырое постельное белье – они там не успели просушить. «Что ж, - сказал Ярема, - будем сушить мы. Солдат не может спать на мокрых простынях». Мы развесили белье на дужках кроватей и до четырех утра (!) стояли на [ЦРП](#) в строю – ждали пока оно высохнет. В половине пятого отбились. Не давать спать солдату было любимым занятием Яремы. Он знал, сука, слабые места. Он мог ночью лазить с фонариком по казарме, среди вонючей пердежи, и проверять, правильно ли сложено обмундирование. Опущенная на сантиметр ниже положенного бляха означала только одно – немедленный подъем всей роты. Однажды он придрался к какой-то мелочи, а в итоге заявил, что наши портянки и [сапоги](#) сильно воняют (еще бы!) и поднял роту. В колонну по одному мы заходили в сушилку и ставили обувь с намотанными сверху портянками на батареи, выходили и снова строились. Было такое впечатление, что Ярема постоянно провоцирует нас на бунт, проверяя на крепость наши нервы. Черт его знает, может, ему действительно этого хотелось. Также, когда ожидали приезда комиссии по вооружению, Ярема в [КХО](#) разломал все ящики, все полки для бронезилов, раскидал все щиты, разбил шкафы для оружия – по полу кучами валялись автоматы, а мы до шести утра приводили все это в порядок, нашивали бирки на сумки для противогазов, клеймили масленки. Комиссия не приехала.

Только в одном месте вне зависимости от своего душевного состояния Ярема вел себя тише воды, ниже травы. В [карауле](#). Он часто заходил в караулку, а мы при нем дрыхли на скамьях в неположенное для этого время, смотрели телевизор, ели не по Уставу, зная, что он **боится** нас вооруженных и имеющих боевые патроны. Деды говорили, что Ярема **боится** бывать в городе и даже в магазин соседний с частью ходит с пистолетом в кобуре – так много у него врагов на «гражданке» – бывших срочников.

Когда мы с [Прищепой](#) уезжали в Дагестан и стояли на плацу перед автобусами, один молодой лейтенант из батальона специально вышел пожелать нам удачи, сказать, чтобы мы были осторожнее – ведь нас только двое уезжало из всего батальона. Ярема тоже подозвал нас. Мы надеялись, что хотя бы в этот момент он окажется

человеком, но он велел расстегнуть бушлаты и проверил [клеймения](#): не чужие ли забираем?

В Дагестане, на [Ансалте](#), Ярема до того задрочил своим ебаным Уставом солдат, что они не выдержали и составили маляву на имя командующего группировки. На Ансалту прибыла комиссия, Ярема получил строгое взыскание и после ее отъезда, говорили, сделался как шелковый: увеличил время для сна, ввел более удобный и гуманный график несения службы в карауле, постоянно строчил в [ПВД](#) письма, что солдатам не хватает сгущенки и сигарет.

Не один дед по милости Яремы ушел на дембель прямо с кичи и в грязной робе. Не брезговал капитан и стукачеством. Было дело, заходит под расположение, возьмет гитару, тряхнет, а из нее коробок с травой выпадает...

Более гнусного и в то же время загадочного типа в армии я не видел ни до, ни после. Ему тогда не было и тридцати...

(см. также [КХО](#), [Кича](#), [Труска одеял](#))

Контакт с автором: egor@dvaggression.ru